

Александр Вин
Сакура, свадьба, смерть

Приключения эгоиста – 3

«Сакура, свадьба, смерть»: Издательские решения; 2015
ISBN 978-5-4474-3005-4

Аннотация

Герой, капитан дальнего плавания Глеб Никитин много путешествует, расследует преступления. Действие книг серии происходит в наше время в разных странах. Капитан Глеб выручает друга на острове Антигуа в Карибском море; в городе своего детства находит преступника, убившего девочку; проводит через опасности русских лесов отряд иностранных туристов. В своей свободной жизни герой успешно общается с королями тропических государств, с матросами парусных кораблей, с красивыми, умными женинами...

Сакура, свадьба, смерть

Александр Вин

Пятница. День первый

Хоть цепь на калитке высокого кованого забора и была снята, но таких ранних посетителей здесь никто ещё не торопился встречать.

Через крыши новых домов, со стороны близкого проспекта, сюда, в тишину незначительного переулка едва доносились мелкие волны автомобильного шума, а у входа было прохладно от плотных утренних теней больших акаций-робиний.

– Эй! Есть кто живой?

Загорелый седоватый мужчина тронул ржаво скрипнувшую тяжёлую калитку, прошёл за ворота, заглянул в открытое окошко кассы.

Никого.

Мужчина улыбнулся, упрямо заложил руки за спину и в такой позе внимательно изучил табличку с правилами посещения ботанического сада.

Достал из кармана деньги, отсчитал необходимое количество, положил, протянув руку в окошко, на какой-то дежурный журнал с записями, раскрытый на столе. С такой же уверенностью оторвал от толстой пачки один нужный билет.

И совсем не спеша зашагал по центральной садовой аллее.

Когда жизнь позволяла, капитан Глеб Никитин всегда старался заглянуть в тишину именно этого старого сада, с удовольствием бродил по давно знакомым тропинкам, вспоминал...

Всё так же, в сотне шагов от ворот, нависал над ровными газонами тёмный туман двух гигантских сосен, на фоне высокого хвойного подлеска светло выделялись пирамиды заметно подросших за прошедшие годы стройных туй.

Справа накренилась низкая, квадратно-чёрная кирпичная труба крохотной ветхой котельной.

09.50.

«Да, рановато...».

Однокая пчела, переживая разлуку с кем-то, несомненно, близким, добросовестно летала в поисках над пёстрым летним лугом и жужжала, жужжала...

На просторах дальнего цветника склонилась, что-то поправляя среди высоких пышных георгин, пёстрая старушка.

Ровно расстеленные, прятались в клевере длинные зелёные шланги для полива. Несколько раз неудачно фыркнула и затем окончательно замолчала за деревьями газонокосилка.

У пруда Глеб остановился.

Высокий берег, заросший высоким черноольшаником, мягкая травяная земля, вчерашние, уже подсохшие и свежие ещё, утренние, кротовые бугорки.

Над молчаливыми и спокойно кормящимися утками резко кричали, суматошно падая к воде, две нахальные, случайные чайки; изредка вскакивал, вставая на хвост, и хлопал в брызгах крыльями, встревоженный красивый селезень.

У дальнего берега пруда мягко стрекотали лягушки, и там же отдельным крепким кваканьем выделялась среди сородичей какая-то могучая особь.

Под самым берегом в мутно-цветущей воде, среди опавших мёртвых веток, плавали спокойные толстые рыбы.

Часть ровного откоса была укреплена рядом тесно вбитых тонких брёвен.

«Сохранились...».

Их, курсантов мореходки, часто приводили сюда, в университетский ботанический сад, расположенный по соседству, оказывать шефскую помощь: копать, таскать ненужную землю, по осени грузить в прицепы кучи сорняков и обрезанных веток. Однажды старшина взял с собой только троих, самых толковых, – тяжеленными кувалдами они весь день заколачивали в мелкий илистый берег тонкие, уже кем-то подготовленные, остро затёсанные трёхметровые лиственничные брёвна. Чуть не померли тогда. Но получилось. Запомнилось на всю жизнь.

«И не сгнили ведь, смолистые...».

С шипением по воде пошла на посадку опоздавшая утка – полосы брызг с радугой рассыпались по сторонам – и поплыла к своим, кормиться.

Полосы дальних тихих дорожек, посыпанных старым шлаком и битым кирпичом, то и дело перебегали перед Глебом суэтливые скворцы, по траве между шершавых деревьев степенно ходили парочками дикие голуби.

По могучим морщинистым стволам робиний стремились от травы ввысь шрамы пыльной коры, лишь изредка где-то между ветвей пересекаясь.

«А это что тут у нас такое? Можжевельник виргинский. Тощий, молодой ещё. В последний раз его не было...».

Приторная духота и кондитерские формы розария никогда не привлекали Глеба, он спокойно миновал такое умышленно красивое великолепие, улыбнулся и направился к своему любимому дереву.

Гинкго – легенда юности, таинство Востока, миллионы лет, динозавры...

Ещё на первом курсе он узнал про невозможное существование сразу нескольких деревьев гинкго-билоба в местном ботаническом саду, сразу же придумал для себя какую-то необходимость их видеть и изредка приходил, тратя часы увольнений, к острому перекрестку тихих аллей.

В окружении нескольких могучих румелийских сосен и безымянной ели в два человеческих обхвата, стояли на ровной тенистой траве четыре стройных, молодых, ещё даже не столетних, дерева гинкго.

Стволы прямые, а ветки с такими забавными листиками начинались на высоте трёх, четырёх метров – не достать.

Однаковые таблички на стволах грустно сообщали, что в данном ботаническом саду находятся деревья только одного пола и поэтому семян они не завязывают.

Зная, что никто его пока здесь не может увидеть, капитан Глеб Никитин захохотал.

«Ну и что?!».

Ещё в юности, при первой же встрече с этими гинкго ненадолго опечалившись бесплодием великих деревьев в старом саду, он, как-то случайно и задумчиво топая с поручением командира по улицам в другом конце города, увидел под ногами знакомые жёлтые листья.

«Гинкго двулопастный – и на асфальте?!».

Да, действительно, был холодный солнечный октябрь, были листья и упавшие ягоды, как Глеб тогда решил. Позже он прочитал, что это всё-таки семена, круглые, похожие на мелкие сливы или на алычу, мерзко воняющие и липко перезревшие.

Никто, кроме него, теперь не знал, что в их городе есть ещё одно, неизвестное, дерево гинкго, плодовитое и тайно расположенное...

Глеб не выдержал и, преодолевая смолистый, вяжущий вкус, съел в то утро несколько ягод-семян. Гадость конечно, но для биографии факт весьма приятный: одной пищей с динозаврами довелось как-то перекусывать...

И уже потом судьба морской профессии занесла молодого штурмана Глеба Никитина в Китай, принимали их экипаж там, на восточном побережье, гостеприимно, угощали разными деликатесами, но Глеб, вежливо уточнив у хозяев пункты меню, попробовал из всего предложенного только жареные семена гинкго.

Так себе, ничего особенного...

Распрощавшись с реликтами, капитан Глеб вышел на солнечный простор центральной аллеи, осмотрелся и, догадываясь, что ждать ему придётся, скорее всего, ещё долго, удобно устроился на скамейке в тени грецкого ореха.

Никого...

Только далёкая старушка, выпрямившись, почему-то суетливо подпрыгивала среди своих цветочных зарослей.

И махала рукой Глебу.

Глеб вопросительно уточнил, ткнув себя пальцем в грудь.

Старушка бодро кивнула ему широкой панамой.

Пришлось оставить гостеприимную скамеечку, а уже через десяток шагов капитан Глеб решил, что из георгин его призывает совсем даже не старушка.

«Скорее, даже наоборот...».

– Вы не могли бы оказать мне услугу?

Маленькая веснушчатая женщина, решительно прищурившись, стояла на газоне.

Стройная, светлая, шорты, лёгкая майка, странный головной убор.

«Шляпка из Марокко?».

– Ради вас, мадам.... Змея или паук? Убить или просто прогнать?

– Не смейтесь! Я заметила вас ещё на входе, но так и не могла понять, зачем вы здесь бродите. А раз уж вы всё равно бездельничаете, то принесите мне, пожалуйста, из кабинета директора телефон. Оставила его там заряжаться и позабыла.

– Вы директор?!

– Я – фотограф. Так принесёте или нет?

– Нет.

– Почему?

Женщина нетерпеливо вытерла запястьем загорелую переносицу.

– Не знаю, где кабинет директора.

– Я объясню! Пройдёте...

– А собаки там есть?

– Да!

Заметив, что Глеб смеётся над её суровостью, маленькая женщина-фотограф упёрла руки в бока.

– Да, в здании администрации живёт сторожевой пёс Тошка! Размера он такого, что уместится в кофейную чашку, а если вы просто не хотите...

– Хочу. А может вы сами? Сбегаете и быстренько принесёте ваш телефон.

– Не могу. У меня здесь дорогая аппаратура, я не могу её оставить без присмотра. Здесь ходят всякие...

Действительно, в цветах стояли два штатива с фотокамерами, длинные объективы которых были пристально нацелены в разные стороны.

– Тогда я ответственно поохраняю ваше имущество, а вы сбегаете. Заодно и разомнётесь.

– Вам можно доверять?

Женщина внимательно рассматривала Глеба Никитина, и было видно, что она с нетерпением ждёт от него утвердительного ответа.

– Эта фототехника – дело всей моей жизни....

Глеб задумался.

– Слепо доверять мне не рекомендую – часто увлекаюсь посторонними деталями. А вот верить в меня, в моё беспредельное бескорыстие – это запросто...

– Трепач.

Маленький фотограф отряхнула с голых коленок травинки.

– Я быстро. Если что – догоню и вызову охрану.

Капитан Глеб Никитин с удовольствием посмотрел, как женщина ловко прошла по изгибам дорожек между клумбами, потом побежала по длинному асфальту аллеи.

«Загнать, что ли, барыгам её драгоценные фотоаппараты? Обзываются ещё тут...».

Помещённый волей случая в роскошные заросли пышных цветов Глеб даже и сейчас не собирался испытывать к такой красоте почтительного восторга. Он недолго потоптался около дорогой аппаратуры, не отходя от штативов дальше, чем на три шага, затем попробовал, прищурившись, выследить взглядом трепещущего неподалёку в сверкающей высоте жаворонка, поднял из травы бутылочку прохладной от росы минералки, попил.

«Без спросу...».

Вздохнул.

Раскрытый ноутбук на маленьком матерчатом стуле.

Один из длинных фотографических объективов был направлен точно на близкий розовый бутон, другой – вообще не на цветы. Капитан Глеб присел на корточки около второго штатива и, соблюдая только что достигнутую договорённость ничего не трогать руками, посмотрел в видоискатель.

Беседка.

Далеко, в лесной части сада.

Новая, ажурная, выстроена на восточный манер. Ничего особенного. Раньше её в том месте не было. Вокруг – темнота сосен и густого кустарника, рядом – никаких других значительных красот.

«И зачем же это рядовое сооружение тогда так тщательно, с таким увеличением, фотографировать?».

– Я – Марьяна!

Маленькая женщина, запыхавшись, мельком оглядела своё чудом уцелевшее фотографическое богатство и протянула Глебу Никитину ладошку.

– Спасибо за помощь!

С хозяйствской бесцеремонностью и почти профессиональным интересом Марьяна рассматривала мужчину, с улыбкой молчавшего рядом.

Небольшие морщинки вокруг луцистых, очень голубых глаз, короткая стрижка с проседью, сильная шея...

– И вам спасибо за доверие.

– А вы кто? Проверка из министерства? Или просто с похмелья зашли, с утра в теньке посидеть?

– Вам подробно?

– Желательно.

– Капитан дальнего плавания Глеб Никитин.

– Ого! Целый капитан?! А дальнее плавание – это где смелые и уверенные мужчины постоянно заходят в порт Кавасаки, пьют виски, соблазняют гейш и безуспешно борются с девятым валом, точно?

– И в Кавасаки, и в Нагасаки. И в различные Ванкуверы с Порт-Саидами. Но всё это в прошлом, в юности. Да и не виски – только джин.

– Бывший?! А чего ж тогда хвастаетесь? Тоже мне, капитан, капитан...

– Привычка. Искоренить не могу. Продолжаю пользоваться былыми заслугами.

– А сейчас вам что, гордиться совсем нечем?

С удовольствием, какое может себе позволить только спокойный и беззаботный человек, Глеб, улыбаясь, смотрел на маленького симпатичного фотографа.

– Не знаю.

– А зачем тогда здесь?

– Хочу увидеть стрекозу. Большую такую, зелёную, с хрустящими прозрачными крыльями. Давно уже не видел приличных стрекоз.

– Ясно. А если серьёзно?

– А какое ваше шпионское дело?
– Капитан, а такой невоспитанный...

Сосредоточенно занимаясь своей аппаратурой, Марьяна уже не смотрела на Глеба, спрашивала и отвечала коротко, почти без интереса.

– Ладно, виноват. Не гневайтесь.
– Ой!

Оступившись на комке сухой земли, Марьяна чуть не упала. Одной рукой Глеб поддержал опасно пошатнувшийся телескопический штатив, другой – уверенно обнял фотографа за талию.

– Прощён?
– И ловок. И на том спасибо.

Некоторое время Глеб Никитин внимательно наблюдал за тем, как Марьяна занималась проводами, объективами, прыскала из небольшого распылителя холодной водой на бутоны, предназначенные к съёмке.

– Вы здесь работаете? Штатный фотограф ботанического сада?
– Нет. Это всего лишь увлечение.
– Серьёзное увлечение. А зачем вам одновременно два фотоаппарата?
– Чтобы успеть правильное солнце поймать, угол освещения, ну, и одна камера у меня всегда настроена на макросъёмку...
– А вторая?
– Долго объяснять.

С досадой поморщившись, Марьяна отмахнулась от ненужного дилетантского вопроса, посмотрела из-под ладони на небо. Медленное плотное облако закрыло тенью и цветы, и кусты, и деревья вокруг.

– Ну вот, доболтались! Теперь целый час невозможно будет сделать ни одного приличного кадра!

– Напротив, уверен, что благодаря именно этой неожиданной облачности у вас появилось десять свободных минут, и вы не станете всё это время отмахиваться от меня, как от назойливой мухи. Успеете ещё запечатлеть свой полукустарниковый пион...

– Ого! Откуда такие точные познания?! Так вы моряк или ботаник?
– И моряк, и капитан. Гарантирую. Плюс привычка обращать внимание на указатели и таблички на растениях. А здесь их изобилие. Так что я не ботаник.... Скорее специалист по облакам, если что – к вашим услугам.

Напоминание о несвоевременной облачной тени вновь опечалило Марьяну. Она грустно вздохнула, подняла ноутбук и уселась на низенький стульчик, подперев голову загорелым кулаком.

– Подержите, если не трудно...
Глеб с готовностью принял из женских рук ноутбук.
– Ну вот, зря я рано сегодня сюда пришла.... Всё зря.

Печаль маленького конопатого фотографа была так велика и неподдельна, что капитан Глеб Никитин не выдержал и расхохотался.

– Десять минут всего! Потерпите! И меня, и облако.
– Ладно, уговорили. Начну тогда с вас...

Человек, которого Марьяна видела впервые в жизни, был, несомненно, умён. Внимательные холодные глаза, шикарная улыбка. Лёгкая щербинка переднего зуба ничего не портила, скорее, даже, сохраняла во всём что-то такое мальчишеское....

Их взгляды встретились.

– Ну, как, подходяще?
– О чём это вы?
– О себе.
– Ещё раз – трепач.

Марьяна отвернулась в сторону старых сосен.

– Ладно, впредь буду исключительно краток и правдив.

С ноутбуком в руках капитан Глеб Никитин шагнул в одну сторону, в другую, присесть поблизости было невозможно, поэтому ему пришлось неудобно остановиться среди штативов.

– ...Редко вижу сына. Я прилетел позавчера, созвонились, сегодня он с друзьями будет здесь. Хочу поздравить его с днём рождения. Вот такая причина.

Марьяна снизу, из-под панамы взглянула на капитана.

Тот хмурился, что-то вспоминая.

Внезапно улыбнулся, поймав заинтересованный женский взгляд.

– А жёлтые тюльпаны у вас в саду есть? Когда они здесь цветут?

– Есть. А почему такое внимание именно к этим цветам?

– Потом расскажу.

– Вы уверены, что будет «потом»?

– Не уверен, но есть серьёзное предчувствие.

– В третий раз – трепач...

– Необходимое уточнение – и весьма упрямый. О! Солнышко появилось! Я же обещал, что через десять минут светило вернётся?! Получайте.

– Вы что, неужели всегда считаете себя правым?!

Наскоро и весьма похоже соорудив из ноутбука на вытянутой руке гамлетовскую позу, капитан Глеб Никитин продекламировал:

– «Случалось – я был не прав, бывало – я был не лев...»

– Что, действительно Шекспир?

– Сам придумал, только что.

– В четвёртый раз -...

– Всё, всё, сдаюсь! Больше не буду! Разрешите, уважаемая Марьяна, задать вам только два ма-аленьких вопроса?

Марьяна смеялась, закрыв глаза от солнца краем панамы.

– Давайте, но только два!

– Как вы думаете, почему большинство коров с таким удовольствием едят траву у близкой автомобильной обочины? Там же и корм чумазый, и дурно пахнет, и шума вокруг много, а?

– Ну-у...

– Я не вправе допустить, чтобы вы разочаровали меня поспешными неправильными версиями, не гадайте – всё просто. Именно там, почти на асфальте, даже в самый жаркий летний день практически нет комаров и слепней – потоки воздуха от проносящихся в сантиметрах машин сдувают с коров всех надоедливых паразитов! Вот.

Марьяна еле отдохнула, беззвучно отхохотав и прикрывая узкой ладошкой лицо.

– Ладно..., а второй..., второй-то вопрос..., какой?!

– Зачем вы выбрали такое интересное место для ваших фотографических опытов? Как в ставке маршала – всё в этом саду видно, все высоты, аллеи, все тайные уголки? Для чего вам такая подробная роскошь?

Марьяна вздрогнула – взгляд капитана Глеба был пугающе холоден.

– ...А впрочем, действительно, не буду именно сейчас мешать вам своими преждевременными вопросами. Уверен, что скоро у нас появится возможность поговорить о многом. Пока.

Не спеша Глеб направился в сторону уже знакомой далёкой скамейки, дожидавшейся его в широкой тени старого грецкого ореха.

Решительно освободившееся из редких облаков солнце мощно ударило зноем по утренней прохладе. Роса моментально нагревалась и исчезала с поверхностей даже самых укрытых тропинок, в тихом ботаническом саду постепенно становилось жарко и душно.

И, почему-то, тревожно.

Минут двадцать капитан Глеб Никитин просто сидел и упрямо не смотрел в сторону цветника.

Центральная аллея понемногу оживала посетителями.

Первой от ворот по направлению к детской площадке прокатила голубой пластмассовый велосипед с пристёгнутым младенцем задумчивая мамаша, увлечённая книгой, затем прошёл пожилой мужчина, торжественно держа за плечо внука с воздушными шариками, просеменила вслед за ними самостоятельная рыжая кошка.

– Вы не журналист?

Глеб обернулся.

Перед ним стояли две женщины в белых халатах.

Та, что спрашивала, была постарше, предпенсионного возраста, кругленькая, улыбчивая, в толстых очках. Вторая, длинная, нескладная, угрюмая, держала наготове большой раскрытый блокнот и авторучку.

– Здравствуйте! Вы, случайно, не журналист? Ой, да не вставайте вы, не вставайте, что вы...!

Кругленькая женщина, увидав, как капитан Глеб вежливо привстал со скамейки, готовый ей отвечать, торопливо, со смущённой улыбкой, засуетилась.

– Ну что вы, отдохайте, отдохайте!

– Нет, не журналист. Но могу. При необходимости.

– Нет, нет, что вы...! Я – директор сада, а это – Валерия Антоновна, моя помощница. Завтра у нас во второй половине дня семинар состоится, по передаче опыта, для работников городского благоустройства, сюда приглашена пресса, вот мы с Валерией Антоновной и проверяем, всё ли у нас готово. Думали, что вы...

– Рядовой посетитель. Билет имеется.

– Хорошо, хорошо! Отдохайте! Вейгелу нашу обязательно посмотрите, сходите, вон там она растёт, на террасе; ещё и каталы сейчас в интересном периоде...

– Непременно.

Дамы удалились, но не настолько резво, чтобы капитан Глеб не смог расслышать, как помощница директора нудно продолжила жаловаться начальнице, отряхивая подол своего отутюженного халата, что она «...вся уже обширкалась в этой мокрой траве...».

Через несколько минут очарование тихого утра окончательно испортил маленький красный трактор, внезапно протарахтевший по дорожке от оранжереи к северным воротам.

Детей и колясок на аллеях становилось всё больше и больше.

Из-за близких светло-зелёных кустов вышли, прогуливаясь, молодая женщина и девочка.

– Тут старый ворон...!

– Ева, не кричи так, пожалуйста.

Девочка приснула, зажав ладошкой рот, и продолжила трагическим шёпотом.

– ...Именно здесь, в ветвях древнего дуба и живёт старый ворон. Это поразительно и страшно, но мы попытаемся увидеть его, иначе наше путешествие окажется напрасным...

Детскую коляску, с которой неспешно шли по дорожке молодая женщина и девочка Ева, украшали разноцветные значки, в нижней багажной сетке уютно устроились бутылочки с питанием, баночки напитков, какие-то тряпочки.

Женщина, очень красивая своей достойной молодостью и материнством, с короткой тёмной причёской, в майке-тенниске, в льняных брюках, посмотрела сквозь черные очки на Глеба.

Капитан Глеб Никитин привстал.

– Доброе утро.

С удивлением коротко нахмурившись, молодая белозубая мама улыбнулась.

– Доброе...

От ворот с шумом протопала странная процессия.

Объединённые общим интересом люди смеялись, гулко разговаривали, несли

пластмассовые столы, стулья, пляжные зонты, бумажные плакаты, какие-то большие баулы и сумки. Понаблюдав за ними некоторое время, Глеб сделал вывод, что в ботанический сад нагрянули энтузиасты-организаторы выставки народного творчества, скорее всего, местные самодеятельные гончары.

– Дети, дети! Подходите ближе ко мне, не отставайте!

Огромная тётя с плавящимся на морщинистых щеках обильным макияжем экзальтированно и чудовищно громко принялась заботиться об общественных детях, доставленных ею на экскурсию.

– Дети, смотрите, какие цветы! И красные есть, и синие, здесь они особенно крупные!

– А эти белые – просто чудо! Так и просятся, чтобы вы их сфотографировали!

Тётя активно размахивала пухлыми руками перед самым лицом смирно сидящего перед ней на скамейке капитана Глеба Никитина.

– Боже! Какие красоты!

– Дети, идёмте туда, в глубину! Та-ак! Никто никуда не бегает, никуда не идёт!

– Марат! Здесь поливают! Не надо кран трогать!

Шум, производимый бульдозерной тёткой и детьми, вскоре затих в пересечениях соседних аллей, Глеб сел удобней и прикрыл глаза.

– Понаехали везде эти чёрные! И сюда уже залезли...!

Ровные злобные слова, раздавшиеся поблизости, заставили Глеба удивиться.

Мимо его скамейки шли седенькие старичок и старушка. Старичок бережно держал старушку под руку, а она медленно непрерывно шипела, подёргивая сухонькой головой и поминутно оглядываясь.

– Нигде от них покоя нет...

Тот, кем была так недовольна аккуратная старушка, насыпал торф из кучи в тачку.

Загорелый, тощий, голый по пояс, одетый в рваные рабочие брюки и тяжёлые пыльные ботинки.

Наступающая жара ничуть не смущала его, лопата привычно вонзилась в рыжую кучу, облачко пыли росло над нагруженной до краёв тачкой.

«Да, жизнь прекрасна, но удивительна...».

Капитан Глеб Никитин глубоко вздохнул, встал, потёр ладонью подбородок.

«Чрезвычайно удивительна. Точно».

– Привет, Иван.

Чёрные пристальные глаза, совсем седые виски.

Человек опёрся на лопату, моргая, принял внимательно рассматривать лицо Глеба.

– Ох, же! Глеб?! Ты! Здесь! Вот это да...!

От пыльной кучи торфа они отошли в сторону, к стене оранжереи.

Иван присел на перевёрнутую тачку, закурил, Глеб встал напротив.

Статного татарского парня, весельчака и отличника, Ивана Германова знала не только их тринадцатая рота, но и, наверно, вся мореходка. Он всегда был везде: то играл на каких-то балалайках и дурацких гуслях в училищном оркестре, то стремительно бегал на футбольном поле, выступая за штурманов, то фотографировал флотских ветеранов, классно танцевал на дискотеках, первым писал отчёты по морским практикам, рисовал стенгазеты. А потом пропал. Получил красный диплом, после выпускного сделал всего несколько промысловых рейсов где-то на Севере и исчез. Никто из их группы не знал, где Иван и что с ним происходит.

Руки – рабочие, тёмно-коричневые, отполированные солнцем, как и деревянный черенок лопаты, которым Иван задумчиво постукивал по резиновому колесу тачки.

– ...Женились мы тихо, так её родители тогда пожелали. Ты, наверно, не помнишь, встречались как-то в городе вместе, умненькая такая, из студенток. Ждала меня очень

из первого рейса, потом всё у нас завертелось, ну, как всегда: море, пляж, общие знакомые.... К Новому году возник интересный повод, мамаша её начала орать, что рано ребёнка иметь доченьке, что карьеру ей нужно делать, образование получать. Папаша тоже ещё тот тип был, из горкомовских, пробовал меня на голос брать, требовал завязать с морями, на берегу обещал тепло устроить. Поэтому я до решения всех этих дел ничего и не хотел говорить вам всем...

Ну, родилась дочка, я опять в рейс ушёл, а когда вернулся, узнал, что жене про меня родственники такого напели.... Я после рейса, на полтора года почти в Канаде мы тогда застряли, не помнил даже, как газовую плиту дома зажечь! Позабыл всё, стою, как дурак, с детской кастрюлькой около неё, а около меня – жена с вопросами.

Короче, она тогда в рёв, романтики не получилось, с мамой ей показалось жить проще, подала на развод. Я пил несколько месяцев.

Иван остро посмотрел на Глеба, внимательно поплевал на жадно докуренную сигарету, растёр её для верности о колесо тачки.

– Загранпаспорта лишили, из морей выгнали. Съездил домой, родители молча меня тогда приняли, что-то нехорошее тоже до них дошло.... Вот. Вернулся, с тех пор живу здесь. Бывшая-то моя учёной теперь стала, каким-то директором где-то в институте, руководит. И дочка взрослая уже, иногда смотрю на неё издалека. Не признаётся. Не пью, нет! Без надобности. А ты-то как, Глеб?! Всё обо мне говорим. Ты-то где, как?! Молодо выглядишь!

– Перепутали в роддоме...

– Нет, правда, Глеб, ты всё так же, с морями-то не завязал?

– Да, давно уже.

– А чем занимаешься? Бизнесом?

– Не-а, бизнес – лениво. Я сам по себе.

– И-ва-ан! И-ван!

Раздался крик и из-за угла оранжереи плавно выплыла в своём белоснежном халате, как под парусом, помощница директора ботанического сада.

– Иван! Ты где?! Я тебя ищу, ищу...

– Антонна, так я же всего на минуточку, перекурить отошёл, торф-то я уже весь перевёз, двенадцать тачек, как приказано!

– Я не по этому поводу.

Строгая Валерия Антоновна взмахнула блокнотом.

– Продолжи сейчас же опрыскивать жимолость и другие кустарники по дальнему забору и развесь там обязательно таблички с предупреждениями. Не забудь! Раствор приготовил? Точно, как велено?

– Да, Антонна! Конечно, вот инструкция...

Иван торопливо вытащил из заднего кармана брюк замусоленную бумажку.

– Всё в точности, все пропорции соблюdenы! Сейчас займусь, не волнуйтесь!

– Я никогда не волнуюсь. А ты поспеши, чтобы до обеда у нас всё готово было, чтобы люди на семинаре обязательно таблички увидели, понял? Чтобы все убедились, как у нас и с техникой безопасности, и с экологией дела нормально обстоят.

Валерия Антоновна что-то отметила в своём большом блокноте и, соблюдая видимость фигуры, вновь уплыла за поворот.

– Извини, Глеб, тут срочно дела нужно делать...

Иван улыбнулся, пожал тощими загорелыми плечами.

– Меня ведь сюда из милости взяли, работёнка подходящая, мне нравится.... Вот и пресмыкаюсь, исполняю.

– Ладно, не суетись. Опрыляй правильно свои важные растения, попозже подойду, чего-нибудь придумаем, съездим в город, перекусим, потрепемся.

– Хорошо, Глеб! Я быстро со всем справлюсь! Я здесь, потом...

– Не-су-е-тись.

Одна из асфальтовых дорожек ещё полностью оставалась в тени.

Глеб выбрал её и неторопливо направился вглубь сада, рассматривая незнакомые цветы и листья.

Услыхав за спиной громыханье металла, обернулся.

Увлечённый работой, Иван старательно помешивал куском ржавой трубы в алюминиевом бидоне. Вытер запястьем лоб, нахмурился, не замечая никого рядом с собой, достал из кармана штанов белый пакетик и, морщась, высыпал из него какую-то пыль в бидон.

Капитан Глеб Никитин никого не хотел пугать своим вниманием, поэтому, выждав, когда Иван после всех странных манипуляций спокойно закурит, весело крикнул издалека вдоль аллеи в его сторону.

– Руки обязательно вымой!

Иван обернулся, знакомо и чумазо улыбнулся сквозь дым сигареты.

– Пусть моются те, кому чесаться лень!

Жилисто напрягшись, он попробовал поднять тяжёлый бидон на тачку, но, что-то вспомнив, по-прежнему с улыбкой, широкими шагами побежал к административному зданию.

Глеб двинулся было по прохладе своей дорожки, но успел заметить, как нескладная Валерия Антоновна сделала то же самое, что и Иван минутой ранее. Внезапно белоснежно возвратившись, она со смешной таинственностью оглянулась, достала откуда-то из складок халата бумажный пакетик и, точно так же высыпав его содержимое в приготовленный Иваном бидон, торопливо заковыляла на высоких каблуках прочь, по неровному асфальту дорожки.

Стало ещё жарче.

Свадьба приехала в одиннадцать тридцать.

Капитан Глеб Никитин, заслышав суматошные автомобильные гудки за воротами сада, поднялся со скамейки и размялся, качнувшись несколько раз на носках.

С каждым годом своей жизни он всё чаще удивлялся тому, какими же некрасивыми могут быть и женихи, и невесты!

Не всегда, конечно, и даже не одновременно, но, кроме сияющих от счастья растерянных глаз, Глеб всё реже, встречая случайные свадьбы, мог честно отметить волнующую его классическую красоту молодости.

Однажды он цинично и окончательно решил, что это всего лишь опыт.

Кто-то из юношей, участвующих в свадебных процессиях, обычно бывал пьян, кто-то – по-компанейски куряжлив, девчонки-подружки обычно старались быть модными в жутко выбранных платьях, родители с обеих сторон бледнели и краснели в страхе ответственных оперативных забот.

И, всё равно, эти чёрточки жизни всегда были прекрасны!

От свадебной толпы, с радостными криками миновавшей распахнутые ворота ботанического сада и принявшийся сразу же на территории торжественно распивать шампанское, отделился и направился в сторону капитана Глеба Никитина стройный молодой человек, уверенный в своих движениях и немного светловолосо лохматый.

– Привет, па!

– Привет, сын.

– Мы с тобой вчера по телефону так быстро поговорили, я даже и не поверил, что придётся тут встретиться!

И отец, и сын одинаково радостно улыбнулись.

Глеб прочно обнял Сашку, потряс за плечи.

– Растёшь, поколение! Здоровенный-то какой уже!

– Это всё приличное питание и вкус к жизни.

– Трепач, как обо мне тут совсем недавно один человек сказал... Ты уж извини, что я опоздал на твой день рождения, дела так вдалеке повернулись, не мог подвести людей.

– Ладно, па, наверстаем!

Сашка пошевелил пятерней светлые волосы, рассеянно посмотрел по сторонам. Капитан Глеб Никитин прекрасно знал своего сына.

– Что, тебе к своим пора?

– Да, па, я побегу, ребята ждут! Ладно? Потом, попозже, поговорим, хорошо??

– Топай.

А вот эта невеста была хороша.

Высокая, тонкая, статная, с роскошью чёрных прямых волос, с медленным пронзительным взглядом и плавностью каждого, даже самого незначительного, но уже совсем женственного движения.

Свадьба перемещалась по центральной аллее, часто останавливалась по суетливому требованию официального мужичка-фотографа у знаменательных растений, на фоне особо красивых цветов или в приятных для многочисленных старших родственников ракурсах.

Праздничный маршрут был обкатан поколениями.

Кто-то из гостей в сегодняшней толпе чаще всех громко орал «Горько!», его клич подхватывали и молодые, и старики, невеста покорно склоняла голову, а рыжий жених бережно её целовал.

«Рыжий?!».

Да, жених был пронзительно рыж и высок.

Свидетельница – коротко черноволосая, с сильно накрашенными тёмными глазами, в мрачном коротком платье с блестящими вставками.

Свидетель – по виду взволнованный студент-старшекурсник, кудрявый, улыбчивый, спортивный, так и не расставшийся даже по причине участия в свадьбе со своими круглыми очками в тонкой чёрной оправе.

На общем фоне, по-молодому разнообразном одеждами гостей, невеста в шикарном платье выделялась, как конфета-трюфель в дорогом фантике, брошенная в банку с дешёвым драже.

Какая-то миловидная рыженькая особа из свиты невесты, заметив пристальный взгляд капитана Глеба Никитина, так же непрерывно пристально стала смотреть на него.

«Не-е, малышка, даже и не думай – ты же при исполнении...».

Свадьба двигалась по парку, часто фотографируясь, горько целуясь и громко при этом отсчитывая рекорды длительности поцелуев.

Глеб неторопливо шёл за ними в отдалении, с интересом наблюдая за своим Сашкой.

Остановились у пруда, оправданно задержались в розарии; выполняя элемент обязательной программы, оставили невесту и жениха в романтическом одиночестве на середине деревянного мостика, перекинутого через крохотный ручей в дубовой роще.

Шесть-семь шагов в длину, в ширину – двое еле разойдутся.

Дождавшись своего звёздного часа, бородатый фотограф с удесятерённой энергией принял щёлкать молодых на мостике при таком-то подходящем освещении.

В темноте могучих деревьев, сразу же после блеска жаркого дня открытых пространств эти двое – красивая невеста и рослый рыжий жених в строгом свадебном костюме – казались персонажами очень качественного иностранного кинофильма.

– Браво! Браво!

Одна из девчонок со слезами не выдержала, правильно, в тему, с восторгом звонко закричала. Остальные подхватили. Жених в очередной раз со страстью поцеловал невесту.

Свадьба двинулась дальше.

То странное в поведении шумной торжественной процессии, чего не мог видеть никто, пристально и с интересом замечал только идущий следом капитан Глеб Никитин.

За стеной крупных сосен, возле совсем уже не безобразных за строем одинаково подстриженных туй развалин старой теплицы поспешно и громко скорились двое.

Женщина – в возрасте, в строгом, нарядном костюме, красивая, ухоженная и модная. Глеб заметил её ещё раньше в свадебной толпе, там она с самого начала была на первом плане.

И Иван.

Тощий, потный, взъерошенный.

С пустым бидоном в руке.

По привычке держаться на расстоянии от чисто одетых посетителей Иван еле сдерживал себя, чтобы не броситься вплотную к женщине.

– ...С ума сошла?! Ты что, совсем меня за человека не считаешь?

– Только тихо! Тихо. Без истерик.

Женщина оглянулась по сторонам.

– Сейчас не место и не время для совместных объяснений. Это моё решение, я считаю это правильным, поэтому так и будет. Единственное, чего я не могла знать и поэтому не предусмотрела, так это твоего неожиданного трудоустройства здесь, в саду.

– Послушай...!

– Нет уж, это ты, милый, теперь будешь внимательно слушать меня! Ступай прочь, продолжай успешно выполнять обязанности. И не мешай нам! Обещаю, что скажу ей – захочет, тогда позову тебя. Всё, всё, иди...

В молчаливой растерянности Иван гулко опустил бидон на землю.

Женщина, осторожно ступая тонкими каблуками по старому асфальту, скрылась за сосновыми.

– Перекурить не желаешь?

Иван с недоумением оглянулся.

– А, это ты...

– Что за трагическая сцена?

Капитан Глеб Никитин ловко устроился на бидоне, как на самом удобном в мире стуле.

– Чего же такого невозможного эта приличная женщина требовала солнечным днём от тебя, Иван? Или ты от неё?

Дрожащими руками Иван достал из брюк пачку сигарет, попробовал, торопясь, закурить, несколько раз дёрнул зажигалкой, выругался, швырнул её в сторону.

– Понимаешь...

– Пока нет.

– Глеб – это же моя дочка!!!

– Кто? Эта тётя?!

– Да брось ты, смеяться-то, тоже...

Отвернувшись, Иван вытер кулаком глаза и правильно уже, не спеша, закурил. Ещё раз вытер под носом.

– Эта, что ругалась сейчас со мной, это моя бывшая... Жена. А невеста, вон там, в розах фотографируется, – это дочка, Алия, Аля. Помнишь, я же тебе рассказывал... Я и не знал, что у неё сегодня свадьба! Никто мне и не сказал.... И жена тоже ничего. Не пригласили, без подарка...

Не зная, куда девать руки, не поднимая глаз, Иван расхаживал перед сидящим на бидоне Глебом.

– Я случайно сейчас их увидел, аж обомлел! Помахал, она меня увидала, сразу же подскочила, увела за кусты.... Требовать стала, чтобы я немедленно смотался отсюда, чтобы дочку нашу не позорил... Она же сама-то, оказывается, в университете работает, в этом же

самом, которому ботанический сад принадлежит, на каком-то факультете деканом. Это я про жену тебе...

– Догадался.

– Вот так.

Иван засунул руки в карманы и уставился взглядом куда-то в далёкое низкое облако.

– Не хотят меня они обе видеть...

– Не грусти. Позже обязательно встретишься с дочкой, поговоришь, объяснишься, она же у тебя такая красавица, наверняка и умница...

Глеб соскочил с бидона, отряхнул брюки, хлопнул Ивана по плечу.

– Только не сейчас, дружище. Это её день, не мешай. А я пошёл – до встречи.

Облака, даже редкие, исчезали.

Почти полуденный солнечный жар испарил и поднял от земли всю ночную влагу. Ветра среди густых кустов, растений и деревьев всё ещё не было, и поэтому в ботаническом саду постепенно становилось нестерпимо душно.

По траве летнего газона на низком и ровном берегу садового пруда ходил задумчивый, вполне уже устойчивый малыш в красной кепке. Он нагибался ко всем встреченным им одуванчикам и с искренностью детских звуков дул на их пушистые маковки.

Глеб улыбнулся.

И было от чего ему радоваться.

Каждый цветок, по очереди, малыш осторожными одинаковыми движениями держал за стебелёк. Дул, но не срывал! Хохотал...

А шумные люди уже подошли к беседке.

В просторной ажурной тени свадьба уместилась полностью.

Пожилые гости с удовольствием расселись на прохладных деревянных скамейках, заслуженно отдыхали, передавали из рук в руки открытые бутылки с минералкой, с шампанским, пластиковые стаканчики, бутерброды, салфетки.

Наполовину татарская невеста Аля Германова, бледная, красивая и задумчивая, о чём-то неспешно говорила со своей свидетельницей, царственными движениями кивала той, улыбалась.

Молодые гости разбрелись по близким аллеям, девчонки курили, смеялись.

Стремительно почёсывая взмокшую бородёнку, бегал вокруг беседки, определяя выгодные ракурсы и готовясь к своему самому ответственному, постановочному, эпизоду работы официальный мужичок-фотограф.

– Этот их боевой привал как минимум на полчаса растянется.... Пока родственники немного отдохнут, пока фотосессию с невестой в беседке сделают....

Сашка подошёл к отцу, встал рядом.

– Пошли, побродим в сторонке? Ты не устал?

– Не, я с утра кофе принял, прыгаю как зайчик. Шампанского даже ни разу не пил, в такую-то жару...

Капитан Глеб Никитин промолчал, с незаметной улыбкой покосился на Сашку.

«Ах, какой правильный сын у такого-то неправильного папки растёт!».

Так, без лишних слов, и прошагали они по тёмной буковой аллее, повернули в сторону оранжереи, неторопливо приблизились к беседке со стороны административных зданий.

– Эй! Па, смотри, чего это они там...?!

Сашка рванулся было вперёд, но Глеб прочно схватил его за плечо.

– Да они же там поубивают друг друга!

– Стой. Не дёргайся. Никогда не будь лишним. В любом случае успеем.

Только им двоим, Глебу и Сашке, было видно, как в крохотном закоулке меж высоких рододендроновых зарослей пытались драться рыжий жених и его свадебный свидетель. Сначала они просто толкались, потом после сильного удара жених упал.

– Игорь!

Капитан Глеб впервые в жизни не смог остановить своего сына. Сашка рванулся, проломился через кусты и вцепился в свидетеля.

– Игорь, не надо! Не надо, прошу тебя!

Глеб подошёл, тронул за плечо жениха.

– Ты в порядке? Лицо целое?

– Да, всё нормально...

Жених дёрнул плечом, сбрасывая руку Глеба Никитина.

– Без проблем. Подержите только немного здесь этого вашего..., рыцаря. Путь остынет.

Сашка со свидетелем Игорем остались что-то обсуждать в кустах, а Глеб пошёл вслед за женихом к беседке, провожая.

Мелкий серый гравий новых дорожек тихо поскрипывал под ногами, красные и розовые цветы в деревянных приземистых кадках наполняли горячий воздух сладкими запахами.

– О, это ты! Подожди нас немнога, мы прогуляемся, у Али что-то голова разболелась.

Свидетельница осторожно, поддерживая под локоть, помогла невесте спуститься по трём беседочным ступенькам на дорожку, и опять повернулась к рыжему.

– Развлечи там старушек, мы ненадолго, пусть не беспокоятся...

Не желая участвовать в процедурах естественного отбора, сопровождающих давние и, как он уже убедился, сложные человеческие отношения, капитан Глеб Никитин решительно направился прочь от беседки.

По пути он, правда, успел заметить Сашку и Игоря, совсем не спешивших возвращаться к людям, и, сам не зная почему, запомнил маленькую гравийную дорожку, обсаженную ровно-широкими полосатыми листьями хосты, по которой только что прошли, разговаривая, чёрно-блестящая свидетельница и белоснежная невеста.

По сторонам скромной дорожки, как сторожевые воины, молчали две гигантские ивы, а под ними тихо шуршала, погубленная несвоевременным трёхдневным зноем, густая поросьль высохших стеблей весенника зимнего.

Капитану Глебу Никитину вдруг захотелось пива.

Просто – обыкновенного холодного пива.

И чтобы никаких людей вокруг. Ни хороших, ни плохих.

Действительно, пора было уходить.

С сыном он сегодня повидался, договорился о встрече. Это здорово.

Его Сашка в порядке, занимается своими молодыми делами, вот, и в свадьбе однокурсников уже участвует.... Скоро, наверно, сам что-нибудь такое же будет планировать. Нормально.

Капитан Глеб Никитин почему-то неожиданно подумал о маленьком фотографе Марьянне, о её веснушках...

«Нет...».

Глеб улыбнулся.

«Да и кто она такая? Случайность...».

Со стороны беседки вдруг раздался пронзительный женский крик.

...Первым делом выгнали всех мужиков, потом Глеб посоветовал Сашке попросить свидетелей, чтобы те вывели из беседки прочих испуганных свадебных гостей: старичков, старушек и лишних, ревущих в истериках разноцветных подружек.

– Поднимите её, попробуйте положить на скамейку, воды на лицо побольше, на руки, холодной...

Кричала, оказывается, мать невесты.

А невеста лежала без сознания на деревянном полу беседки.

– Вызывай немедленно «скорую». Телефон с собой?

– Да, вот. А «скорая» зачем? Может, они сами...?

Сашка кусал ногти и, не отрываясь, пытался рассмотреть подробности через суetu мельтешащих женских фигур.

– Вызывай!

– Ладно, ладно, сейчас...

– Разрешите?

Капитан Глеб Никитин решительно, одним движением, отодвинул в стороны сразу с десяток тётушек и студенток. В панике никто из них не совершил необходимых действий, все одинаково причитали, плакали, вскакивали со скамеек, тут же торопливо садились, комкали носовые платки, кричали и бестолково требовали воздуха для упавшей в обморок невесты.

– Что вам надо?! Уйдите! Уберите этого человека!

Мать невесты вцепилась в рубашку Глеба и, поспешно вытирая ладонью слёзы, принялась выталкивать его из беседки.

– Уходите! Убирайтесь и никакой вашей «скорой» здесь не надо...! Кто вы?!

– Я – славный доктор Айболит. Прекратите орать!

Освобождаясь, капитан Глеб Никитин сознательно сильно, грубо, с болью, выкрутил женские руки.

– Тихо! Тихо, уважаемая.

И, хотя сказал он это только одной женщине, замолчали почему-то сразу же все.

– Ещё раз прошу публику погулять. Быстро, все на волю! Здесь останешься только ты... – Глеб, помедлив, кивнул молчаливой рыженькой, – и вы.

Мать невесты, разом ослабев, присела на скамейку.

– Сашка, беги в администрацию, пусть срочно открывают ворота для «скорой», объясни ситуацию директорше сада. Но только аккуратно, чтобы без лишнего шума и визга, понял?! Прочих посетителей волновать не обязательно. Встретишь врачей у входа и моментально двигай сюда. Всё, лети!

Глеб обернулся, решительным взглядом выгоняя из беседки двух не сразу исполнивших его приказы медленных старушек.

– Может, среди гостей есть врач?

– Да я сама справлюсь, давайте... Я уже в порядке.

Мать невесты вздохнула, налила в горсть воды, вытерла лицо носовым платком.

– У Али в последнее время это случалось.... Отвернитесь, пожалуйста.

Воспользовавшись передышкой, капитан Глеб Никитин и сам попил холодной минералки, плеснул себе за ворот рубашки. Не глядя, через плечо, начал спрашивать.

– Как к вам обращаться?

– Мария Владимировна. Мария.

– У неё проблемы с сердцем?

– Особых-то нет, так, по возрасту...

По скрипу плотной ткани Глеб догадался, что расстёгивается платье.

– Обмороки от чего были?

– А вы медик?

– Я практик.

– ...От жары, как сейчас, от волнения. С дыханием летом всегда трудно было, в младших классах от астмы лечились...

– В последние разы она быстро приходила в себя?

– Да.... А если нашатырь был под руками, то вообще минуту, не больше...

– Всё? Вы там всё прилично подготовили?

– Да. Она уже ровно дышит.

Капитан Глеб Никитин обернулся.

Стройная, бледная, прекрасная, ничуть не обезображенная случившимся. Как будто просто уснула.

Кто-то из женщин перед бегством догадался положить Але под голову какую-то кофту, мать расстегнула тесные манжеты на её рукавах, широко раскрыла платье на шее.

Наклонившись, Глеб пристально осмотрел лицо девушки, лоб, виски, губы.

Нахмурился, отметив какую-то красную точку в уголке рта.

Подергал слабые руки, провёл пальцами по запястьям. Аккуратно разжал маленький девичий кулачок.

Ягоды.

С десяток, почти одинаковые, красные и оранжевые, спелые.

– Это что? С собой кто-нибудь брал вишню? Кто из гостей угощал её ягодами?!

– Не знаю...

Мать невесты снова опустилась на скамейку. Прикрыла рот платком.

– Она же вообще ничего не ела сегодня, с самого утра.... Отказывалась, не хотела...

– Это Игорь ей принёс. Сакура.

Молчавшая до сих пор у входа в беседку рыженькая девушка взглянула на ягоды, потом, с тревогой, на Глеба.

– Да, это когда мы гуляли, ещё до того, как все пришли сюда, в беседку... Игорь нарвал ягод где-то рядом, смеялся, угощал Алю, говорил ей что-то такое романтическое, вроде, что вкус сакуры приносит счастье, не помню уже точно.... Да и мы же с девчонками все тогда по две-три ягодки съели! Это же сакура!

– Хорошо. Сакура. Понятно.

Капитан Глеб Никитин осторожно, по одной, переложил красные ягоды из слабой руки невесты в свою горсть, и размахнулся, чтобы вышвырнуть их через ажурный проём в густые заросли колючих кустов за стеной беседки.

Невеста застонала, тяжело, порывисто задышала.

– Аля, Алечка!

Мать упала на колени возле дочери, принялась её целовать.

– Очнись, просыпайся...! Алечка, может, хочешь ещё воды?!

– Отойдите, пожалуйста.

Глеб помог Марии подняться, сам наклонился к девушке, заслоняя, насколько это было возможно, бледное лицо от взглядов плачущей матери.

За последние минуты пульс стал заметно слабее, запястья – холодными.

Крикнув что-то неразборчивое, Аля рванулась в судороге, приподняла голову, закашлялась, не открывая глаз, сухо и хрипло.

Капитан Глеб бережно придержал ладонью затылок девушки, опять опуская её на скомканную кофту, но Аля, резко скривившись, неловко упала мимо, головой на доски пола.

– Алечка, доченька моя! Ну что же это ты?! Как же так-то, за что же это всё с нами-то...?

Мария сразу и чистым носовым платком, и скомканными бумажными салфетками суетливо принялась вытирать с лица дочери крупный, изобильный пот и струйки рвоты, стекающие с её губ.

Капитан Глеб Никитин кивнул рыженькой девушке, молча показал пальцем на выход из беседки.

На ступеньках остановил девушку, тронул её за плечо.

– Про ягоды забудь. Никому ни слова! Поняла? Пока так. Договорились?

И эта, тоненькая, с дрожащими губами, готовая зареветь, кивнула, соглашаясь.

– Где Игорь?

Девушка махнула рукой за беседку, где напряжённой толпой курили и негромко переговаривались мужчины.

Глеб подошёл, выбрал из всех сумрачного свидетеля.

– Отойдём на минуту.

По давней привычке чувствовать вокруг себя любую, даже самую малую опасность и,

вообще, необычно настороженное внимание к своей персоне, капитан Глеб Никитин и в эти минуты понимал, что за его спиной, пока он делает эти несколько шагов от беседки, остаётся что-то страшное.

– Хорош. Поговорим здесь.

Глеб резко обернулся к юноше, встал вплотную.

– Что за идиотская сакура, приятель?! Чем ты накормил девчонку? Ну, отвечай, без соплей, быстро!

Игорь отпрянул, поднял, защищаясь, руки к лицу.

– Так это с ней из-за ягод произошло?! С Алей?! Да ничего особенного! Просто обыкновенные ягоды, спелые, нормальные! Сакура это, точно, ручаюсь! Я деревья в этом саду давно знаю, ешё со школы, мы девчонкам всегда, ну, летом, в каникулы, такие ягоды здесь рвали!

– А зачем ей? Сегодня?

– Але?! Ну, вроде как, для поздравления, для романтики.... Чтобы помнила, что в день своей свадьбы такие ягоды пробовала.

– И что именно ты её этим лакомством угощал?

– Да.

Игорь опустил голову.

– Любишь?

– Да.

– А она знает?

– Знает.

– А кто ешё?

– Все.

– И рыжий?

– Да.

– Из-за этого вы в кустах махались?

– Да, поговорили...

– И из-за этой вот ерунды столько приключений??!

Капитан Глеб Никитин сунул под нос парню раскрытую пригоршню, Игорь отпрянул, потом, присмотревшись, замотал головой.

– Это не сакура. Точнее, не всё это я рвал! Вот эти, тёмные, я принёс Але, это точно.... А вот эти, мелкие, посветлей, – это не сакура! Не знаю...

– А что?

– Н-не знаю...

Глеб пересыпал ягоды в приготовленные бумажные салфетки, аккуратно свернул, спрятал в карман брюк.

– До выяснения всех обстоятельств, если шума особенного не будет, про своё угощение молчи. Не знаешь, не помнишь ни про какие такие ягоды, понял?

– Нет.

– Тогда просто молчи. Забудь про ягоды.

– Хорошо.

Игорь согласно кивнул, рассчитывая на то, что неприятные вопросы уже закончились, но быстро отойти не успел.

– О чём это вы тут так мило беседуете?

По голосу, и по блеску глаз Ивана было заметно, что граммов сто он всё-таки на всякий случай прятал где-то поблизости.

– ...Про какие ягодки тут у вас речь идёт, а? И почему это такая красивая свадьба не гудит и не радуется?

– Заткнись!

Капитан Глеб, уже не обращая внимания на испуганного парня, схватил за плечо своего старого друга.

— Тихо, Ваня! Иначе лично выброшу тебя в кусты. Договорились?

— А что такое? И тебя я тоже не устраиваю?! Никого здесь я не устраиваю, никто не рад меня видеть...

— Игорёк, ты иди сейчас к своим, ладно? И не волнуйся, договорились? И никого там не расстраивай.

Глеб ободряюще улыбнулся свидетелю.

— Ага.

Парень скорым шагом исчез за рододендронами.

Иван начинал кричать всё громче и громче, куражливо стараясь привлечь внимание ещё кого-нибудь, других людей, жены и дочки.

Но вот по челюсти справа он, видно, давно уже не получал, отвык, да и капитан Глеб Никитин долгое время не был в воспитательных целях хороших людей.

— Т-ты чего это...?

Валяясь в траве, Иван начинал потихоньку соображать.

— Чего я сделал-то не так, зачем ты, Глеб?!

— Ты не слушал моих спокойных и правильных слов. Повторить? Будешь шуметь или остынешь?

— Ладно, говори, чего произошло-то тут?

Глеб Никитин кратко обрисовал ситуацию, Иван вскочил на ноги, начал суетно шевелить пятерней густые чёрные волосы.

— Как же так?! Плохо ей? Из-за чего же это всё? Переволновалась, может...?

— Может. Не знаю. Ты лучше посмотри вот на это...

Глеб развернул перед взъерошенным, враз протрезвевшим Иваном салфетки.

— Ну, ягоды.... И что?

— Не «что», а что это? Узнаёшь?

— Вишня, что ли?

— Почти, сакура. Где тут у вас сакура растёт?

— Вон там..., — Иван, не оборачиваясь, махнул рукой куда-то себе за спину, — у забора, в аллее. А что?

— Кто-то подсунул эти ягоды Але. Она несколько штук съела, сейчас ей плохо. Если это обыкновенная японская вишня, что же с ней не так, если твоя девчонка в страшный обморок от этих ягод свалилась? Не исключаю отравление...

— Ох ты, Глебка...

Слабо махнув рукой, Иван на этот раз вполне самостоятельно опустился на траву.

— Это ж я с ней такого наделал.... Это же всё я! Я во всём виноват, дурак бестолковый! Ну-у, Глебка, таких я дел наделал.... Не простят они меня теперь никогда. Никогда...

Закрыв лицо тёмными ладонями, Иван с завываниями раскачивался, сидя на горячем от солнца газоне.

Капитан Глеб Никитин наклонился ближе к нему, присел рядом.

— Давай подробнее.

Иван выл, вцепившись себе в волосы.

— Ой, дурак я, ой, какой же дурак...

— Ладно, согласен, — дурак. Говори, что произошло?

Шумно выдохнув, Иван странно посмотрел на Глеба.

— Это же я отравил ягоды. Сегодня.

— Зачем?!

— Ладно, Глебка, не надо ко мне никакой жалости проявлять, никаких своих допросов, вызывай ментов, пусть они разбираются.... По всей строгости. Я отравил свою дочку, в день её свадьбы, ей сейчас очень плохо, а я — гад. Специально отравил. Буду отвечать.

— Послушай, Дон Кихот хрено, ты можешь мне толком хоть что-нибудь объяснить?! Без тоскливых завываний?

— Да.

Взгляд Ивана стал неподвижным и ясным, глаза как будто остекленели.

— ...Ты сам же видел, Глеб, как я утром мешал в бидоне отраву. Это мне директорша наметила сегодня такое задание — дальние кусты опрыскать от клещей. Здесь, в саду они так часто делают, и весной, и летом, ну, чтобы посетителей никакая гадость не покусала. Всё у них строго, таблички предупредительные вешают на кустах, чтобы люди осторожно себя в этот период вели, чтобы ягоды с деревьев не ели, никакую травку не жевали, орехи там, ну и прочее...

Бот я и опрыскал сегодня в дальних аллеях все жимолости, и вишни эти маленькие, ну, сакуры, и траву около пруда. Ягоды, помню, ещё были там, да....

Рецепт они мне дали, ну, заместительница нашей директорши, химикаты все нужные, я всё сделал как надо, а потом ещё добавил порошка одного, оставались лишние пакетики. Сам же, дурак, до такого додумался! Жарко сегодня, вот я и подумал, что зараза в таких условиях сильно плодится, ну и добавил, чтобы погуще было.... Для людей старался, чтобы клещей всех извести..., а вышло вот ведь как...

— Ладно, Ванька, я тебя понял. Отдыхай. Но туда не вздумай сейчас соваться! И не пей сегодня больше ничего.

— Не, ты что...

От ворот по центральной аллее под завывание тревожной сирены аккуратно двигалась «скорая помощь», а впереди её, показывая медицине правильный короткий путь, широкими шагами нёсся Сашка. Многочисленные посетители одинаково расступались, уступая дорогу машине, с любопытством оборачивались на неё, гадая о причине.

На месте машина встала, очень удобно перегородив собой единственный путь к беседке через высокие плотные кусты, а капитан Глеб махнул рукой Игорю.

— Собери-ка быстро своих парней, пусть встанут снаружи, вдоль рододендронов...

— Вдоль чего?

— По кустам пусть рассредоточатся, чтобы никто посторонний к беседке не вздумал пролезть, не начал ничего ненужного там фотографировать! Понял?

— Конечно!

— Выполняй.

Остальные родственники и гости столпились в тягостном молчании около «скорой помощи». Через машину, через близкие тёмно-зелёные заросли кустов до них доносились громкие разговоры врачей.

— ...Промывать поздно!

— Давления практически нет.

— Хлоргидрат?

— Искусственное дыхание сейчас? Чего...?

Последние слова были еле слышными, потом кто-то из медиков пробормотал ещё несколько слов, с лязгом на деревянный пол беседки упал какой-то лёгкий металлический медицинский инструмент.

И снова там вскрикнула Мария Владимировна.

Жалобно, тонко, тихо.

К машине вышел от беседки усатый санитар в джинсах, в голубом халате, надетом прямо на голое волосатое тело, молча принял вытачивать из дверей сложенные брезентовые носилки.

— Помогите кто-нибудь...

— Чего с ней? Как там невеста-то наша...?

Усатый высморкался, придерживая нос двумя пальцами.

— Отошла она. Умерла.

Молчавшие в ожидании три десятка людей одновременно охнули. Заревели в голос женщины.

Задевая близких людей широко расставленными руками, слепо, как-то боком пройдя

между ними, сделала несколько шагов вперёд свидетельница невесты и некрасиво, закатив глаза в беспамятстве, грохнулась в блестящем платье на солнечно-горячий гравий дорожки.

Водитель «скорой помощи» немного продвинул машину вперед, пропуская санитаров с накрытыми простынёй носилками, медленно идущих от беседки.

Капитан Глеб Никитин стёр пот со лба.

«Платье – белое, белое, а простыня – уже желтоватая...».

Дождавшись, пока санитары задвинули носилки с телом в машину, к публике обернулась невысокая женщина-врач. Не дожидалась вопросов, с привычной усталостью произнесла:

– Предварительный диагноз – больное сердце, переволновалась девушка, жара, ну, и плюс алкоголь – шампанское. Немного, но всё же.... Мать ещё говорит, что вроде как астма у больной была. Остановка дыхания. Вот так.

– Это я убил её...! Я, я!

Страшный, косматый, голый по пояс, Иван выбежал к толпе и начал орать, поднимая руки к небу.

Мгновение истерики, один короткий шаг капитана Глеба Никитина навстречу странному безумному человеку, резкий, незаметный для большинства, удар Ивану в солнечное сплетение.

Стало тихо.

Глеб взвалил себе на плечо лёгкого, сухого и тонкого телом Ваньку.

– Ничего страшного, не обращайте на него никакого внимания, я сейчас...

В подсобке административного здания Глеб бросил бесчувственного Ивана на диван, полил ему на голову воды из жестяной лейки. И пухленькую директоршу, и Валерию Антоновну он, обняв за плечи, вывел-вытолкал из тесной комнатухи, перевёл через коридорчик в их кабинет.

– Когда очухается, присмотрите за ним, никуда не выпускайте. А сейчас...

Лицо капитана Глеба Никитина было очень серьёзным.

– Товарищ директор, на вверенной вам территории – чрезвычайное происшествие! Возможно, что какой-то вашей профилактической химией отравилась девушка. Я должен принять все возможные меры!

– А-а... Вы специалист?

– Самого широкого профиля!

В короткой задумчивости Глеб сел за директорский стол, но сразу же поднялся.

– Так... Камеры наблюдения в саду есть?

– Да, весной установили.... По гранту нам деньги на охрану выделили...

– Сейчас работают?

– Н-нет, день же, светло, не включали ещё.... А зачем камеры-то?

Директорша моргала добрыми глазами, искренне пытаясь понять тревогу удивительного посетителя.

– Быстро включите камеру у главных ворот! Чтобы всех выходящих записывала, крупно, их лица! Ясно?!

– Мы же особенно-то и не умеем с ними пока обращаться....

– Сумейте! Это очень важно! У вас вон, Антонна для этого есть, она всё сможет! Верно, Антонна?

Долговязая заместительница засмущалась доверием.

– Конечно, справлюсь, если надо.

– Классно, Антонна! А теперь – раздевайся!

– Что-о-о?!

– Халат, говорю, давай мне свой! Быстро скидывай, потом верну имущество, не беспокойся! Мне он почти по размеру...

Жизненная привычка не медлить, остро мыслить и принимать в тревожных ситуациях

исключительно безошибочные решения много раз выручала и самого капитана Глеба Никитина, и людей, которых он защищал.

Мгновенно запахнув на себе отутюженный белоснежный халат, на секунду всего лишь помедлив при этом с женскими пуговицами, Глеб выскоцил в коридор, сорвал с общей вешалки оранжевую строительную каску, напялил на лицо большие защитные очки газонокосильщика.

Директор и Антонна, с изумлением смотрели за его действиями, забавно при этом, по росту друг над другом, выглядывая в коридор из двери кабинета.

– Вы!

Глеб ткнул указательным пальцем в сторону пухленькой руководительницы.

– Включили видеокамеры?

– Да, да, уже работают!

– Все мои действия подтверждайте для посетителей! Это если кто будет жаловаться или откажется выполнять мои команды. Понятно?

– Да...

– Отлично! Вы – здесь, на командном пункте! Спокойно объявляйте по внешней трансляции, что, мол, ботанический сад срочно закрывается на карантин, что всех посетителей администрация вежливо просит покинуть территорию, ну, и подобное... Антонна, рупор есть?

– Чего?

– Мегафон, говорю, у вас есть? Ну, экскурсии вы по своим пространствам водите? Кричите-то вы на них как, просто голосом, или технически?

– А, это...! Да, есть. Вот.

– Тогда повторим диспозицию ещё раз. Вы – здесь. Руководите...

Капитан Глеб Никитин усадил директоршу за стол.

– Антонна – за мной! В атаку!

Выдернув из одёжного шкафчика запасной белый халат, ухватив большой блокнот в правую, а мегафон – в левую руку, Антонна по-солдатски дисциплинированно рванулась вслед за своим решительным боевым командиром.

И почти сразу же, практически на выходе из административного здания, когда они вместе выскочили на жаркое крыльце, Глеб приказал ей немедленно вывести с детской площадки за пределы сада шумную, всё ещё продолжающую быть радостной и безмятежной школьную экскурсию.

Действительно, в любом другом месте в подобных обстоятельствах легко могла бы случиться серьёзная паника.

Но не здесь, не в эти минуты, и не с капитаном Глебом Никитиным.

...На выходе из ботанического сада, у ворот, прочно загородив собой распахнутую кованую калитку, стоял человек в белом халате, с мегафоном, и громко уговаривал посетителей прервать свой отдых и покинуть территорию сада.

Оранжевая каска на его голове подтверждала серьёзность уверенных слов, а огромные защитные очки одновременно и скрывали черты лица мужчины, и убеждали людей в действительной опасности для их здоровья.

– Граждане! Администрация ботанического сада убедительно просит вас выйти за пределы сада! В результате случайной технической ошибки персоналом была допущена передозировка профилактического противоклещевого раствора, который сегодня утром был нанесён практически на все деревья, растения и кусты нашего любимого сада! Конечно, мы уверены, что нет никакой практической опасности для большинства из вас, но дети и люди, подверженные респираторным заболеваниям, могут пострадать! Одной девушке уже стало плохо, возможно вы даже видели, что приезжала «скорая помощь»...

Глеб орал изо всех сил, зная, что сейчас только его голос может заставить испуганных

людей замолчать, даже не давая им пытаться в тревоге формулировать свои вопросы и добиваться точных ответов.

Многие из старушек, столпившихся у подножия Глеба, и с любопытством желающих что-то ещё от него узнать, прежде чем им придётся покинуть сад, беспомощно замолкали, не расслышав в рёве мегафона даже звуков собственного голоса.

— ...Товарищи! Возможно, вы или ваши дети касались травы, листьев или плодов! Отыщите возможность срочно вымыть руки! Вакцина против вредного действия раствора будет изготовлена и доставлена к нам только во второй половине дня! Вполне вероятно, что кто-то из вас или из членов ваших семей почувствует определённого рода недомогание, в таком случае срочно звоните нам, мы срочно приедем! По мере поступления вакцины мы дозвонимся до каждого из вас! Процедура вакцинации в данном случае будет проста и безболезненна! Это не укол, а просто приём микстуры! Чайная ложка жидкости нейтрального вкуса — и всё, вы в безопасности! Записывайте в свои телефоны мой контактный номер и прямо сейчас же звоните мне. По возможности, но немедленно присылайте мне свои электронные почтовые адреса! Это должен сделать каждый, в обязательно порядке! На выходе я проверю всех, а уклонившиеся будут ещё долго дожидаться приезда специалистов санэпидстанции! Мой телефон вот такой...!

Глеб сунулся по пояс в окошечко кассы, без разрешения схватил там со столика большой чёрный фломастер и, выскочив снова к калитке, размашисто написал на высоком рекламном плакате с подробной картой ботанического сада номер своего телефона.

Человек в белом медицинском халате с пуговицами на женской стороне и в оранжевой строительной каске был настолько убедителен, что никто из обеспокоенных людей не обращал внимания на то, что особенно строг и внимателен он был в отборе контактных данных у посетителей с фотоаппаратами. Именно их он как бы невзначай ставил под незаметный для всех объектив камеры слежения, установленной на входе.

Капитан Глеб посмотрел на свой телефон — начались первые звонки.

Толпа на выходе, разгорячённая почти полуденным солнцем и непонятными, тревожными событиями, гулко продолжала шуметь. Крупная краснолицая женщина повелительного окликнула кого-то родного из толпы:

— Мужчина! Иди сюда! Немедленно!

Два супруга из двух объединённых семейных компаний, с детьми, жёнами, с зелёными воздушными шариками, и с мороженым, смущённо улыбаясь, обсуждали неудавшийся прогулочный день:

— Вот тебе и пятница-тиპница, даже пивка путём не попили...

— Да уж...

Капитана Глеба Никитина кто-то тихо тронул за локоть, он хмуро обернулся.

Мамаша с коляской, с дочкой Евой, белозубая и черноволосая, смотрела на него с тревогой.

— Нам уже можно уйти? Я позвонила вам, мой номер заканчивается на «24». Можно?

Глеб наклонился близко к женщине.

— Ничего не бойтесь, не волнуйтесь. Всё не так плохо. Никаких заражений здесь нет — просто так надо. Удачи!

И, приподняв огромные очки, подмигнул внимательной девочке Еве.

Люди, разговаривая, ругаясь и плача, покидали ботанический сад. Глеб был уверен, что странное представление, затянувшееся им, не напрасно — его телефон гудел входящими звонками почти непрерывно.

Сквозь кованую решётку забора он заметил, как на противоположной стороне улицы резко остановилось городское такси, и к входу в сад бросился молодой парень с репортёрской сумкой через плечо.

— Стоп.

— Что такое?! Мне надо! Я — пресса, мне необходимо пройти в ботанический сад, я имею полное право, нам в редакцию сообщили, что здесь чрезвычайное происшествие,

отравлены люди...

– Стоп. Остынь. Тебе срочно надо или как?

Сквозь стёкла рабочих очков капитан Глеб Никитин доброжелательно смотрел на журналиста.

– Да! Очень срочно, непонятно, что ли!

Для верности всё ещё прикрывая собой калитку, Глеб сделал шаг наружу, легко взял парня за плечо.

– Ну, если тебе нужно очень, очень, очень.... Тогда, приятель, топай сейчас не в сад, а во-он туда, за кустики. Отойди, отвернись, никто ничего не увидит, гарантирую.

– А...

– Не медли.

Глеб закрыл перед репортёрским носом калитку.

– С мокрыми штанами у тебя резко понизится рейтинг среди читающей публики. Поэтому спеши. Свободен.

Толпа плавно редела. Шума становилось меньше.

Капитан Глеб несколько минут понаблюдал за Марьяной, которая растерянно металась в конце очереди.

– Эй, граждане, пропустите-ка сюда, ко мне, вон ту девушку в странной панаме! У неё важное сообщение!

Маленький фотограф не ожидала такого внимания к себе, замялась, даже развернулась, намереваясь уйти.

– Постойте, гражданка! Вы куда это направились, у вас, случаем, не первые симптомы? Как вы себя чувствуете?

Глеб в три шага догнал Марьяну, крепко взял за локоть.

– Вы куда-то спешите?

Что-то в голосе громкого человека в белом халате, каске и в больших очках показалось Марьяне знакомым, она остановилась, не пытаясь даже освобождаться, нахмурилась, с вопросом посмотрела на преследователя.

– Трепач?! Капитан, ты?

– Тихо. Он самый. Почему не уходишь, а?

Марьяна вздохнула с облегчением. Точно так же зашептала в ответ.

– У меня там, в цветнике, аппаратура осталась.... Сняла всё пока со штативов, чехлом и лопухами накрыла. Я до сих пор не знаю, что здесь происходит, какие-то крики, шум. Серьёзно всё это или нет? Мне собираться?

– А почему такие сомнения? И конспирация?

– Глупый.

Всё ещё сомневаясь, Марьяна, прежде чем ответить, закусила губу.

– Я здесь нелегально...

– Как это?

Глебу нравилось шептать в маленькое ушко светленькой женщины, с полным товарищеским правом приподнимая, естественно только для удобства коммуникации, край её лохматой панамы.

– Здесь по правилам нельзя фотографировать в коммерческих целях, а директорша, добрая женщина, разрешает мне.... Работаю тихо, ни разу не подводила её, а если сейчас, представляешь, в такой суматохе, я рвану через эту толпу со всеми моими сумками и объективами! А если начальство приехало?! Или какие-нибудь правоохранительные органы?

– Логично. У тебя там, на грядках, водички никакой не осталось?

– Мы что, перешли на «ты»?

– Первыми на «ты» перешли вы, уважаемая. Только что, минуту назад, в сильном испуге. А я воспринял это как согласие на долгожданное дружеское общение...

– В шестой раз – трепач!

– Всего лишь в пятый – ты явно взволнована. Принеси водички, а? В глотке пересохло жуть как, от этих грозных речей на солнцепёке. Милости же прошу, не погуби...

– Сейчас, не умирай.

Марьяна показала капитану Глебу Никитину язык и легко побежала в сторону своего цветника.

Со стороны беседки, из теней высоких сосен вышли и направились в сторону ворот Сашка и Игорь. Свидетель что-то суетливо рассказывал задумчиво шагавшему Сашке, махал руками и изредка оглядывался.

– Эй!

Сашка поднял голову.

– Чего вам нужно?

– Нам нужно, чтобы, вы, наш грустный сын, подошли немедленно к нам...

В этот раз Глеб окончательно, приподняв каску, снял очки с лица, вытер рукавом халата пот.

– Ого! Па, ты чего это?! В маскараде каком-то?

– Как там свадебные люди?

– Пока ещё в беседке сидят, допивают.... По слухаю. А я вот Игоря провожаю отсюда, там уже нехорошие разговоры пошли про его ягоды.... Никто ничего точно не знает, но на Игоря косо смотрят, вроде как это он виноват, что сакуру эту дурацкую принёс....

– Ладно, правильно, сын. Проводи коллегу, потом возвращайся, обязательно найди меня здесь. Поговорить надо.

К выходу понемногу подтягивались последние, особо медлительные, посетители-фаталисты. Одна дама на ходу сворачивала пушистый плед, видимо, застигнутая громкой информацией где-то на дальней солнечной лужайке; некоторые пенсионеры недовольно ворчали, убеждённые в том, что стоимость входного билета нужно оправдывать длительным пребыванием в ботаническом саду себе в удовольствие.

Со стороны беседки торопливо выскоцил и помчался к воротам свадебный мужичок-фотограф. Но избежать пристального внимания капитана Глеба Никитина не удалось и ему.

– Товарищ! Вы ведь только что с фотосессии, правильно? Со свадьбы? Как вас звать?

– Да, да, оттуда, тороплюсь.... Звать Максик, Макс, а что такое?

– Задержитесь, пожалуйста, на минуту.

Покачивая в руке очки, Глеб пристально, со значением, уставился на бородача.

– Ваши фотоматериалы нужны следствию. Тихо...! Не дёргайтесь, пожалуйста.

– По какому праву?! Это же моя съёмка! Мне заказчики платят! Я не обязан...!

– Правильно. Вы не обязаны. Это я должен предупредить вас.

– О чём это ещё?

Мужичок поправил сумку-кофр на плече.

– Приятель, на свадьбе, которую ты только что фотообслуживал, произошло страшное несчастье. Возможны варианты. Я желаю очень быстро и точно разобраться в произошедшем, поэтому мне нужна вся твоя съёмка.

– Вы из органов?

– Я – не мент. Я – твой безмятежный досуг в ближайшие выходные дни. Если ты сейчас не удовлетворишь моё скромное любопытство, я сдам тебя следствию, как носителя чрезвычайно важной для них информации. И, уверяю, Максик, правоохранители будут гораздо более надоедливыми, чем я. Обязуюсь о тебе пока ни с кем не говорить, твою работу никак не использовать, никому не передавать, просто посмотрю нужные кадры и верну. По рукам?

– Чего?

– Чего, чего.... Быстро беги во-он туда, в пиончики! Видишь там стройную даму?

Капитан Глеб приобнял Максика за потные плечи, указывая ему рукой точно на цветник.

– Передашь ей приказ от меня – пусть оперативно скопирует на свой ноутбук всю твою

съёмку. После этого.... И только после этого, не вздумай лукавить и обманывать меня, приятель, пусть дама махнёт мне панамой. Пять раз подряд. Она в курсе. Беги, Максик, беги! Цени время, проведённое не за решёткой...

Ботанический сад опустел.

Капитан Глеб Никитин осмотрелся по сторонам, снял халат, потную изнутри каску, присел на ближайшую же скамейку в стороне от главной аллеи, с облегчением вытянул ноги, вздохнул.

«Да уж, погулял с сынишкой...».

Рядом, на газоне, торчал из земли водопроводный кран с поливальным шлангом. Глеб расстегнул пошире рубашку, включил воду, подождал, пока пойдёт холодная и с наслаждением умылся. Вытерся халатом.

Всё так же звенел где-то в высоте неутомимый жаворонок, прогудела над головой тяжёлая пчела, спинка скамейки обжигала, раскалённая солнцем.

Вдалеке мутной толпой к выходу брела свадьба.

Никто уже не кричал, не старался быть радостным.

И молодые парни, и старшие родственники, нарядные женщины, их мужья, какие-то почти взрослые дети шли по асфальтовой дорожке вместе, негромкие и усталые. Две девчонки-студентки поддерживали под руки свидетельницу, совсем пьяную и что-то пытающуюся им со стенами объяснять.

Капитан Глеб Никитин для верности отвернулся, желая быть неузнанным.

Тем более что в солнечных разноцветных зарослях уже изо всех сил подпрыгивал знакомый ему маленький человек.

Заметив его взгляд, Марьяна замахала панамой.

«Шесть раз. Точно – взволнована...».

С завёрнутыми в халат каской и очками капитан Глеб Никитин не спеша направился в цветник.

– Ты где сегодня обедаешь?

– Я бутерброды с собой беру, будешь? Проголодался?

– Нет.

– Капитан и без аппетита? Странная штука.... Кстати, объясни мне, что произошло-то? Максик ничего не говорит, только на тебя кивает, что, мол, только ты всё подробно знаешь. Из-за чего вся эта шумиха-то?

– Невеста умерла...

Глеб еле оторвался от бутылки с минералкой.

– У тебя же к той беседке особо пристальное внимание, видела, наверняка, что «скорая» туда приезжала?

– Да, думала, что бабулька какая-нибудь на солнце перегрелась. А то, что невеста....

Марьяна прикрыла ладошкой рот, опустилась на свой раскладной стульчик.

– От чего это она?

– Пока не знаю. Чувствую, что не просто так. Поэтому и устроил этот идиотский маскарад.

– Зачем?

– Собрал информацию. Уверен, что какие-то детали потом непременно пригодятся. Люди поначалу не обращают никакого внимания на важные пустяки. Да, кстати....

Капитан Глеб подошёл ближе к Марьяне, присел около неё.

– Бутерброды – это полезно. Успокоилась?

Сквозь слёзы Марьяна кивнула.

– Ну, вот и хорошо. Оставайся здесь, пофотографируй часок ещё свои незабудки, а я ненадолго отвлекусь и к закрытию обязательно приеду сюда за тобой, помогу собраться. Согласна?

Придерживая шляпу и жалобно продолжая смотреть на Глеба покрасневшими глазами,

Марьяна ещё раз кивнула.

– Тогда.... Руки мой перед едой газированной водой! Пока!

Воздушный поцелуй в исполнении капитана Глеба Никитина был, как всегда, безупречен.

Халат – на вешалку в коридоре; оранжевую каску – на полку, там же; очки – на гвоздик.

– Ну вот, я и вернулся! Как вы тут, без меня-то? Давайте-ка мы втроём, пока наша Валерия Антоновна в полях всё ещё бегает, обсудим создавшееся положение.

Лохматый и сумрачный Иван сидел тихо, забившись в уголок старого дивана.

Улыбнулась пухленькая директорша.

– Да он уже повинился, ничего страшного...

– Страшный сейчас он сам. Надень рубашку, индеец!

Капитан Глеб Никитин поставил офисный стул ближе к директорскому столу, отодвинул бумаги от края.

– Ну, по порядку.

– А чего особо объяснять-то? Иван всё правильно говорит – я ему верю.

Директорша постукала по столу карандашом.

– Он же тут у нас недолго работает, за него попросили, мы его приняли. Работает неплохо, всегда всё исполняет, трудолюбив, аккуратен, не ругается...

– Да чепуха это всё, Глеб!

Иван, наконец, справился с рубашкой, пригладил пятерней волосы.

– Меня тут просили нагадить...

Закашлявшись, Иван захрипел, жадно попил воды из стеклянного кувшина.

– Знакомый один сказал, что может устроить меня сюда на работу, но только мне нужно будет кое-что в саду сделать.... Я по пьяне тогда согласился.

Снова зазвенело стекло стакана по кувшину.

Иван утёрся рукавом рубашки.

– Тут за этот ботанический сад у них, оказывается, война идёт, директора нового, своего, они хотятставить, вот мне и сказали, чтобы между делом я эти удобрения вездесыпал...

– Куда, чего сыпал?! Говори толком, не булькай!

– ...Чтобы я, как вспомогательный рабочий, опрыскивал всё тут не так, как она приказывает...

Иван закашлялся.

– Чтобы распоряжения вот этого вот директора выполнял не так, как надо, ну, чтобы ей навредить. Нужно было опрыскивать траву и кусты не тем раствором, чтобы они желтели, опадали; чтобы утки в пруду сдохли...., ну, и всё такое. Проверку бы начальство быстро прислало, выявили бы неправильные действия и сняли её тогда быстренько...

В расстройстве Иван махнул рукой в сторону директорши.

Та, кругленькая и спокойная, по-прежнему с добротой улыбалась им, внимательно рассматривая и Ивана, и Глеба сквозь толстые очки.

– Вот, видите, он уже во всём повинился!

– Вижу. Слышу. Но не понимаю – зачем здесь, в вашем милом вегетарианском уголке, такие волчьи схемы и капканы?!

– Да это у нас здесь давно, года два уже как происходит!

Директорша махнула пухлой ладошкой.

– Как только руководство в университете сменилось, а новые, совсем не научные люди к управлению пришли, так всё и началось.... Мы-то, ну, ботанический сад-то, всегда были структурой университета, столько лет подчинялись ему! Студенты с биофака у нас практику каждое лето проходят, преподаватели научные работы пишут, семинары устраиваем, международные, по экологии, по природопользованию. Городские энтузиасты здесь, у нас, выставок разных по два десятка раз в год проводили! А сейчас.... Бывшего милиционера

назначили курировать нас, вот он и развернулся! Сауну здесь строит для своих прежних коллег, цех деревопильный какой-то ещё задумал, матерится...

– А вы – против?

– Да, конечно...

Директорша изумилась таким естественным вопросом.

– Я на всех совещаниях говорю, что ботанический сад – это не база отдыха какая-то загородная, а научно-культурное учреждение! Да, у нас ту природа богатая, уникальная, деревья и растения красивые, но ведь не для шашлыков же всё это десятилетиями создавалось.... Вот мы с Марией Владимировной все университетские пороги и обиваем последние два-то года, но безуспешно...

– Стоп! С Марией Владимировной? Это...?

– Да, да, это наш декан биофака, это у неё сегодня трагедия с дочкой-то случилась. Сердце не выдержало, молоденькая совсем ещё девочка, а такое несчастье...

Из своего угла, из-за спины директорши Иван махнул Глебу, умоляюще сморщился, приложил палец к губам.

– Да, да, сердце, сердце, действительно.... Проблемы с дыханием ещё у девушки были, как я слышал....

Капитан Глеб Никитин лихорадочно соображал, как же ему суметь повежливее обмануть добрую женщину.

– А я-то, представьте, в самом деле тогда, когда «скорая» -то приехала, поверил Ивану, что это именно он тут все растения отравил нечаянно, вот и бросился выручать старого дружка! Думал, вот же ведь как случилось, что людей сегодня много здесь, а Ванька так оплошал! Кричал на всех, чтобы быстрее уходили, думал, что всё обойдётся, никто не пострадает, даже если наш разгильдяй что-то и напутал! Ф-фу, надеюсь, всё обошлось....!

– Спасибо вам большое! О людях, действительно, в первую очередь думать нужно...

– А новые руководители и Марию Владимировну не любят?

– А как же?!

Директорша всплеснула ладошками.

– Мы же ней заодно! Это ж она на всех совещаниях называет нового-то коменданта как следует, я-то робею, а она про них всегда правильно говорит!

Капитан Глеб Никитин пододвинул стул ближе, наклонился над столом.

– Может, ей кто вздумал мстить таким образом?

Директорша охнула, тяжело закашлялся в угол Иван, хлопнула входная дверь.

– Всё, посторонних в саду нет! Проверено!

На пороге директорского кабинета, разгорячённая соответствующей погодой и успешно выполненным поручением, возникла Валерия Антоновна.

– Классно! Присаживайтесь, милая.

Глеб быстро встал, пододвинул помощнице свой стул и наклонился к ней со спины.

– А зачем ты, Антонна, порошок-то незнакомый в бидон сегодня утромсыпал?

– Так это... Я ведь Ивану с первого дня не очень доверяю, он же ведь может с утра такую сложную рецептуру и позабыть, вот я для верности, для правильного выполнения приказа директора, и усложнила.... А что?

Верную, со стаканом воды в руке, с растерянным выражением красного, потного лица, Валерию Антоновну все присутствующие простили молча, одновременно и навсегда.

Поговорили ещё про многое, директорша некоторое время посмущалась и достала из личного шкафчика какую-то очень маленькую заморскую бутылочку, к тому же наполовину пустую.

– Бренди. С прошлого семинара, профессор один швейцарский оставил...

Помянули невесту.

Иван, не говоря ничего о личном, дважды принимался вытираять слёзы рукавом рубашки.

Потом они успели ещё выпить по чашечке дрянного дешёвого кофе, зазвонил телефон капитана Глеба и он, решительно встав из-за стола, стал прощаться с радушными хозяевами.

– Сын вернулся, у ворот ждёт, пойду, побеседую...

Директорша проводила Глеба.

– Вы уж не волнуйтесь особо за Ивана-то, мы его сейчас в подсобке спать положим, пусть отдохнёт после всех этих событий.... Он же мужчина хороший, совестливый.... Так что не волнуйтесь!

– А к вам будет просьба – властям и начальству объясните произошедшую панику ошибкой. Простым недоразумением, недоработкой в техническом плане, мол, подумали, что смесь сделали с утра крепкую, вот и решили перестраховаться, срочно удалить посетителей из сада. На первое время этой версии хватит.

Капитан Глеб Никитин окончательно распрошался с добной женщиной, махнул ей рукой, глубоко выдохнул, но, сбежав по ступенькам крыльца, успел сделать всего несколько шагов по дорожке.

– Глеб! Глебка! Погоди...

Растрёпанный, лохматый, его догнал Иван.

Обнял со спины, зашептал в ухо, потом постарался повернуть к себе, умоляюще уставился в лицо Глеба чёрными безумными глазищами.

– Глебка, я ведь сегодня с отравой-то до сакуры не дошёл! Вроде как поленился в дальний-то угол бидон этот тащить, на жимолости весь раствор израсходовал.... Клянусь! Сейчас вспомнил, не опрыскивал я сакуры-то сегодня...

– Точно?

– Клянусь, Глеб! Я ж не для оправдания, я честно...

Иван поморщился, потёр лоб грязной рукой, вспоминая.

– Вроде не был я там...

– Молчи. Никому, ни о чём не говори. Придёт время – предупрежу. Лады?

– Лады, Глебка, лады! Только ты разберись там со всем этим, хорошо?!

– Обещаю.

И опять – по тенистым тропинкам, к беседке, к розарию, к сакуре.

Сашка, конечно, спросил отца, зачем им сейчас ходить там, где уже никого нет, но Глеб был краток.

– Чтобы убедиться.

Длинную аллею, волшебно заросшую множеством разных кустарников, через каждые двадцать шагов накрывали перевитые лианами и тугими древесными побегами невысокие, в полтора человеческих роста, уютные арки.

На первой из них шершаво закрывал небо широкими листьями виноград лисий, на второй – лимонник китайский. Следующий полукруглый трубчатый свод плотно охватила коричневыми прочными ветками жимолость вьющаяся.

Капитан Глеб Никитин ещё с прежних времён почему-то очень хорошо запомнил розовое цветение китайской вейгелы, сейчас же она была просто прозрачно и дымчато зелена.

Следующую арку заняла прочными трёхметровыми кустами какая-то иная жимолость, без таблички, а дальше, в самом конце аллеи, от дерева к дереву на уровне финишных беговых ленточек были протянуты тонкие нити белого шпагата – чтобы лишить посетителей соблазна бродить в тихих зарослях по сторонам от дорожек.

– Пошли, посмотрим сакуру.

Сашка согласно кивнул, продолжая в задумчивости держать руки за спиной.

Маленькие деревца совсем не впечатляли и, вообще, не готовы были в этот день соответствовать своим сказочным названиям.

Капитан Глеб внимательно читал аккуратные таблички, привязанные к их стволикам, и удивлялся.

— «Сакура плакучая»... Смотри, Сашка, тут всего несколько веток и листья редкие. Никаких ягод. А вот другая... «Сакура подшёрстная, фукубана». Тоже без ягод.

Глеб приподнял ограждающую верёвочку и шагнул в густую зелёную чащу. Как опытный грибник, он терпеливо раздвигал руками кусты и беспорядочные заросли тонких деревьев, поднимал из травы, переворачивал и внимательно читал упавшие таблички.

— Сашка! Нашёл!

На крохотной полянке стояло деревце.

Низкое, метра два, может чуть больше, с густой кроной, сквозь которую изобильно светились, пронизанные полуденным солнцем, огоньки мелких жёлто-красных ягод.

— «Сакура окаме»...

Глеб потянул вниз ближнюю ветку.

— Рви. Штук пять, хватит нам для сравнения.

На обратном пути к аллее Сашка поднял из травы потускневшую от давней росы и совсем непохожую на другие табличку. Прочитал едва различимые слова, протянул картонку отцу.

— «...сакура символизирует быстротечность и хрупкость жизни – человек проживает свою жизнь так же, как падает лепесток сакуры – красиво и очень быстро...».

Глеб покачал головой.

— Не всегда. И не сегодня.

За пределами ботанического сада всё было по-иному.

Тихо, спокойно.

Глеб Никитин оглянулся по сторонам в поисках такси.

Прямо за воротами, в тени робиний, скромно прижавшись к тротуару, стоял белый свадебный лимузин. Водитель, здоровенный молодой мужик, прислонившись широким задом к автомобильному крылу, щёлкал семечки и, бодро улыбаясь, разговаривал по телефону.

— Ваш?

Сашка кивнул.

— Да.... Все уже, наверно, по домам самостоятельно разъехались.

Шустрые воробы прыгали под ногами водителя, интересуясь обильной шелухой, некоторые устроились прямо на блестящем радиаторе, между лент и колец, склёвывая налипших насекомых.

— Долго ездили? Куда заезжали до ботанического сада?

— Как положено, на памятник героям, за город мотались. Набережную почти всю проехали.... Часа полтора путешествовали.

— Понятно.

Капитан Глеб Никитин подошёл к водителю.

— Долго ещё планируешь загорать здесь?

— А чего такое?

— Относительно свадьбы...

— Дел нет, за вечер фирме уже заплачено. Покурю ещё часок и поеду в гараж. Какой вопрос-то?

— Семечки – это приятно, но не высококалорийно. На бутерброд с икрой заработать хочешь?

Водитель лимузина ухмыльнулся, распахнул перед Глебом дверь машины.

— Если с чёрной – тогда, пожалуйста. Но только на два!

— Аппетит, что ли, хороший?

— А то!

Ещё в пути Глеб попросил Сашку самому решить, куда они поедут обедать. Вариант определился сразу же, сын предложил посидеть в кафе, где они своей студенческой компанией постоянно встречались по вечерам.

– Меню подходящее?

– Там свои люди работают. Обычно бывает вкусно.

И действительно, первой же официанткой, которая подошла к их столику, оказалась та самая рыженькая особа, которая совсем ещё недавно так пристально рассматривала капитана Глеба на солнечных свадебных аллеях ботанического сада.

– Я не ошибаюсь...? Почему сейчас с косичками?!

Глеб вопросительно посмотрел на Сашку, потом – на рыженькую.

– Нет, па, нет!

Сын захохотал, понимая сомнения отца.

– Да, это же Настя! Это она была сегодня с нами на свадьбе!

Тут же и сам Сашка изумился, обернувшись к девушке.

– А почему ты сейчас на работе?!

Официантка грустно улыбнулась, губы её задрожали, показались быстрые слёзы.

– А чего мне в общежитии-то сейчас одной делать? Я ведь сегодня на свадьбу на всю смену отпросилась, договорилась, что меня тут подменят, а потом, после всех этих событий.... Приехала сюда, отпустила пораньше девочку. Здесь люди, не так страшно....

– Ладно, Настя! И мы теперь тоже с вами. Сейчас я буду долго и внимательно разговаривать со своим сыном, а вы изредка посматривайте в нашу сторону и не грустите. Не будете?

Настя вытерла слезу, всхлипнула. Улыбнулась, но уже по-другому.

– Не буду.

Обстановка небольшого кафе была обыкновенной, но прохладный воздух приятно тёк из тихого кондиционера, прозрачные тени от лёгких штор не допускали к их столику прямое солнце и свободно летали вдоль окон, вздрагивая от каждого вздоха входной двери.

Посетителей было мало и совсем не пахло кухонными делами.

Глеб глубоко вздохнул, устроился удобнее в кресле и улыбнулся.

– Ну что, сын? С юбилеем?

Его сын, светловолосый, лохматый и юный, тоже с улыбкой, положил руки на скатерть.

– С юбилеем. Поздравляй. Я готов.

Они вместе провели эти полдня, вместе ехали сюда, в кафе, на машине. Любой другой человек мог бы засомневаться по поводу подарка, не заметив за всё это время в руках и в карманах капитана Глеба Никитина ни малейшего намёка на какую-то значительную вещь.

Но Сашка, несмотря на некоторые жизненные обстоятельства, хорошо знал своего отца. И всегда верил ему. И в него.

– Держи.

Глеб легко достал из заднего кармана тёмно-синих джинсов квитанцию.

– Пока так.

– Что это?

– «Брайтлинг», на двадцать четыре деления. Если не ошибаюсь, то именно о такой модели ты давно уже задумывался?

– Часы? «Брайтлинг»??

– Да. Бумажку обменяешь в их фирменном магазине, в том, что около вокзала, на коробочку. Я договорился, что ты приедешь попозже, браслет и цвет циферблата выберешь сам.

– Ну...?! Ну, ты... Спасибо, па! Век не забуду!

– Пока ходят часы – достаточно и этого. Ну что, коньячку?

Сашка поморщился.

– Разве что граммов по двадцать – голова и так гудит от всего сегодняшнего...

– Согласен. По двадцать пять.

В те редкие дни, когда капитану Глебу Никитину случалось бывать в этом городе и видеться со своим сыном, знакомые люди, которых они иногда встречали на улицах, отмечали, как понемногу отец и сын становятся похожими друг на друга.

Взгляд, усмешка, уверенные слова...

И аппетит тоже был уже одинаков.

– А вот есть я хочу, как медведь!

– Аналогично.

Они оба знали, что спешить сегодня уже никуда не нужно, нет необходимости быстро наедаться и быть обязанными делать ещё что-то важное и неотложное.

По крайней мере, так думал Сашка....

Легко смеясь, они выбрали зелёные салаты, Глеб попросил официантку Наташу передать повару его просьбу постараться и сделать кусок какого-нибудь серьёзного мяса, Сашка набросился на свежий апельсиновый сок.

– А ты сейчас чем занимался? Ну, эти полгода?

В ожидании главной еды капитан Глеб Никитин всегда пил кофе.

Горячий, крепкий, насколько возможно, эспрессо. Чёрный, без сахара.

– С безумцем-миллиардером общался.

– Деньги – причина безумия?!

– Нет, просто он любит, чтобы его так называли.

Глеб улыбнулся, вспомнив смешного иностранца, покусал губу.

– ...Года два назад я придумал проект. Ничего нового или революционного, но многие известные вещи, знакомые мне люди, их возможности и различные случайные обстоятельства, встроенные в одну сложную схему, могли привести к неожиданно интересному результату. Ты же видел, здесь, на реке, дебаркадеры, ну, пристани такие, для пароходиков?

– Конечно! Мы ещё ныряли с мальчишками с них летом.

– По шее бы за такие фокусы... Ладно, поздно вразумлять, ты уже бреешься.... Ну так вот. Эти дебаркадеры, как и многие речные и морские причалы, доки для ремонта судов, плавучие платформы для добычи нефти и газа сделаны из бетона...

– Бетон плавает??

– Не изумляйся. В некоторых случаях бетон плавает, как ты выразился, гораздо лучше, чем дерево, но не об этом. Раньше, при советской власти, в стране существовала целая отрасль железобетонного судостроения, проектировались и строились конструкции, доки и причалы не только для себя, но и для дальних и близких стран. Потом это всё закончилось... Обстоятельства. Наступило смущение умов и всеобщее неуважительное отношение к плавучему железобетону. О нём постепенно, за пару десятков лет, в нашей стране позабыли. А зря.

Остались только два незначительных заводика в центральных областях, на реках. Делать они ещё что-то могут, но вывести большие плавучие конструкции в море по шлюзам, под низкими городскими мостами возможности у этих динозавров-бетоностроителей никакой нет. А спрос в Европе на такие платформы для добычи газа есть, и существенный...

Капитан Глеб со вкусом допил кофе и, вздохнув, покачал пустой чашечкой, показывая внимательной рыженькой официантке, что напиток нужно повторить.

– Ну, так вот... Я нашёл людей, готовых вложить серьёзные деньги в строительство здесь, на нашем морском побережье, предприятия по производству гигантских плавучих железобетонных массивов для нефтегазового комплекса. Нашего и иностранного. В самом ближайшем будущем будет активно осваиваться Арктика, а железобетонные основания гравитационного типа для нефтяных и газовых платформ очень и очень в этом деле востребованы....

– А безумец-то твой тут причём? Он что, нефтяной магнат?

– Нет, нет, это другое! Спасибо, Настя!

Глеб бережно принял из рук девушки крохотный подносик с чашкой горячего кофе.

– Продолжаю. Миллиардер – псих настоящий, законченный, но умница. Это Питер Диль, один из первых инвесторов социальных сетей в Интернете. Кстати, он с детства увлекается «Властелином колец», а совсем недавно начал вкладывать деньги в очередной свой уникальный проект – утопию, свободную от законов и морали, которая, по его глубочайшему убеждению, очень скоро будет образована на искусственных плавучих островах.

По мнению этого типа, его утопические либертианские поселения будут представлять собой плавучие железобетонные платформы с дизельными двигателями. Масса каждого искусственного острова будет равняться нескольким десяткам тысяч тонн, и на каждом из них смогут счастливо существовать примерно триста жителей.

– И где эти острова будут плавать? В твоей Арктике?!

– Глу-упец! Несмышлёныш. Не владеешь исчерпывающей информацией – поэтому понимаю и прощаю.

И отцу, и сыну было приятно болтать о пустяках в прохладе почти пустого послеобеденного кафе.

Глеб знал, что Сашке нравится его провоцировать, дёргая смешными вопросами, а Сашка всегда с уважением относился к делам отца, да и сам не прочь был в них поучаствовать.

– Острова будут располагаться в международных водах, около Сан-Франциско. Питер Диль и его команда планируют, что лет за сорок они смогут построить множество таких островов, на которых будут жить десятки миллионов человек. Парень рассчитывает создать на своих плавучих островах суверенное государство, которое будет признано ООН. Главные принципы такого идеального общества – свобода мысли и поступков, свобода от моральных и иных норм и законов, которые действуют в мире.

– Ну, а ты-то чем полезен этим буржуазным развратникам?

Откинувшись на спинку кресла, Глеб расхохотался, рассматривая сына.

– Истинный я, только похудошавей!

Глеб отставил в сторону и ещё одну пустую чашку.

– Технология, сын мой! Тех-но-ло-гия! Та сложная организационная, общественно-политическая схема, которую придумали богатые ребята в порыве капиталистического энтузиазма, нуждается в чёткой инженерной поддержке. Чем наполнить острова и как приспособить их к свободной жизни, прекрасно могут рассказать сотни архитекторов, дизайнеров и строителей, и на Западе, и у нас, а вот как сделать эти самые гигантские плавающие корыта истинно плавающими, по-настоящему помнят только несколько мужиков в маленьком городке Городце, что на Волге. Моя задача состояла в том, чтобы через несколько уровней знакомств связать наших бетоностроителей и команду Питера Диля, создав для совместного обсуждения тёплую, дружественную обстановку.

– Договорились?

– Ага. В Голландии, в начале прошлого месяца. И вот я – здесь, с тобой.

Из своего служебного уголка им махнула ладошкой, предупреждая о готовности горячих блюд, Настя.

– Теперь я понимаю, почему вам здесь так нравится.

– Почему?

– Местный обслуживающий персонал очень заботится о посетителях... Ладно, пока мясо не прибыло, закончу с миллиардером. На пресс-конференции, в присутствии почти сотни журналистов, старина Питер заявил примерно следующее: «Когда вы основываете компанию, вы, прежде всего, заботитесь об обретении настоящей свободы. Конституция США предусматривала многие вещи, которые вы могли делать вначале, но впоследствии они были запрещены. Вопрос в том, можете ли вы вернуться в начало и оказаться в жизненной среде без ограничений?».

– Это он к чему, так сложно-то?

– Намекал, что для строительства гигантских плавучих платформ ему нужны такие же гигантские американские деньги.

– ...И он пошёл их искать?

– Уже нашёл. Позвавчера звонили мои волжане, требуют срочно приехать. Проект двинулся. О! Мясо! Много!

Капитан Глеб Никитин взялся за нож и за вилку...

Потом были две перемены блюд, потом – минимальный коньяк, ещё кофе и ещё апельсиновый сок. Сашка, хоть и был весел, продолжал страдать от последствий утренней жары и от так и не прошедшего окончательно волнения.

Капитан Глеб тоже, передохнув, задумался о неприятном.

– Какой же идиот заставил твоего Игорька быть свидетелем на такой свадьбе?!

– Это Аля его попросила, он согласился....

– Извини. Сгоряча.

Глеб сильно прикусил губу, постучал черенком вилки по столу.

– А как ты думаешь, какой-то умысел у твоего Игоря мог быть? Серьёзный, заранее спланированный, ориентированный на смертельный исход? Например: «...Так не доставайся же ты никому!»?

– Нет, па! Ты что?! Он же с самого детства был в Алию влюблён!

Сашка замахал руками, даже покраснел от возмущения такой мыслью.

– Да и сакуру-то эту идиотскую он рвал при мне, с того самого дерева, что мы с тобой потом обнаружили! Мы все, и девчонки тоже, по две-три штуки попробовали, смеялись ещё, что, вот, дожили последние вишенки до свадьбы, обычно в это время они уже опадают, а тут – дождались нас! Игорь сам их ел и свидетельница, Триноль, ну, которая потом напилась-то вдрызг, тоже штук пять разом проглотила!

– Ты хорошо Алию знал?

– Какую Алию? Алию??!

– Ладно, пусть пока так...

Сашка хмыкнул, пожал плечами.

– Она на курс младше меня была, год назад вместе были в языковом лагере в Германии, там через Игоря и познакомились, он её в нашу компанию тогда пригласил. Потом рыжий из Москвы к нам в универ перевёлся, его папашу назначили каким-то министерством руководить в местном правительстве.... А у Али мать – декан нашего биофака, вот на уровне значительных родителей у них всё как-то поначалу и завязалось. Игорь-то так, из простой семьи, друг детства...

– Ладно, не вздыхай!

Понимающие улыбаясь, Глеб потрепал сына по плечу.

– Ты сказал – Триноль? Почему так странно?

– А-а.... Это фамилия такая у девчонки – Зотова. Вот наши остряки и придумали ей кличку, как для своего парня, из первых букв её фамилии – Три и ноль. Триноль. Она привыкла, не обижается.

– А она не в схеме?

– В какой?

– Бывают любовные треугольники, четырёхугольники, пятиугольники...

– Что-то похожее было у них на первом курсе с Игорем, но так, эпизод.... Думаю, ничего серьёзного, хотя, может быть, что-то ещё и сохранилось.... Сегодня в ботаническом саду Триноль как-то странно общалась с Игорем. Но ничего не могу сказать точно, не вникаю в их геометрию!

– Зря. Интересоваться такими вещами обязательно нужно, личный опыт хотя бы накапливать....

Лицо отца было непроницаемо, но Сашка прекрасно знал признаки присутствия его

молчаливого хохота.

– Да ну тебя!

– Добавь ещё – трепач! В последние часы это самый популярный общественный тренд в определении характеристик моей личности. Ладно...

Капитан Глеб Никитин постороже устроился в кресле, пристукнул кулаком по столу.

– А теперь – о деле. Алия умерла. Видимых версий её смерти немного. Почти всех окружающих нас людей устроит предположение врача «скорой» о том, что это всего лишь совпадение – жара, шампанское, волнение, слабое сердце, детская астма. Почти.... В проигрыше останутся только двое – твой Игорь, который не простит себе даже крохотного предположения об участии в смерти той, кого он так любил. Ягоды, не ягоды.... Уверен, что даже твоя замечательная компания вскоре постарается избавиться от такого некомфортного персонажа, как он. Клеймо на всю жизнь.

И Иван...

– Какой ещё Иван?

Напряжённо покусывая ноготь, Сашка уставился на отца внимательными голубыми глазищами.

– Лохматый полуголый алкаш, который орал около беседки, что он отравил Алию – это Иван, её родной отец.

– Чего?!

Сашка привстал с кресла.

– Её отец?! Она же без отца....

– У всех людей есть отцы. Просто не все живущие приветствуют это явление.

Потребовались секунды, чтобы Глеб Никитин коротким взглядом и умоляющей улыбкой попросил у внимательной официантки Насти ещё кофе.

– Иван не простит себе смерти дочери. Сойдёт с ума, сопьётся, повесится на какой-нибудь ботанической яблоне через неделю.... Он и так спяну не может вспомнить, опрыскивал ли сегодня отравой сакуры или нет, сомневается, а стоит ему ненароком стаканью завалить, как он сразу же в полной уверенности, что сам убил единственную свою дочку, полезет в петлю. Я этого не хочу. Игорь – твой друг, Иван – мой. Нужна правда, которая бы их обоих успокоила и спасла.

Мы с тобой можем браться за дело и размышлять о нём в одном только случае – если это умышленная смерть и что Алия была кем-то сознательно отравлена. Все прочие медицинские аргументы – не про нас, мы в них ничего не смыслим и ничего не сможем доказывать. Берём только одну узкую версию и думаем.

– О чём?! Что мы знаем обо всём этом?

– Просто подумать тоже иногда полезно. У нас есть два дня. Думаю, что похороны будут не раньше понедельника. Так что, мой милый сын....

Глеб наклонился через стол к Сашке.

– В ближайшие сорок восемь часов по данному поводу не будет никаких уголовных инициатив, никаких вскрытий, официальных процессуальных действий и прочей суповой деятельности. Если мы сможем за это время разобраться в обстоятельствах и определить истинную причину смерти Алии, то крепко выручим двух, надеюсь, неплохих людей.

– А способы?

– Первый – думать, вспоминать. Ты, например, обязательно поподробней вспомни взаимоотношения Игоря и Алии, и то, как рыжий общался с Игорем в последнее время; что Алия говорила об этих обстоятельствах, даже в шутку, в вашей компании, ну, и всё остальное примерно так, в этом направлении. Завтра, часа в два, собери здесь своих. Самых верных и способных работать. Триноль вашу не приглашай, она, чувствуя, опохмеляться будет ещё неделю.

– А Игоря звать?

– Обязательно! Кстати, разберись ещё, кто из свадебной публики принёс в беседку постороннее шампанское? В лимузине, когда мы сюда ехали, я заметил с десяток неначатых

бутылку полусладкого... Ваш ведь напиток?

– Да, именно такое мы пили и у памятника, и на набережной...

– Вот. А в беседке после мероприятия осталась пустая бутылка «Брюта». Кто принёс людям дополнительную порцию шампанского при таком-то изобилии? Зачем? Кто его пил? Угощал ли им кто невесту? Эту бутылку, в пакете, я оставил в кабинете директора ботанического сада. Она её сохранит.

В попытке сосредоточиться на итогах разговора капитан Глеб нахмурил брови.

– Ну, думаю, на сегодня всё. Пospеши домой, отмечай свой юбилей окончательно. И ещё.... Про Ивана, про то, что он отец Алии, никому пока ни слова. Договорились?

Сашка кивнул.

– Тогда топай. Ещё раз – поздравляю!

– А ты сейчас чем займёшься?

Капитан Глеб Никитин иногда мог быть существенно кратким.

– Есть дела. До завтра. Если что – звони.

Последние пятнадцать минут его почему-то сильно занимала мысль о сложном и дорогом фотоаппарате, с самого утра направленном своим длинным объективом именно на далёкую и неинтересную в художественном смысле беседку ботанического сада.

А маленький фотограф вовсе и не грустил, не ждал капитана тире трепача, нетерпеливо прикладывая ладошку к глазам, всматриваясь в далёкие горизонты аллей!

Марьяна настолько увлеклась съёмкой, что по-настоящему вздрогнула, испуганно обернувшись на тихие и близкие шаги Глеба.

– Как привидение...

– Барабана с собой не прихватил, чтобы заранее предупредить о возвращении. Как дела? Как настроение?

– Отлично. После четырёх часов ветер окончательно стих, освещение вполне нормальное установилось, вот я сейчас и навёрстываю, эту съёмку мне нужно обязательно сегодня закончить, заказ срочный. А тут такое, внезапное....

– Извини. Чем помочь?

– Нет, спасибо, я скоро.

– Полчаса всего осталось до закрытия, справишься?

Не отрываясь от объектива, Марьяна в нетерпении махнула в сторону Глеба рукой.

– Не мешай...

За двадцать минут капитан Глеб Никитин спокойно обошёл по длинному прогулочному маршруту весь ботанический сад; по пути с тщанием стёр позаимствованной на кассе мокрой тряпочкой свой номер телефона, так решительно изображённый им фломастером на большом входном плакате; ещё раз внимательно, для памяти, осмотрел окрестности беседки; попил холодной воды из водопроводного крана.

Фотограф был готов.

– Пошли?

– Пошли. Давай твои сумки. Давай, давай, не сомневайся! И в первый раз ничего из вверенного мне имущества не похитил, а сейчас, когда нами уже столько совместно прожито, тем более не посмею убегать вдаль с твоей аппаратурой...

– Семь.

– Художника может обидеть каждый.

Так, понемногу разговаривая, капитан Глеб и фотограф Марьяна дошли до ворот.

– Такси?

– Нет! Слушай, если тебе не очень тяжело, давай немного прогуляемся? Ты меня вроде как проводишь, а я ноги разомну, а то затекли за целый-то день то сиденья, то стоянья...

– Хорошо. Тогда с тебя...

– Без условий!

— Только кофе, мэм, исключительно кофе. Всего лишь горячий, бодрящий напиток. В доброжелательной домашней обстановке. А?

— Восемь.

— Продолжай, продолжай.... А вдруг я в будущем стану великим человеком, а ты со мной сейчас вот так, пренебрежительно? Что тогда? Что скажут твои потомки?!

Устало улыбаясь, Марьяна молча показала Глебу две растопыренные ладошки.

— Неужели десять?! Сегодня я превзошёл себя! Всё. Теперь молчу. По крайней мере, попытаюсь.

Город постепенно остывал от дневной жары.

Хоть на всё ещё солнечных улицах и было по-прежнему зноно, но во многом: и в томном блеске больших магазинных витрин, в сильном запахе окончательно разогретого и уже начавшего остывать после полудня мягкого асфальта, в потемневшем густой синевой небе чувствовалось продвижение в центр города, с окраин, по теневым переулкам, вечерней прохлады.

— Подожди, не спеши. Красный.

На пустынном пешеходном переходе Глеб придержал Марьяну за руку. Она оглянулась по сторонам.

— Машин же нет?! Пошли!

Капитан Глеб промолчал.

— Пошли, упрямец!

Для пешеходов загорелся зелёный свет и только тогда Глеб, усмехнувшись, отпустил руку Марьяны.

— А вот теперь — пошли.

У фруктовой палатки, аккуратно заставленной рядами длинных дынь и предусмотрительно нарезанных огромных арбузов, немолодой торговец-узбек кормил хлебом присевших ему на руку голубей.

Капитан Глеб хмыкнул, покосившись на обиженно примолкнувшую Марьяну.

Кто-то из них должен был заговорить первым.

— ...Я никогда не суечусь на пешеходных переходах. Это мой принцип, обычное проявление самоуважения и уважение желаний других. Зелёный свет — это элементарное право городского человека, поэтому пользоваться этим правом нужно спокойно и, по возможности, с достоинством.

— Согласна. Только не дёргай меня больше за рукав, договорились?

— Замётано, коллега. Я понятливый.

И улыбалась она ловко и красиво, так же, как и бегала в своих минимальных шортиках по садовым аллеям. Сама взяла Глеба под руку, тихо вздохнула.

Они шли по предвечерним теням деревьев небыстро, всё чаще взаимно замолкая в своём лёгком, совсем необязательном разговоре.

Вместе, почти одновременно, заметили на противоположной стороне шумной улицы безногого человека, катившегося вдоль бордюра в небольшой инвалидной коляске. Мужчина прочно, одной загорелой рукой, держал за ошейник собаку, а та ходко тащила коляску по проезжей части дороги.

— Какая же она пыльная и худая....

— Согласен. Впервые я согласен уважать бультерьера.

— Это бультерьер?! И он так смиленно таскает инвалида?

— Конечно. Классная псина. Ты не устала?

— Немного.

— Взять такси?

— Да ну, ты что?! Меньше двух остановок уже осталось...

— Тогда — троллейбус.

Марьяна расхохоталась, вслед за Глебом заметив так вовремя распахнувшиеся в метре

от них двери электрического общественного транспорта.

– Ты же не знаешь, куда нужно ехать?!

– Прямо. Как учил Суворов.

Троллейбус мягко гудел на перекрёстках, в салоне было просторно, усталый пятничный народ не шумел, ничем особенно не возмущался. Марьяна села на свободное место, капитан Глеб остался стоять, поставив рядом с ней на сиденье сумки с аппаратурой.

– В детстве....

– Что, что, не расслышала, извини?

Глеб наклонился.

– Один мой знакомый, крайне творческий человек, на заре своей поэтической карьеры всерьёз собирался написать трактат «О запахах в троллейбусе».

– Ну и как, получилось?

– Не уверен. Уж очень он в те времена увлекался портвейном....

Троллейбус выгрузил их на тихой окраинной остановке, плавно уехал, а уже шагов через десять Марьяна кивнула на серую пятиэтажку.

– Мой дом.

– Твоя крепость?

– Не очень, конечно, крепкая, но зато надёжная. Другой нет.

«Как же она каждый день таскает в ботанический сад все эти сумки?! Килограммов семь, не меньше. И ведь ещё обратно...».

– Нормальный кофе в крепости есть? Или будем покупать?

– Будем. И кофе, и хлеб вчера закончились практически одновременно.

– Не запасливая хозяйка, что ли, мне попалась?

– Сам вредный.

Марьяна с удовольствием показала Глебу в ответ язык.

– И где же тут у вас магазин располагается?

– Направо...

– Это направление?

– Это приказ.

Пакет с продуктами донёс до дверей квартиры тоже капитан Глеб.

В прихожей Марьяна немного посуетилась, забежала вперёд Глеба в комнаты, чем-то там пошумела, вернулась, вытащила для него из шкафчика шлёпанцы.

Он осмотрелся.

– Уверен, что сегодня пить кофе с нами никто не будет. Правильно?

– Правильно. А я уверена, что, пока я принимаю душ, ты безо всяких дурацких выходок спокойно послушаешь в гостиной хорошую музыку. Правильно?

– Ну, хозяйка-то, может быть, у меня сегодня и не запасливая, но тактически грамотная.... Не волнуйся, милая Марьяна, действуй по своему плану. Музыка действительно хорошая?

– Не знаю твоего вкуса. Слушай. Оценивай.

В большом жёлтом халате Марьяна выглядела совсем девчонкой.

Пронзительные глаза, тонкая улыбка, мокрые выющиеся волосы.

– Всё, я вернулась!

– А я подготовил нам кофе.

Хозяйка ахнула, всплеснула руками.

– Так ты без спроса, безо всякого на то разрешения, бродил по моей девичьей кухне, трогал подаренные коллегами чашки и вазочки?!

– Исключительно чашки. Тебе с сахаром?

– Конечно! Это ведь только грубые моряки употребляют такой чудесный и тонкий напиток горяченным и горьким. А я – со вкусом...

– Ладно. Колбасу в виде бутербродов будешь?
– Ты что, и бутерброды успел уже приготовить?!
– Полуфабрикаты. Жить захочешь...

Лет тридцать, тридцать два...
Возможно, раньше была учительницей...
Умница. Несомненно.
И есть характер.

Через крохотный кухонный стол капитан Глеб Никитин, притворяясь, что кофе горяч даже для него, привыкшего ко всяким высокотемпературным напиткам, прищурившись, украдкой рассматривал Марьяну.

Та, ловко управляясь со столовыми ножами и эмалевыми чайными ложечками, то добавляла в бутерброды ароматное зелёное масло и кунжут, то отворачивалась по каким-то незначительным причинам от стола к настенным шкафчикам, то ставила на скатерть ещё какие-то дополнительные тарелки и, при всей этой разноплановой мелкой суете, совершенно осознанно давала возможность гостю-капитану спокойно рассматривать себя.

С молчаливым вопросом показала Глебу пыльцу чёрного перца на кончике ножа.

Тот отрицательно покачал головой.

Марьяна посыпала перцем свой бутерброд, с улыбкой облизнулась.

– Ну, кажется, кто-то здесь собирался пить кофе?
– За хозяйку!

Не было нетерпения – только одинаковое для каждого из двоих, удивительное в случайному совпадении ощущение правильности и ожидания близких, понятных и непременно счастливых минут.

Капитан Глеб ел бутерброды с сильным и аккуратным аппетитом.

Это был голод, но не жадность и не простая неуважительная спешка.

Кофе он отпивал из большой чашки глубокими глотками, жестко жевал хлеб и мясо, задумавшись о чём-то далёком, в молчании.

И теперь уже маленькая женщина Марьяна, забравшаяся на кухонный угловой диванчик с ногами, закрыв коленки своим большим пушистым халатом, имела возможность пристально-вежливо, как ей и хотелось уже давно, рассматривать своего гостя.

«Недавняя седина.... Жёсткие губы – бывает сердит. Голубые глаза, морщинки в уголках, точный, почти всегда холодный взгляд – жесток? Умеет смеяться – часто над собой. Умён. Много знает. Решительный.... Одет хорошо – способен выбирать для себя лучшее и прекрасно знает об этом...».

– У тебя что, контактные линзы такие, удивительно синие? Специально?
– Не, это природное. От родителей, наследие Средне-Русской возвышенности.

Вопрос Марьяны отвлек Глеба от размышлений.

Он одобрительно качнул в руке чашку.

– Кофе-то удался! А если сейчас хозяйка предложит мне ещё один свой волшебный бутерброд, то я с удовольствием распишусь в местной книге жалоб и предложений.

– С жалобой?

– Ага. На попытку гастрономического давления со стороны обвиняемой...

– Почему?

– Почему «почему»?

– Почему «обвиняемой»?

Красивая и добрая улыбка пропала.

С хмурой настороженностью Марьяна уставилась на капитана Глеба Никитина.

– Кто тут обвиняемая? И в чём? Я?!

– Не дуйся...

Глеб потянулся за приготовленным бутербродом.

– Понимаю, что многое в моих сегодняшних мыслях – бред, но я просто должен в ближайшее время многих людей неприятно спрашивать и получать от них примерно такие же ответы. Не сердись, прошу тебя...

Глеб положил ладонь на тоненькие прохладные пальчики Марьяны.

– Вся эта суeta в саду – не случайная. Невесту убили. Можешь мне не верить, но это так.

Как и всегда бывало в его жизни, Глеб Никитин к важному моменту объяснения с дорогим ему человеком уже знал, что именно он будет в эти минуты говорить, какие слова и аргументы ему нужно использовать в таком трудном, пока ещё полном взаимного недоверия, разговоре.

– Почему твоя вторая камера утром была направлена на беседку? Я убедился, что и штатив, и сам фотоаппарат были специально и прочно закреплены в этом положении. Что же такого интересного ожидала ты, профессиональный фотограф, от событий, которые очень скоро должны были произойти в беседке для свадебных церемоний?! Да погоди ты, не дёргайся...

Поджав губы в ожидании собственных близких слёз, Марьяна безуспешно пыталась освободить ладошку из крепкой руки Глеба.

– Я не утверждаю и не обзываю тебя. Просто спрашиваю. Просто ответь.

Свободной рукой Марьяна всё-таки вытерла мокрые глаза.

– Дурак.

– Знаю. Был готов к таким обозначениям. Просто ответь – и продолжим пить твой вкуснейший кофе.

Понять этого человека было трудно, но Марьяне очень хотелось.

– Дурак с полицейскими замашками...

– Считай, что я отвлёкся и ничего не слышал.

– Ладно. На сосне, ну, на той, огромной, что над самой беседкой нависает, молодая сойка весной свила гнездо. Я за ней несколько месяцев наблюдаю, фотографирую.... Договорилась о публикации с одним географическим журналом. Вот.

– Готов прямо сейчас – на колени.

С нежностью освобождённого от гнетущей обязанности совестливого человека капитан Глеб Никитин и в самом деле встал на колени около углового диванчика.

– Извини. Ну, пожалуйста.... Вопросов больше нет.

– Ладно.

Окончательно вытерев прозрачные слёзы, Марьяна легко потрепала капитана Глеба Никитина по лохматой голове.

– Почему-то верю...

– Потому что я хороший!

– Так ты меня весь день подозревал?!

– Ага.

Капитан Глеб с ожесточением впился белыми зубами в край очередного действительно вкусного бутерброда.

– Ты была первой в моём списке.

– Была? Или....

– Всё! Прекрати издеваться над энтузиастом детективного жанра!

– Хорошо. Но и ты тоже!

– Дай прожевать...

После кофе Глеб добровольно помог Марьяне вымыть чашки и тарелки, она же по привычке тщательно протёрла кухонный стол и пригласила гостя в гостиную, где он с удовольствием сел на диван перед молчаливым телевизором.

— Теперь ты — моя союзница.

— Погоди, не спеши быть таким уверенным. Расскажи, пожалуйста, если считаешь возможным, про свои сомнения подробней. Главное — зачем тебе это всё надо?! Эти расследования, расспросы, оскорблении?

— С интервалом в три часа — сыну и тебе. Примерно одно и то же.

Прежде чем начать давать подробные показания капитан Глеб Никитин задумчиво потёр кулаком свой уже шершавый с утра подбородок.

— Так. Первое — почему? Из-за того, что двум практически невиновным людям грозят серьёзные жизненные неприятности. Я этого не хочу, потому что считаю такое развитие событий неправильным и нечестным. Девочку Алию Германову убили, но это сделали не они! Её школьный друг и свидетель на свадьбе Игорь — разгильдяй и романтик, но не убийца. Её отец, о котором она так ничего толком и не успела узнать, — мой однокашник по мореходке Иван Германов. Слабак и неудачник. И тоже — не убийца, я уверен. Второе — зачем? Зачем?! А справедливость? А если из-за чьих-то неправильных и поверхностных выводов случатся ещё трагедии? Третье — почему я...?

— Да! Почему этими расследованиями занимаешься именно ты? Ах, ах, и ещё раз ах! Дамы в восторге! Государственные профессиональные сыщики, по твоему мнению, так убоги, что ни за что на свете не смогут разобраться в подобном изысканном деле? Или отважный дилетант Глеб Никитин считает себя умнее всех и поэтому так щедро разбрасывается обещаниями всё быстренько узнать и наказать виновных?! Бравада? Глупость? Если нет, то, что же это такое?!

Марьяна вскочила с диванчика, нервно бросилась в кухню к холодильнику, но, открыв его, сразу же бесполезно захлопнула, потом, кусая ноготь, опять встала в комнате рядом с Глебом, снова выскочила на кухню, налила в пустую чашку воды из-под крана и тут же вылила в раковину, вернулась, молча и хмуро уставилась в окно.

— Тапки.

— Что?!

— Тапки. Надень, пожалуйста, свои милые тапочки. Нехорошо стоять босыми ногами на холодном плиточном полу. Особенно худенькой женщине. Особенно — если она совсем недавно вышла из-под горячего душа.

Слова капитана Глеба Никитина были спокойными и убедительными.

Мгновения хватило, чтобы Марьяна всё поняла и расхохоталась.

А Глеб снова сел на уютный диван и, как ни в чём не бывало, продолжил свой так неожиданно прерванный монолог.

— ...Я и не пытаюсь обгонять профессионалов. Я просто всегда иду впереди них. Им, в отличие от меня, без приказа и без выслуги лет размышлять крайне неинтересно.

— А решать чьи-то судьбы без специальных знаний, без образования, без права совершать необходимые действия? Без опыта, наконец?! Неужели ты к этому готов?

— Искусство стороннего аналитика и проявляется как раз в том, что правилами игры не предусмотрено.

— Одиннадцать.

— Лучше ещё кофе.

— А не помрешь от такого-то изобилия?! Может чаю? Я умею готовить хороший чай.

— Убедила. Немногим это удаётся.

Пока Марьяна грохотала чем-то стеклянным на кухне, Глеб успел лениво полистать блестящий иллюстрированный журнал и ещё раз внимательно осмотрелся по сторонам.

— Ты давно уже фотографируешь птичек?

— Птичек — нет, а цветы и растения — лет пять, наверно.

Дисциплинированная, в тапках, расхаживая по тёмно-красному ковру, Марьяна принялась расставлять на журнальном столике красивые чашки, достала из шкафа две разные плитки шоколада, какую-то смешную пузатую бутылку.

— Я не ошибся, ожидая только чай?

– Расслабьтесь, больной. Всё произойдёт внезапно.

– Примерно так же, но не таким звонким голосом, пытался учить меня жизни мой первый боцман.

– Ужасное сравнение!

– В ближайшее время обязательно исправлюсь. А это нужно разливать прямо сейчас? Я ведь сладкие напитки как-то не очень...

Заметив, с каким сомнением капитан Глеб смотрит на винную бутылку, Марьяна пояснила:

– Ром. Три года как неоткрытый. Подарок.

– Р-р-романтическая особа... Тебе в чай?

– Ага, добавь. А ты можешь недолго побывать серьёзным?

– Конечно. Но зачем?!

– Давай выпьем...

Марьяна подняла на уровень глаз чашку со своим ромовым чаём, Глеб – до половины налитый широкий стакан.

– То, что никто нам не помешает разговаривать сейчас, – это гарантирую. Мой муж сейчас далеко и, надеюсь, так будет всегда.

– Если можно, попроще и поконкретней.

– Конкретней быть не может...

Марьяна опять подошла и встала у окна.

– Поженились мы студентами, по любви, оба работали поначалу в школе. Всё было нормально.... Друзья предложили ему вместе с ними заняться бизнесом, получилось весьма успешно. Он очень хотел нашего ребёнка, а потом – уже не просто хотел, а требовал! Я плакала, пыталась объяснять, почему это невозможно, он грубил, был уверен, что всё это выдумки, моя блажь.... Стали часто ссориться и по другим причинам, а год назад у него появилась другая семья. Он сам мне обо всём рассказал, просил только немного подождать с разводом – вроде есть какие-то временные формальности, связанные с обязательствами по бизнесу. Вот так...

Обернуться и посмотреть было трудно, но Марьяна всё-таки обернулась.

– Ч-чёрт! Ты что, всегда смеёшься в такие моменты?!

– Ну, во-первых, не смеюсь, а улыбаюсь.... Во-вторых – просто радуюсь.

– Чему радоваться-то??

– Тому, что никто, действительно, сегодня не придёт и не помешает нам пить такой вкусный чай.

– Трепач в квадрате! В кубе! Трепач на все времена!

– Это в тебе разыгралось уязвлённое самолюбие – ты-то так складно разговаривать не можешь.

– Зато выгнать смогу...

– Нет. Ты добрая. Поэтому я в безопасности.

Капитан Глеб задумчиво сосредоточился и в красивом порядке составил перед собой на журнальном столике стакан, чайную чашку и бутылку рома.

– А я – хороший.... Всё, всё! Только не кидайся твёрдыми предметами, – я больше так не буду! Честно. Лучше сядь, не стой в полный рост у окна, – будем спокойно пить чай. Расскажи-ка лучше про свои фотоувлечения. Это что, действительно стоящий заработок?

– Да, на удивление!

Марьяна с чашкой в руках аккуратно присела на краешек дивана.

– ...Поначалу я посыпала свои фотографии просто так, по знакомым, в режиме поболтать, как приятные темы общения, потом кто-то подсказал, что качественные фотографии можно продавать через интернет. Попробовала рассыпать по разным адресам – и почти сразу же поняла, что дилетантов со своими турецкими фотопечатлениями там миллионы! Да и всяческих смешных контор, которые специализируются на тупой

перепродаже фотографий, тоже хватает. Обманывают и авторов, и покупателей, нерегулярно платят, исчезают.... Я перебрала с десяток таких, потом нашла один фотобанк, наш, отечественный, попробовала с ними работать, – и вот уже несколько лет с только с ними и общаюсь.

– С нашей российской конторой?! И с документацией у них всё в порядке? А юридическое сопровождение? А право собственности? Авторское право?!

– Всё есть. Проходили. Постепенно, в процессе работы, я получала ответы на свои вопросы, научилась многому. Не считаю себя суперпродвинутым профессионалом, но кое-что интересное в этом деле придумать могу...

– А что именно?

– Поначалу-то я снимала всё подряд, всё, что казалось мне интересным. Выходные проводила в старом городе, искала сюжеты. Тратила почти всё свободное время на компьютерную обработку фотографий, на тщательные умные аннотации к ним, на пересылку, на ожидание, а результата не было. Примерно два года такой тягучей ерундой занималась.

– Это после..., после мужа?

– Да, после тех известий издалека. Тоска была тогда страшная. Никого видеть не хотелось, не то чтобы разговаривать.... Бродила с фотоаппаратом целыми днями по улицам, ныла иногда в подворотнях, от людей постоянно отворачивалась.... Потом как-то села здесь, на кухне, поговорить сама с собой, заварила себе чаёк и за минуту всё придумала.

– Что именно?

– Работу. Жизнь.

Уже совсем успокоившись, Марьяна удобней устроилась на диване.

– ....Мы с ним любили в летние выходные ходить в ботанический сад, брали с собой обязательно кофе, чай в термосах, чего-нибудь пожевать на целый день и, вот так, с утра до вечера, бродили по аллеям, я – рассматривала таблички на деревьях, что-то подильтантски, для себя, фотографировала, а муж читал, дремал где-нибудь на траве, в теньке.

Когда же потом пришло время что-то серьёзно решать, я и подумала, что мне по-настоящему нравятся только две жизненные вещи – процесс фотографирования и тишина этого ботанического сада. И почему бы не попробовать их объединить?!

Через считанные дни поняла, что передо мной – настоящее богатство!

Вместо того чтобы бессистемно пытаться делать фотографии всего, всех и обо всём, как и тысячи других самоучек, я сознательно сосредоточилась на одной узкой теме – на деревьях, цветах и растениях. В ботаническом саду – сотни редчайших растений, а я делаю каждый день тысячи снимков! У меня здесь нет конкурентов – я единственная, кто в нашем саду снимает всё это профессионально. А в интернете, на фотобанках, нас, таких чокнутых флористов, единицы! Не сразу, конечно, но и мои фотографии стали покупать! Через фотобанк их берут журналы, рекламные агентства, дизайн-студии, частные дизайнеры, даже некоторые раскрученные блогеры приобретают мои цветы для своих смешных нужд! За последний год на меня вышли представители трёх европейских агентств, ну, таких, экологических, природоохранных, просят редкие снимки, предлагают сотрудничество...

Я сама создала себе такую жизнь, сейчас я имею возможность делать то, что хочу и то, что приносит мне удовольствие!

Капитан Глеб медленно приподнял стакан и одобрительно покачал головой.

– Хорошо, хорошо, дорогая.... Я рад.

– Опять издеваешься?!

Марьяна топнула ногой и тут же ойкнула.

– Что, и этот чай всё ещё не остыл? Расплескала? Ай, ай, ай...

Глеб прищурился.

– Совсем не обязательно так горячо убеждать меня в очевидном. Для тебя такая ситуация важна и понятна, я её тоже понимаю, и действительно рад за тебя.

– Не смеёшься?

– Нет.

– Тогда ладно.... Хочешь, покажу мои фотографии?

– Конечно!

Ловко соскочив с дивана, придерживая полы жёлтого пушистого халата, Марьяна перебежала к письменному столу и включила компьютер с большим монитором.

– Садись сюда. За столом удобней.

Глеб уселся в кресло, Марьяна подтащила поближе к нему низенький круглый пufик.

– Та-ак, вот здесь.... Это такие, мои любимые, показательные, ну, о которых можно кому-то рассказывать...

Почти касаясь подбородком края стола, Марьяна принялась старательно и азартно двигать «мышкой».

– Вот, смотри. Это – молодые соцветия шалфея дубравного, а это – шалфей мускатный. У любого растения бывает такое громадное множество разновидностей! Ну вот, например, это – ароматное цветение шалфея лекарственного!

– Вижу. Подписи здесь вполне грамотные.

– Не груbi! А то не буду больше ничего объяснять!

– Молчу.

– Я снимаю цветы каждый день, начиная с весны, с первых же их ростков. Бывает так, что даже за один тёплый день некоторые из них вырастают вдвое! Или неожиданно начинают цвести! Представь – я точно знаю, что и в каких местах сада высаживают девчонки-практикантки, на какие растения нужно обращать внимание в первую очередь. Заказчики очень ценят серийные фотографии – это когда один объект подробно снят от ростка до цветка с интервалом в несколько часов. А, вот ещё, смотри, это цветок сон-травы в апреле. Красиво?

– Слышать много о такой траве приходилось, и читать, но никогда не видел. И неприметная ведь какая...

– А вот эта же сон-трава, только в середине мая! Видишь, уже не цветы, а сформировались семенные коробочки!

В нетерпении, увлёкшись, Марьяна вскочила с пufика и встала совсем рядом с креслом капитана Глеба. Горячее женское дыхание обжигало капитану плечо.

– Это из серии первоцветов, шафран весенний...

Буйные, абсолютно фантастические цвета крупных лепестков, радуги в каплях нежнейшей росы, подробные, огромные на большом компьютерном экране, крылья шмелей и глаза стрекоз действительно поражали.

Жизнь капитана Глеба Никитина почти с самого её начала была наполнена таким множеством странных и разнообразных событий, что он давно уже научился без вопросов получать ответы.

То, что он видел сейчас, было криком.

Радостным, свободным и... не очень счастливым.

– ...Редакции маленьких журналов для домохозяек давно уже берут у меня фотографии цветов, а в последнее время всё чаще просят присыпать ещё и короткие, на полстраницы, рассказики на эти же темы. Я знаю о цветах и растениях множество неожиданных подробностей, так что получается вполне сносно. Из одного журнала меня рекомендуют в другой, хвалят.... Тебе что, такая композиция не нравится?

Марьяна покосилась на Глеба, который, чем-то внезапно взволнованный, двинулся ближе к монитору.

– Молчи. Это что?

Неровный серый фон, кора какого-то дерева, скучно освещённая косым вечерним солнцем. И бабочка. Обыкновенная, чёрно-красная.

– Фотографировала года три назад.... Мне нравится, но никто пока не берёт. Это бабочка на стволе гинкго. Случайно сделала как-то снимок, уже собиралась уходить из сада, шла по аллее, отвлеклась. А что?

– Не продавай.

То, как эти слова были сказаны, и каким голосом, заставило Марьяну внимательней посмотреть гостю в лицо.

– Не продавай. Никому. Обещаешь?

– Да, конечно, если ты просишь...

Теперь уже Глеб встал из-за письменного стола, подошёл к окну, потянулся.

– Сыр-то ещё у нас остался?

Потом они ещё пили чай и ром, ели сыр и колбасу, смеялись над фотографиями грозных жуков и растерянных птиц, мастерски, с пронзительным вниманием сделанными когда-то Марьиной в таинственных зарослях любимого ботанического сада.

– Послушай, только не волнуйся, пожалуйста.... Скопируешь для меня фотографии беседки, которые ты делала в течение этого дня, ладно? И – свадебную фотосессию Максика. Сегодня они мне ещё пригодятся.

– Хорошо. Объём большой, перекину на внешний жёсткий диск.

– Умница. И цветы у тебя красивые, хорошо получаются, очень интересно про них рассказываешь. Честно, честно, не сомневайся!

Глеб положил ладонь на маленькую ладошку Марьины.

– А я вот про земную природу ничего подробно толком-то и не знаю, так, эпизодами....

– Уверена, что не всё так грустно. Ты же вроде как говорил, что специалист по облакам, да?

– О да, это моя стихия! По гидрометеорологии в мореходке имел только шикарные оценки! Никогда не боролся с собственным желанием угадать хорошую погоду, а облака очень в этих прогнозах помогают. Их латинские названия похожи на слова старинных песен, а поведение – на манеры женщин из различных слоёв общества.

– Неужели есть тучи-распутницы?! И предательская облачность?

– А как же! Неверные облака и обманчивые – это обязательно. Кстати, облака и облачность – две разные вещи. Собственно облака – это скопления взвешенных в атмосфере водяных капель, в случае образования водяных облаков, или же массы ледяных кристаллов, если это ледяные облака. Иногда капли и кристаллы смешиваются, тогда возникают смешанные облака. А облачность – это степень покрытия неба облаками, выраженная в баллах или в процентах.

– Круто! Теперь и я всё знаю!

– Почти.

Капитан Глеб покачал в стакане остатки рома.

– Сегодня с утра были перисто-кучевые облака, циррокумуллюс, и ты нервничала из-за своих фотографических перспектив. Нервничала же, печалилась?

Марьяна покорно согласилась, обозначив прошедшую печаль кивком головы.

– Затем в местной природе возникли перисто-кучевые, под названием стратокумуллюс, в виде крупных отдельных глыб и небо стало очищаться, всё чаще выпуская из-за этих облаков так необходимое тебе солнце. Было ведь такое?

– Было, было...

И опять последовал согласный поклон.

– Сейчас же мы имеем...

Не вставая из-за стола, капитан Глеб Никитин пристально, со значительным выражением лица, посмотрел в окно.

– Сейчас мы имеем слоисто-дождевые облака, или по-научному нимбус, обычно в скором времени дающие жидкие осадки. Так что весьма вероятно, что к вечеру станет пасмурно, и ночью пройдёт небольшой дождь. А вот с самого утра, к радости вашего фотографического высочества, опять случится солнце. Много, очень солнца и опять весь день будет жара. Устраивает вас такой расклад, мэм?

– Меня – да, а ты что завтра делать будешь?

– Думать, спрашивать, встречаться.

– Не очень-то и подробно.

– «...В повседневной жизни он чаще отшучивался, как бы тая силы и голос для главного». Это один поэт сказал о другом, уважая.

– Ладно, детектив-философ, завтра будет завтра, и ты со всеми проблемами справишься, я уверена. Лучше скажи, какое у тебя сейчас настроение?

– В своём обществе – прекрасное.

– Ты же прилетел к сыну на день рождения? Он что, студент, в этом городе учится?

– Не только. Он здесь учится, в этом же городе и живёт. И родился он здесь, а я в его компании провёл почти пятнадцать лет...

– Так ты местный?!

– Ага.

– Вот это да! И мы с тобой вместе, по улицам.... И не встречались.... Почему?

– Сначала ты была маленькой, а потом я долго ходил по морям. Не судьба.

– Плохая судьба!

Как Марьяна рассерженно топает по полу и при этом разливает себе на ноги горячий чай, капитан Глеб Никитин уже сегодня видел. И испуганный женский визг при этом тоже слышал.

– Осторожно, милая, не ропщи на судьбу. Бывает, она мстит мгновенно...

– Ну-у, трепач! Вместо того чтобы пожалеть, он ещё и обзывается.

– Да, действительно, вовремя не пособолезновать таким симпатичным ножкам – верх безрассудства, но...

Глеб смущённо потупился, перебирая край скатерти.

– Ты же ведь сама предупредила меня в начале вечера, что наша встреча будет проходить чинно, без выходок, только с тихой музыкой, вот я....

– Ладно, признаю, женщины тоже бывают непредусмотрительными...

Подняв к глазам капитана Глеба тоненький указательный пальчик, Марьяна, насколько её жест мог показаться не забавным, покачала им из стороны в сторону.

– И без выходок. Рассказывай про себя дальше...

– Слушаюсь!

Улыбаясь только выражением глаз, Глеб плотней уселся в кресле.

– Собственно, кого и когда считать местным.... Родился-то я не здесь, а в далёком и маленьком речном городке. Это уже потом, после окончания там школы, приехал сюда, в мореходку. И много лет жил в этом городе.

– А сейчас?

– Большую часть года живу везде. Но совсем рядом, на берегу этого же моря, у меня есть Дом. Купил его недавно, когда количество вещей и книг стало превышать объём моего старого чемодана.

– Один там живёшь?

– Да. Собаку ещё не завёл.

– А семья?

Почти спрятавшись за край стола на своём низеньком пуфике, Марьяна старательно рассматривала что-то мелкое, внезапно упавшее на пол.

– Ты это про мою бывшую жену?

– Ну-у...

– Да вылезай же ты оттуда! И не смущайся так явно. Спрашивай, о чём хочешь, я не обижусь.

Капитан Глеб Никитин и сам опустился под стол, встал коленом на ковёр рядом с хозяйкой, помогая ей в поисках.

– Да, мой Сашка живёт сейчас со своей мамой, моей бывшей женой. Да, я ушёл от неё сам, и решение было моё.

– Она виновата?

В сумраке подстольного пространства Глеб почесал затылок.

– Без комментариев.

– И не женился после?

– Нет.

– Почему?

– А зачем? Лучше её не находил.

– Значит, все другие были хуже?

– Нет, они были такими же... Ладно всё, подъём, шахтёрские дети.

Глеб поднялся на ноги, протянув руку, помог встать и Марьяне.

– Уверен, что сидя в креслах, мы будем производить друг на друга более солидное впечатление. Да и вообще...

Они улыбнулись одновременно и очень похоже.

– Я не сторонник утверждения, что старые ботинки ещё могут долго прослужить, если не покупать новые.

– Да-адно, не обижайся.... А про работу можно спросить? С морями, я понимаю, ты, как выражаются люди твоей профессии, завязал? Правильно? А чем зарабатываешь сейчас себе на жизнь, на развлечения, на самолёты?

– Я разговариваю с людьми.

– Просто так??!

– Когда эта беседа интересна только моему собеседнику – то за деньги.

Взгляд Марьяны был настолько растерянным, что капитан Глеб расхохотался.

– Не, я совсем не сумасшедший, поэтому не жди сегодня с моей стороны ужасных неприятностей! Всё просто....

Глеб уже приготовился подробно объяснять, но вдруг стукнул ладонью по столу.

– Послушай, дай-ка мне ещё кофе! Чай вкусный, но это не мой национальный напиток.

– Хорошо.

Очевидно, что последние слова Глеба произвели на Марьяну настолько сильное впечатление, что она подготовила кофе и для себя.

– ...Жизненных впечатлений, знаний и прочных знакомств накопилось достаточно, чтобы опыт позволил мне размышлять. Свободного времени у меня много, поэтому зачастую думается хорошо и продуктивно. Как оказалось, я иногда умею убедить разных людей в том, что им чрезвычайно выгодно совершить то или иное действие. Поводы бывают разные. Чьё-то просьба, собственные мысли, случайная информация.... Часто возникают проекты, в которых я бываю полезным и как переговорщик, знающий обе стороны процесса, и как инициатор каких-то выгодных для них действий, и просто как человек, имеющий определённый жизненный опыт и репутацию. Я говорю – меня слушают. Если в результате моих действий случается успешный бизнес или какая-то конкретная сделка, то в результате этого я имею деньги.

– Много?

За большой чашкой внимательных глаз Марьяны почти не было видно, но Глеб знал, что это совсем не корыстное внимание, поэтому улыбнулся.

– Мне хватает и на жизнь, и на развлечения, и на самолёты.

– Неужели больше, чем прежний капитанский заработок??!

– Гораздо. Плюс свобода. А это неплохой бонус, уверяю тебя, милая Марьяна. Потянувшись в детстве за иллюзиями морской романтики, я рано познакомился с такой страшной вещью, как вынужденное подчинение обстоятельствам....

В первом же заграничном рейсе мне, молодому штурманёнку, показался весьма забавным обычай некоторых опытных моряков готовить для себя самодельные календарики. Кусок белой картонки расчерчивался на сто восемьдесят клеточек, в расчёте на шесть месяцев предстоящего рейса, мы крепили их над своими койками, в изголовье, а в конце дня, перед сном, каждый из нас, механик, матрос или боцман, по-своему, с удовольствием или с тоской, зачёркивал прожитый день жирным крестом. Мы сами, сознательно, сажали свою свободу за решётку! И искренне думали, что совершаём подвиг, ежедневно, по кирпичику,

разрушая наши личные тюрьмы.

– Но ведь было же, наверно, интересно? Дальние страны, разные люди...?

– Да, в те морские времена я встретил в Африке много рассветов. Конечно, была шикарная экзотика, было интересно. А сейчас для меня нет дальних стран. «Дальних» – от чего или от кого? В последние свободные годы я сам, по собственной воле, частенько удаляюсь от Африки, изредка живу ближе к стране Канаде, чем к континенту Австралии. Иногда – наоборот.

– И что же самое необычное там?

– За экватором? Многое наоборот. Даже растущая Луна – рожками вниз.

Не обращая внимания на свой стремительно остывающий кофе, капитан Глеб Никитин задумался.

– ...Однажды вечером, в нескольких милях от Дакара, на моей вахте, с берега внезапно донёсся сильный цветочный запах. Через морось мелкого дождика еле виднелась далёкая цепочка береговых огней, дул сильный ветер. И вдруг этот прянный аромат сменился запахом ольхового леса, очень острый, с детства знакомым! Закрыть глаза, не видя огней, – наша русская осень! Но тогда это было всего лишь началом тропического марта...

Марьяна слушала внимательно, нахмурившись, изредка, и как ей казалось, незаметно, вытирая ладошкой глаза и при этом строго посматривая на Глеба.

– Тебя бы туда, фотограф.... Сколько раз я жалел, что нет возможности надолго, для других, запоминать красоту тех цветов, какие мне случалось видеть в тропиках! На песчаных берегах, когда выпадала возможность спустить шлюпку, нас встречали или буйные заросли красной бугенвиллеи, или тысячи скромных, совсем не таких ярких, но крепких и мускулистых суккулентов. Рассказывать, конечно, можно, и долго, и подробно, но как передать другому человеку пронзительный звон крохотного синего цветка, который я, один из всего экипажа, успел мельком увидеть за бортом, в океане, в сотне миль от устья Конго! Мы шли самым полным, спешили до ночи перейти в новый промрайон, а тут, на встречной зыби, – пучки жёлтой травы, какие-то ветки, вынесенные гигантской рекой и недавними тропическими ливнями. А на одном травяном островке – тот самый африканский василёк, или как его там, не знаю.... Нежный, маленький – и навсегда за кормой.

– Ты любишь васильки?

– Да. Но не орхидеи.

– Ну, ведь дослужился же ты до заслуженного капитана, так плавал бы себе с успехом и дальше, а в отпусках спокойно бы здесь за подсолновиками ходил, а?

– Время. Время, милая Марьяна.... Жизненного времени каждому из нас отпущено, как солдату патронов. По счёту. И старшина никогда не принесет из тыла ещё.... Делать то, с чем успешноправляются тысячи других людей, – мне скучно. Попытаться именно в эту минуту быть единственным нужным для кого-то далёкого, незнакомого, или наоборот, близкого, родного; кто в опасности, кто нуждается в помощи, в совете, именно во мне, – так я хочу жить!

– Получается?

– Не мне судить. Но многие люди по-доброму улыбаются, ещё раз встречаясь со мной.

– То есть, ты считаешь, что в море ходить неинтересно?

Капитан Глеб Никитин умел отмечать разницу между упрямством и упорством. И мог легко прощать, если достойный человек в разговоре с ним сознательно стремился быть упрямым. Сейчас он видел, что Марьяна как раз и пытается его разозлить.

– Интересно. Если при этом у человека нет других занимательных вариантов. Я и сам до определённого времени считал, что моя штурманская работа – верх совершенства, предел мечтаний, пока обстоятельства однажды весьма обидно не шлёпнули меня по макушке.

– Тебя?! Шлёпнули? Такого великого и ужасного??

– В те годы – ещё не такого. Тогда я был смешным, задорным и самоуверенным щенком....

После первого же своего самостоятельного заграничного рейса я, штурман в возрасте

почти двадцати лет, приехал на отдых домой. Мама, одноклассники, родной провинциальный городок, знакомые девчонки – и я, вернувшийся почти с Таити.

В первые же выходные мы поехали на пригородную дачку к школьному другу, его отец-фрезеровщик купил когда-то за городом участок для всей семьи. Покопался я вместе с простыми тружениками в земле, что-то мы сделали в доме, приколотили какую-то дверь, скоро подъехали их дальние родственники, ну, и сели всем коллективом обедать. На меня все восхищённо смотрели, спрашивали про далёкие моря, я был горд тем, что являюсь таким замечательным моряком, и прочее, прочее.... Скоро кто-то из присутствующих задал мне вопрос по заграничной теме, я подхватился и привычно понёс.... Но чувствую, что-то не то. Заливаюсь ещё ярче, с картинками: Дакар, Ангола, Сенегал, негры и так далее, то есть кручу свой красивый, но небогатый, состоящий пока всего лишь из двух африканских стран, репертуар. Ну, именно тот минимум, какой получился у нас в этом, первом для меня, рейсе. Смотрю, через стол мужик один, родственник школьного друга, симпатичный, статный, лет под тридцать, простой работяга с завода, всё в мою сторону как-то странно посматривает. Слушает меня скромно так, слушает.... Ну, а потом, возьми и ахни сам.... И понёс перечислять. Оказывается он, слесарь-сборщик пятого разряда, через заводскую самодеятельность со своим ансамблем народного танца успел уже полмира объездить, гораздо больше меня государств видел! В десятках стран побывал! И молчал. И все присутствующие об этом знали. А я-то перед ними, обычновенными добрыми людьми, всё петушком, да петушком.... Было очень стыдно.

– Хочешь сказать, что сейчас ты стал гораздо объективнее?

– Опытнее. И старше. Могу вот, например, на твою неуважительную назойливость так вежливо ответить, что зарыдаешь.

– Ох, же ты?! А почему сдерживаешься?

– Говорю же – опытнее стал. Людей жалею.

– Ладно, я тоже успела понять, что ты не просто хвастаешься, а...

– Тогда – мир?

– Мир.

С заботой, но, не придумав пока никакого дополнительного угощения, Марьяна отнесла на кухню тарелки, помыла кофейные и чайные чашки. Звонко крикнула оттуда в комнату:

– Сыр ещё будешь?

– Только если с ромом. Неси.

Они оба, и Марьяна, и Глеб одинаково чувствовали, что сказано ими в этот день было уже много, даже слишком, но никто из них не произнёс ещё главные слова.

– Ты говорил, что у тебя есть дом на побережье? А где это?

– Километров триста отсюда, в северную сторону. Иногда, если что-то срочное, я оттуда к сыну до обеда добираюсь.

– И твой дом остаётся тогда скучать без тебя?

– Да спрашивай ты прямо, не лукавь! Я же тебя насквозь вижу. Отвечаю честно: женщин в моём Доме нет. Хотя...

– Ага! Хотя?!

– Дослушай.

Ром обычно развязывает языки. Но не Глебу Никитину и не при таких незначительных обстоятельствах. Хотя...

– В моём Доме периодически бывает славная женщина – Наталья Павловна, мой единственный и весьма преданный сотрудник. Когда-то мы уговорились, что она поможет мне разбираться с деловыми бумагами, с переводами документов, с почтой и звонками. Я мотаюсь по миру часто и бессистемно и, не будь у меня такого великолепного помощника, как Наталья Павловна, мой Дом очень скоро погряз бы в бумажном хаосе.

– Она хоть красивая?

Даже не крепкий напиток ром, а просто хорошее настроение заставляло капитана Глеба

Никитина хохотать, наблюдая над немного покрасневшей Марьиной.

– Очень! Очень!!! Неужели ты думаешь, что такое долгое время и так близко со мной может существовать блеклая женщина?! Но она замужем и верная жена! Муж – военный, майор, у них двое очаровательных детей и старенькая мама. Утром, в саду, я не случайно спрашивал тебя про жёлтые тюльпаны – это любимые цветы Натальи Павловны, она ценит, когда я возвращаюсь к ней и в мой Дом именно с такими тюльпанами.

– То есть, про существование женщин ты в своих идеалистических жизненных метаниях-исканиях не забыл?

– Первый раз я женился давно, но всё ещё любопытен.... И при этом до сих пор верю в чудеса.

– Разве они есть?!

– Непременно. В моём личном архиве – масса примеров.

– Например?

– Обожаю любопытствующих женщин. Слушай.

Выждав нужное мгновение, капитан Глеб со значением поднял ладонь, призывая публику к вниманию.

– Когда беспорядочное количество прочитанных мною книг перешло из категории «много» в категорию «очень, очень много», я стал обращать пристальное внимание на странные совпадения, периодически случавшиеся в моей жизни. И, хотя уже и тогда я не придавал им характер каких-то божественных знамений, до сих пор таким фактам удивляюсь. Быть может, это и есть потребность необычайного.

Однажды случилось так, что нас, меня и мою жену, угораздило одновременно попасть в больницу. По разным, естественно, поводам, с разными диагнозами и в разных городах. Произошло это в день рождения жены, 29 июня. Я был тогда заперт в местном инфекционном отделении, лежал под охраной, выздоравливал, но окончательно выбраться оттуда никак не мог, дозвониться до далёкого чужого города, тем более, до другой больницы в те времена было невозможной фантасмагорией. Знал, что жена нервничает, переживает из-за того, что её день рождения, её праздник никак не выделен мной из обычной сути. Я чувствовал, что виноват перед ней, пытался успокоить себя, как-то оправдаться, что-то придумать, потому знал и то, как она с первых же мгновений нашей совместной жизни привыкла верить в мои уже тогда феноменальные организаторские способности, но...

Освободить меня врачи обещали только на следующий день, с утра сын с бабушкой приходили под окна моей больницы проведать папу-зятя. Стало ещё горше – я-то здесь, с родными, а она, бедная, там, маётся...

После обеда я тайком, в спешке, в больничном халате, сбежал в город, в знакомую библиотеку. Хотел взять с собой, в свою одиночную палату, чего-нибудь почитать на вечер. Уставший от жары и слабости, я бесцельно бродил около книжных полок, мне было всё равно, что брать, пришлось кое-как пересилить себя и выстроить знакомую цепочку предпочтений: Грин, Лондон, Конецкий, Конрад.... Ну?! На полке перед самым моим носом стояла большая синяя книга: «Планета людей» Антуан де Сент-Экзюпери. Странно, но впервые в жизни я собрался читать этого автора.

Вскоре, так же тайно вернувшись в свою угрюмую больницу, я почти без сил упал на измятую койку и начал с предисловия: «Антуан-Мари-Роже де Сент-Экзюпери родился 29 июня...».

Вот такие совпадения и есть чудо.

– Согласна. За это надо выпить.

– Выпьем, обязательно. И после этого я поеду к себе в гостиницу.

– В гостиницу?!

Растерянность обиженного ребёнка.

Но ведь – женщина!

Стройная, маленькая, в пушистом жёлтом халате.

Капитан Глеб Никитин ласково взял Марьину за плечи, увидел такие влажные, почти

родные глаза, ощущал тонкий трепет горячего тела.

– Уверен, что сегодняшний день был для тебя очень трудным и сложным, ты слишком устала, чтобы продолжать нашу чайную церемонию. Да и мне ещё нужно кое-чем заняться. Так что до завтра, милая. Встретимся в саду.

И с нежностью поцеловал ту, которая так этого ждала.

...Отшумел за окнами пятиэтажки поздневечерний поток машин, прогрохотал где-то поблизости богатый мягким рокотом мотоцикл, вскоре почти так же несвоевременно отозвался за городом самолёт, последним рейсом прибывший из столицы.

В темноте комнаты Марьяна сквозь слёзы смеялась, в десятый, наверно, раз переворачивая под головой смятую подушку.

Не спалось.

«Кофе, крепкий...».

В эту странную ночь она, несколько раз попытавшись серьёзно рассердиться на себя за бессонницу, изо всех сил старалась ни о чём не думать. Да и не думалось вроде особенно-то, почти засыпалось, но всё равно где-то близко, в нарушенном последними событиями её обычно спокойном жизненном сознании мелькали корабли, моряки, васильки и злые африканские крокодилы.

С нежностью проклиная самоуверенного капитана, Марьяна долго ещё ворочалась в своих горячих простынях и заснула только тогда, когда по жестянке подоконника застучал мелкий равномерный дождик.

Последнее, о чём она почти не подумала, было: «...Нимбус или кумуллюс?».

И ещё чашка кофе.

Совсем маленькая.

Крепкий «эспрессо» в ночном гостиничном баре был так же великолепен, как и необходим.

Поднявшись в свой номер Глеб, не поленившись, быстро принял холодный душ, широко открыл окно. Прохлада начавшегося дождя помогла сосредоточиться.

«Девчонку отравили. Факт. Санитары в беседке кричали, что промывать поздно, – точно, о таком медики в первую очередь думают при отравлении. И про хлоргидрат тоже там что-то было.... Это уже против судорог применяют. И тошнота, сам видел...

Зачем?

Не случайность – такого серьёзного яда даже в бидоне у Ваньки быть не могло. Меньше, чем за час погасла.... Мать говорит, что Алия весь день ничего не ела, но ведь до разговора в беседке она же себя великолепно чувствовала?! Смеялась, целовалась.... Когда ей подсунули отраву? Кто? В чём...?

Если придумано заранее, то и исполнено профессионально. Но почему именно сегодня, почему в день её свадьбы?».

Глеб поднялся из кресла, поправил почти просохшую простыню на поясе, босиком прошёл по ковру к раскрытыму ночному окну. С высоты двенадцатого этажа было прекрасно видно, как не очень большой город продолжает жить в самом конце своей жаркой летней пятницы. Куда-то ещё мчались, дёргаясь на перекрёстках огоньками, автомобили, сливались в просторные светлые пятна большие окна и витрины каких-тоочных заведений.

Капитан Глеб Никитин крепко прикусил палец.

«Вопросы, вопросы.... Ну что ж, попробуем поискать ответы».

Компьютер во всём был ему привычен, и яркость монитора в темноте воодушевляла намёком на пока ещё прячущуюся где-то внутри точную информацию.

На пристальных фотографиях, сделанных Марьянной, кроме пустой утренней беседки, действительно, были только сосна, только красивая птица сойка и только аккуратные ветки сойкиного гнезда.

«Ладно, а теперь долгожданный фотомастер Максик, с вещами на выход....».

Работу свою свадебный фотограф выполнил на совесть. Сотни три снимков, черновых, дублирующих и просто очень красивых и профессионально выполненных открылись не сразу, но Глеб и не спешил.

Выражения лиц.

Первые фотографии, сделанные утром на набережных и за городом, он просмотрел тщательно, но совсем не с таким вниманием, с каким принялся изучать тему свадьбы, торжественно прибывшей в ботанический сад.

Невеста, Алия, спокойная, статная, улыбчивая.

На протяжении всех событий, уместившихся в половину жаркого дня и в сотни фотографий, Алия нисколько не изменилась выражением удивительно точного, радостного, но без излишнего волнения, лица; видно было, что к моменту приезда в сад она совсем не устала, значительно не нервничала, ни на одном из снимков не было даже заметно её случайного раздражения, досады или напряжения.

А рыжий был всё время рад!

Жених охотно целовал невесту, роскошно хохотал, при каждом удобном случае ему пожимали руку друзья, трогали за пиджачные рукава различные пожилые тётушки, на нескольких фотографиях было отчётливо видно, как две или три девчонки из знакомых гостей бросались обнимать его, поздравляя, а рыжий с довольной улыбкой охотно в таких компаниях позировал.

Стоп! Вернуться...

Первое открытое в саду шампанское, пена, брызги вверх, в стороны, на снимках – ещё виден край решётки входных ворот, весёлый мальчишка-студент в розовой рубашке, наклонив бутылку, разливает по пластиковым стаканчикам, остальная молодёжь смеётся...

Следующий снимок – трое парней мужественно застыли с открытыми бутылками, возле них хохочущие девушки держат стаканчики и небольшие бутерброды, а на заднем плане весёлый розовый студент уже с серьёзным лицом отвернулся и что-то достаёт из пакета...

Дальше.

Вот. Вот! Есть.

Лица двух девушек, крупно, портретно, с деталями макияжа, с правильным освещением причёсок, они явно позируют, Максик наверняка предупредил их о таком постановочном снимке. Красиво. С краю, у деревьев, чьё-то почти незаметное мужское плечо, мелькнувший край полосатого платья, розовой рукав... Кто-то держит бутылку шампанского с совсем другой этикеткой! Кто?!

Розовый весельчак стоит перед двумя взрослыми женщинами с новой бутылкой, одна из них – Мария Владимировна, другая – немного помладше, но, всё равно в возрасте, паренёк наливает им вина.

А вот сейчас – детали, крупно! Крупнее...

Действительно, шампанское, «Брют».

Ни на какой из последующих фотографий такой бутылки больше не было.

Капитан Глеб быстро пролистал всё до конца, но напрасно. Весёлый паренёк, естественно, ещё много раз попадал в кадр, пил другое шампанское с друзьями, смеялся, его приметная розовая рубашка часто мелькала и при съёмках на деревянном мостице, и в розарии, и в беседке, а вот такой непривычной бутылки, какая всего лишь однажды появилась в его руках, нигде уже не было видно.

«И этот жизнерадостный пупсик – убийца?!».

...С почти постоянной нежностью, часто криво и незаметно нехорошо улыбаясь, смотрел на уже совсем не свою Алию свидетель Игорь. По тем позам, в которых его в очередной раз заставало назойливое внимание фотографа, легко угадывалось нетерпеливое раздражение ситуацией.

Игорь, конечно же, славно вёл себя в компании жениха и невесты, высоко поднимал шампанское, радовался вместе со всеми; размахивая руками, призывал свадебную компанию

веселиться и поздравлять Алию и рыжего, возможно даже это он, по долгу положения, кричал в такие моменты «Горько!», но при этом на многих эпизодических снимках жаркое тусклое солнце слишком часто блестело в стёклах его круглых очков, превращая их в сверкающие отверстия, а самого парня – в страшно хохочущего слепца.

…На фотографиях было ещё несколько неодобрительных взглядов в сторону жениха и невесты толстой нервной тёти в красном, было и грозное маразматическое внимание к свадебному веселью какого-то старика с седыми усами, кто-то нарочно тыкал пальцем в кадр, желая испортить настроение тщательно подготовившейся к фотографированию бледной родственнице, были казусы и случаи, но ничего похожего на подготовку или совершение преступления, капитан Глеб Никитин больше не заметил.

Свидетельница невесты, почему-то в чёрно-блестящем платье..., держит Алию под руку..., о чём-то они, смеясь, оживлённо говорят. Невеста – светлая лицом, свидетельница – с нарочито тёмным макияжем: мрачные тени на глазах, густо-красная помада....

«Имидж, не иначе. Как звать-то её, Триноль? Да, кажется так».

Растерянный взгляд свидетельницы после обморока невесты, а вот Триноль вытирает руки бумажной салфеткой.... Один из последних, случайных, снимков фотосессии Максика, сделанных, очевидно, уже в суете и в панике наступивших событий – безумные глаза свидетельницы, Триноль крепко зажимает себе ладонью рот, размазывая по щеке трагическую помаду....

«Ладно, всё, это всего лишь эмоции. Усталость. Пора переходить в иное состояние».

Капитан Глеб Никитин не любил, когда им пытались командовать или заставляли его что-либо делать, не приветствовал также и свои распоряжения собственному организму. Он просто думал о том, что же такого хорошего неплохо было бы сделать для себя в данную минуту.

Он даже не успел заметить, когда закончился за окном короткий дождик, как понемногу просохлиочные тротуары, и на город опять опустилась тяжёлая духота.

При этом капитан Глеб ничуть ни на что не отвлекался и не был взмолнован.

Он просто спал.

Суббота. День второй

Имея сложную и богатую интересными событиями жизнь, капитан Глеб Никитин доверял только фактам. Собственные наблюдения, эмоции, версии и гипотезы он уважал и ценил, но верил – исключительно фактам.

Семь часов на циферблате – факт; именно в это время он проснулся – несомненный факт; на улице было прохладно – это тоже являлось фактом, даже приятным, поэтому Глеб и решил для начала попробовать передвигаться по утреннему городу пешком.

Главное в старте потенциально трудного дня – постараться не думать ни о чём важном. Можно смотреть по сторонам, наблюдать за вознёй воробышками под придорожными кустами, вслушиваться в музыку дальних церковных колоколов, честно восхищаться аккуратными домашними цветами в доверчиво раскрытых окнах, молча осуждать дерзкие и неприличные рисунки на скверно оштукатуренных стенах близких домов, но только не думать о беде, которая уже произошла. Или может ещё произойти.

Обычно Глебу это помогало.

Решение обязательно обнаружится.

Он чётко знал, как такое с ним происходит.

Иногда его взгляд рассеянно останавливался на заброшенном кем-то на провода уличного освещения стоптанным башмаке, или же он морщился, оборачиваясь на несвязный крик пьяного и грязного велосипедиста на перекрёстке, и тут же, вне связи с происходящим вокруг, приходила, проскачивала, вонзилась куда-то в голову острыя нужная мысль.

Нужно было просто ждать.

Смотреть по сторонам.

Улыбаться по-утреннему добрым и симпатичным людям.

Дышать прохладой про запас.

Навстречу Глебу шла женщина. Не старая, но и не молодая, в коротком платье, с некрасивыми руками и прекрасным выражением умных лукомастых глаз.

В цветном полиэтиленовом пакете женщина несла чёрного кудрявого щенка. Щенок был мал, весел, стоял в пакете по пояс, передние лапы он положил на край, а мордочку высунул на волю.

Заметив шагающего капитана Глеба, щенок так приветливо гавкнул в его сторону, что Глеб пожалел, что не может на общем языке ответить учтивому собачьему ребёнку.

Любое его размышление складывалось из посторонних деталей.

И он ждал. Шёл по улицам и ждал.

Город был по-субботнему тих, из некоторых дворов доносилось удивительно одинаковое ширканье по асфальту мётел дворников, в зелёной тени одной из пятиэтажек, около дверей продуктового магазина нерешительно замерли три нелепые багроволицые фигуры; а рядом, под качелями, пожилой узбекский человечек в оранжевой спецовке и в строительной каске набирал в блестящее ведро песок из детской песочницы.

Почти у всех субботних людей в глазах – предстоящее свершение дел.

Кого-то послали на рынок, и он наверняка обещал в семье, что умеет выбирать и обязательно купит самое лучшее и свежее.

Другого мужчину, по всему видно, с вечера пригласили в долгожданные гости и сейчас он, важничая дыханием, торопится, скорее всего, за дорогими цветами.

Третий, выскочив из подъезда с ключами, бежит к себе в гараж – шашлыки для сегодняшней загородной прогулки уже готовы с рассвета.

Не скоро, а вовремя капитан Глеб Никитин вышел к городской реке.

На просторных бетонных парапетах редко светились пластиком разноцветные тонкие удлища, около снастей молчаливо ожидали счастья их владельцы. У эстакадного моста, рядом с компанией пожилых рыболовов, уютно расположившихся вокруг большого термоса и расстеленной газеты с продуктами, стояли два больших чёрных автомобиля. Пенсионеры гоготали, с удовольствием наблюдая, как четверо молодых парней, без пиджаков, в белых рубашках, в галстуках, с увлечением машут одолженными у них на время удочками и не совсем правильно забрасывают поплавки в близкую воду реки.

Река начинала блестеть поднимающимся сильным солнцем.

Неподалёку по пустынному тротуару неспешно шли двое – мужчина и женщина. Простые, обыкновенные, каждому около сорока, может быть, даже немного больше. Невысокие, неказистые. Он – в пиджачке, она – в обыденном, непраздничном платье, держатся за руки. И было видно по их глазам, по их счастью и тихому заслуженному спокойствию, что при случае он за неё убьёт. Без соплей, без дальнейших криков в социальных сетях, без комментариев и оправданий. Просто убьёт, за такую близкую, немодную, круголицую....

Солнцу стало жарко, и оно спряталось за облако.

В просторную ямку на асфальте, где с ночи осталась немного дождевой воды, сознательно точно спланировал голубь. Встал, утопив в глубине лужицы успевшие нагреться за утро розовые лапки.

«Шасси охлаждает...».

Действительно, ожидаемый зной двинулся в город неоправданно рано.

На солнцепёке уже пахло горячим асфальтом, от фонарных уличных столбов шёл жар близкого раскаленного металла.

У продавца собственных ягод, цветов и огурцов, смешного деда-огородника, разложившегося со своими богатствами на тесном пространстве остановки общественного транспорта, возникли проблемы с увядающим на глазах товаром. Сосредоточенный дед,

торопливо озираясь по сторонам, то и дело набирал в рот воду из пластиковой бутылки, и шумно прысал ею на привядшие за утро мохнатые пионы.

Действительно, приятность рассветной прохлады пропала.

Именно по этой причине капитан Глеб Никитин прекратил свою пешую прогулку и сел в автобус.

«А ведь нашу невесту могли отравить совсем не аптекарским ядом...».

Без прямого солнца и с открытыми настежь боковыми окнами и верхними люками в стареньком, иностранном по происхождению, городском автобусе было тоже хорошо.

Немногие люди позволяли себе в это субботнее утро куда-то спешить, поэтому в салоне всё ещё наблюдался тихий покой.

Над кабиной водителя светились, в дисциплинированном порядке сменяя друг другу, крупные прямоугольные цифры электронных часов.

«История России...».

Капитан Глеб Никитин старался всегда стоять в автобусах и трамваях.

Даже если была возможность устроиться на свободное место.

Даже если имелась усталость.

Электроника показала 10.10.

«В этом году был основан город Ярославль...».

После очередной остановки зашипели, закрываясь, автобусные двери и на часах стало 10.15.

«Только что умер князь Владимир...».

Через несколько перекрёстков и два светофора, в 10.22, какой-то знаменитый русский князь окончательно победил какого-то великого татарского хана...

Невинная игра развлекала. И отвлекла.

К водительской кабине по салону подошла, переваливаясь на стоптанных босоножках, утомлённая кондукторша.

– Ну и жарища же сегодня будет...! Деньги у всех мокрые! Не могли сегодня на линию сто пятый выпустить? А мне что, больше всех надо?!

– Да не плачь ты...!

Бурый от загара водитель деловито вытер локтем мокрый от пота лоб и выкинул в окно недокуренную сигарету.

– Пора бы уже привыкнуть, что по субботам все новые машины начальство на экскурсии с туристами отправляет!

На городских остановках люди входили по одному, по двое, выходили так же немногочисленно, поэтому через минут пятнадцать атмосфера в автобусе стала по-родственному уютной.

Всем было хорошо, только в конце салона какая-то серьёзная бабка ненадолго обиделась на мутно-похмельного типа, слишком громко бурчавшего себе под нос что-то несуразное и неприличное.

– Дурак ты какой!

Мужик замолк, но на излёте весёлости всё-таки лихо смог ответить.

– Дураки, бабуля, не поют...

И продолжил, пристально глядя ей в глаза:

– Эх, ёк-макарёк, полезли на полати!

Сидящий совсем рядом с Глебом тощий мужчина настойчиво читал взрослому, очень схожему с ним внешне, парню, важную журнальную статью, и возмущение его при этом было огромно, хотя очкастый сын и зевал, невнимательно слушая своего умного отца.

– Шестнадцать тысяч слонов убивают только в Кении! Представляешь, в год и только в Кении?!

Папаша бубнил, время от времени толкая сынишку плечом.

– ...Бивни взрослого слона стоят сорок тысяч долларов, а фунт рога черного носорога –

шесть тысяч! Фунт!

Чтец начал тихо орать от возбуждения, размыщляя по-прежнему вслух.

– А если бы у носорога было бы три рога? Кто стоил бы больше – он или слон?

Сдержаться, выслушивая такое, было невероятно сложно, но капитан Глеб всё-таки самодисциплинировался и только хмыкал, отвернувшись к открытому автобусному окну.

Через минуту за его плечами возник очередной стратегический разговор.

Судя по звонкому голосу и по обращениям, разговаривали опять же близкие родственники, один из них был, вроде как, младшим школьником.

– ...Мам, про что этот фильм?

– Не знаю, я его не смотрела.

– Мам, а тебе никто не рассказывал про него?

– Нет.

– Мам, а как ты думаешь, о чём этот фильм?

Пик мамашиного терпения совпал с её грозным молчанием.

– Мам, а кто...

– Да не стони ты!

Вот эти, последние, материнские слова и были по-настоящему громкими!

Невольно слушая забавные разговоры посторонних людей, Глеб то сгибался, то тёр переносицу, то судорожно вздыхал, изо всех сил стремясь не расхохотаться и, тем самым избежать публичного осуждения и позора, то отворачивался к окнам, наступал сам себе ногой на ногу, но всё же, когда на одном из перекрёстков с окнами их автобуса поравнялся какой-то невысокий и пыльный легковой автомобиль, с взмокшим от жары худым священником за рулём, ряса которого была высоко натянута на голые тощие волосатые коленки, капитан Глеб Никитин не выдержал.

Моральные силы оставили его, а он оставил салон замечательного автобуса, окончательно выхоХотавшись уже на улице.

Желая остыть, Глеб приобрёл в ближайшем киоске бутылочку холодной минералки, по-походному умылся, и скорым шагом направился в ботанический сад, где его уже ждали.

...Точно так же распахнутые высокие кованые ворота, такие же густые тени робиний. Только вот посетителей было заметно больше, чем вчера, всё-таки наступила суббота, выходной день, да и кассир – на месте, радушно и дисциплинированно принимает деньги у публики.

С первыми же шагами по центральной аллее ботанического сада капитан Глеб поймал себя на том, что пытается расставить интересующих его знакомых персонажей на привычные места, что мысленно пристально чертит все возможные схемы их вчерашних передвижений по тропинкам и зелёным дорожкам.

Густой цветочный аромат смешивался с близким запахом скошенной травы.

– Привет!

– Ой!

Из-под панамы блеснули встревоженные глаза.

– Опять напугал...

– Я же обещал, что буду здесь примерно в одиннадцать. Сейчас – десять сорок пять.

– Всё равно, неожиданно. Заработалась, на время никакого внимания не обращаю.

Марьяна улыбнулась, запястьем приподняв панаму повыше над лицом.

– Извини, руки в земле. Только что устраивала небольшую цветочную композицию, вот немного испачкалась. Я рада, что ты здесь.

– И я тоже.

Ступив на дорожку совсем вплотную, Глеб взял Марьяну за ладони.

– Это ничего, что в земле, это мы исправим....

И, не говоря уже больше ничего, наклонился и поцеловал её в сухие, жаркие губы.

– Я, я... совсем не спала сегодня. Дождик был....

– Завтра я буду учить тебя облакам. Обязательно!

Абсолютно не желая ничего просить и объяснять, капитан Глеб Никитин снова склонился над лицом маленького растерянного фотографа. Не поверив своему первому мимолётному ощущению, опять жадно, но, уже желая точно определить вкус, поцеловал Марьяну.

– Шика-арно! Конфеты?!

– Шоколад. Я с собой из дома захватила, только что два квадратика съела...

– Значит, готовилась. Одобряю.

Капитан Глеб Никитин улыбнулся, захотел, но увернуться от сверкающей полосы воды, которой Марьяна с размахом плеснула в него из пластиковой бутылки, не смог.

– Снайпер!

– Трепач!

– Ну вот, опять, начинается.... А я же искренне, от чистого сердца!

– Уйди, чистосердечный! С глаз моих долой!

Задыхаясь от смеха, Марьяна размахнулась и бросила вслед Глебу почти пустую питьевую бутылку.

– Ты надолго, капитан?! Когда вернёшься?

– Сейчас пройдусь, с директором побеседую, потом со студентами о деталях поговорить нужно будет. Сын устраивает мне встречу с добровольцами. А часа через три окончательно заберу тебя с этой плантации. Пойдёт?

– Конечно. Я буду ждать...

Марьяна сняла панаму, вытерла лоб. Легко тряхнула густыми волосами, поправляя причёску.

– Тебе не кажется, капитан, что в эти дни ты много и не к месту разговариваешь?

– Я бросаю камешки в воду, милая. И наблюдаю...

– И что видишь?

– Пока – только мутную действительность. До встречи!

– До встречи...

И маленький конопатый фотограф, всё ещё оставаясь по пояс в густоте цветущей лаванды, как должное принял своевременный и очень уверенный воздушный поцелуй капитана Глеба Никитина.

Добраться до здания администрации было, конечно же, лучше всего по тихим и прохладным теневым дорожкам, но Глеб нарочно двинулся длинным путём, сначала по асфальту главной аллеи, потом – через радостные крики и вопли, к этому времени уже наполнившие поляну с детскими аттракционами.

Даже густую приторность так популярного у публики розария стоило пройти, чтобы опять увидать их.

Четыре дерева гинкго.

Императорские солдаты.

Невозмутимость и спокойствие.

Уверенность. Восточная сила.

Капитан Глеб Никитин коротко прикоснулся к стволу одного из них и пообещал остальным, что обязательно справится.

Крупный мужчина с оловянными глазами кричал на директора ботанического сада. Кричать он начал давно, потому что Глеб услыхал его голос ещё из-за поворота дальней сосновой аллеи.

– ...Нет! Позвольте! Это вы меня не хотите понимать! Вы не соблюдаете..., вы нарушаете должностные инструкции, срываете образовательный процесс, допускаете уголовно наказуемые проступки! Вы..., я буду..., а руководство обязательно разберётся.... Я возмущён, я, я...!

– Тук-тук.

Дверь директорского кабинета и без того была открыта, но капитан Глеб Никитин, позиционируя себя в современном мире как весьма вежливого и тактичного человека, во-первых, не хотел доставлять лишних неприятностей добной руководительнице, во-вторых, пока ещё не определился, как использовать истерику борова в своих целях, поэтому аккуратно постучал согнутым указательным пальцем в косяк.

– Можно?

– А вы кто?

– Я – к директору ботанического сада, по личному вопросу. Директор вы?

– Нет, она...

Лупоглазый махнул рукой и отвернулся, демонстрируя своё крупное недовольство, но тут же двинулся навстречу и с подозрением уставился на Глеба.

– А вам что здесь надо? Что вы делаете в рабочее время в служебном помещении?!

– А какое, извините, ваше собачье дело, если директор – она?! Правильно? Местный директор вы?

Глеб со строгостью направил на взъерошенную пожилую женщину указательный палец, одновременно подмигивая ей и разворачиваясь спиной к крупному мужику.

– Да, я директор...

Обделённый вниманием руководящий мужик возмутился.

– А я – комендант! И я тебя сейчас вышвырну отсюда....

Мохнатые брови взлетели над тусклыми пуговицами выпученных глаз.

– Ага! Узнал! Я тебя узнал! Это же ты вчера здесь панику устроил?! На камерах наблюдения везде твоя морда светится, ты же весь день руками в халате по саду махал! Отравление, отравление, тоже мне, умник нашёлся.... Убирайся, давай, отсюда! Живо, а то сейчас наряд вызову, ребята тебя быстро спрессуют!

– Насладиться комплиментом про умника обязуюсь, но попозже. А сейчас, приятель, дай-ка мне немного пообщаться с моей дорогой тётушкой, я давно её не видел, вот довелось наконец-то...

– Родственник?

Покорно блеснув стёклышками толстых очков, толстенькая директорша подтвердила частную версию Глеба.

– Ладно, тогда конечно, говорите...

– Спасибо тебе, комендант. Обещаю, что изо всех сил буду убеждать эту добрую женщину в том, что работать вам вместе ни в коем случае не стоит. И обязательно постараюсь найти оптимальный вариант решения данной проблемы....

Крупный руководитель нахмурился, не совсем понимая суть сложного монолога, но, очевидно решив, что резвый племянник будет убеждать свою драгоценную тётю уволиться, молча покинул помещение.

Капитан Глеб Никитин развёл руками.

– Извините, что опоздал с визитом.

– Ну что вы, что вы...!

Директорша отёрла лицо платочком.

– Спасибо, что так скоро выгнали отсюда этого солдафона, а то он всё кричал, угрожал...

– Успокойтесь – он уже далеко. Наверняка рапортует об одержанной победе. Лучше расскажите, как у вас тут общая обстановка? Других неприятностей, кроме крупноглазого персонажа, с утра не возникало?

– Нет, нет, что вы! Всё в порядке, всё хорошо!

– А Иван где?

Глеб расхаживал по небольшому кабинету, попутно рассматривая толстые научные книги и красивые страницы недавно приготовленных гербариев.

– Иван наш в порядке! Работает. Спрашивал про вас, не приехали ли ещё с утра-то...?

Он так вчера переживал, так переживал! Очень по-мужски сокрушался! Я его, как могла, успокаивала, говорила, что всякое может случиться, что нет его вины...

– А как вы справились с последствиями наведённой мною паники?

– Ну, а это уже Валерия Антоновна на себя взяла! Она у нас женщина энергичная, коммуникабельная....

Добрая улыбка доброй женщины убеждала.

– Она и с городскими службами вчера поговорила, и с нашим начальством. Весь вечер, до самого закрытия, начальство-то называло сюда по этому поводу! Валерия всем объясняла, что у меня большое сердце, что я отдыхаю, а сама-то каждому вашу версию, как на уроке, докладывала!

– Молодец, Антонна! Найдите возможность, наградите её при случае чем-нибудь полезным.

– Конечно, конечно!

– А...

Капитан Глеб внезапно остановился посреди тесного кабинетика с тоненькой книжкой в руке.

– А каким ветром к вам занесло такое любопытное издание?

Директорша попыталась рассмотреть книгу через стол.

– Не вижу, покажите-ка поближе....

– Вот, «Ядовитые растения леса». Вроде как учебник. Рекомендован в качестве учебно-методического пособия, по специальностям...

Глеб декламировал, пристально рассматривая обложку.

– Рекомендовано отечественным Министерством сельского хозяйства..., для студентов по специальностям «Биология», ...«Зоотехника», ...«Фармация». Как часто в ваш мирный ботанический сад заходят угрюмые зоотехники и ветеринары?

– Да, это учебное пособие. Нам такая литература положена, мы её из университета получаем.

– Про ядовитые растения?! А зачем?

– Так ведь у нас их здесь такое множество произрастает! И деревья есть, и цветы, и кустарники. Студенты ими очень интересуются, спрашивают постоянно, курсовые часто по этой теме пишут.

– А где вы их держите?

– Кого? Студентов...?

Названая тётушка добросовестно, но без особых успехов пыталась понять заметную тревогу, внезапно зазвучавшую в вопросах капитана Глеба Никитина.

– Ядовитые растения! Они же опасны! Какая-то отдельная охрана для этих видов есть? Вы их как-то запираете, контролируете?!

– Да что вы?! Не-ет! Как их проконтролируешь-то? Растут они, как и всё остальные растения, на общедоступной территории. Невозможно же под каждым кустиком охранника поставить, у нас же ни штата такого многочисленного нет, ни практикантов никаких. Просто таблички вешаем предупредительные.

– И всё?

– И всё.

– Та-ак.... А много у вас тут таких вредных травок растёт?

Не поднимаясь из кресла и не чувствуя, что какие-то обстоятельства могут быть сейчас для неё неприятными или волнительными, директорша, ненадолго задумавшись, принялась перечислять.

– Багульники у нас есть, вот..., болотный, крупнолистный.... Голова от них у некоторых людей болит, особенно если в жаркое время долго рядом с ними побывать. Ландыш Кейске ёщё, у него такие яркие, красные ягодки, сейчас уже созревают, осенние они... Но все ландыши у нас специально спрятаны! Ну, не так, чтобы безо всякого доступа, а просто в других посадках, чтобы не очень внимание привлекали, ягодками-то своими....

Ещё что?

Рассуждая, женщина сняла очки, принялась протирать их платочком.

– Из деревьев – омела окрашенная. У неё такие ложные ягоды, сочные, жёлтые или ярко-оранжевые, как шарики, клейкие, слизистые.... Но омела тоже, по-моему, только в сентябре созревает.... Есть ещё эфедра, хвойничек такой односемянный, и у неё ягодки ближе к осени будут.

Белена, вот! Опасна очень! Белена и чешская, и чёрная, и пашенная, – все виды опасны для посетителей! Мы их особо выделяем табличками, вы видели же, наверно?! У белены коробочки такие кувшинчатые, ну, похожи на твёрдые чашечки, с семенами. Созрели уже в эти дни. Мы детей особенно о белене предупреждаем, чтобы не рвали, не пробовали, и родителей их, и экскурсоводов!

А книжечка-то вас тоже заинтересовала, да?

Директорша справилась со своими толстыми научными очками и приспособила их на место.

– Вот. Я и говорю, книга-то интересная.

Думая о дальнейшем, капитан Глеб Никитин рассеянно удивился.

– А кто ещё про неё спрашивал?

– Писатель один, в возрасте, приходил несколько раз недавно, рассматривал книгу. Положительный такой мужчина, хороший, видный! Встречались они тут с нашей Марией Владимировной, гуляли, разговаривали...

– С Марией Владимировной?! С деканом...?

– Да, а что такого?! Она женщина одинокая, самостоятельная, а он образованный, тоже с ней так уважительно обращался. Жаль, со здоровьем у него неважно было, постоянно жаловался на лёгкие.... Уехал.

– Куда? Когда?

– Сказал, что в Бельгию собирается, к дальним родственникам. На прошлой неделе с Марией Владимировной он так трогательно здесь прощался, всё жаловался на нашу действительность...

– Да уж, писатели, они такие. Жалуются. Извините, я на минутку отлучусь....

В знакомом административном коридоре Глеб легко нашёл на полке, рядом с оранжевой каской, припрятанный комок бумажных салфеток. Вернувшись в кабинет, развернул салфетки перед добной директоршей.

– Определите, пожалуйста, что это за ягоды.

– Ну, это...

«Очки-микроскопы. Точные и объективные».

– Это..., это сакура, точно. Сохранились же ещё некоторые ягодки! И не сезон ведь уже.... А это.... Ой, чего же он так рано-то...?

На столе, под локтём директорши, в ворохе документов, заверещал популярной мелодией телефон.

– Сейчас, сейчас!

Добрая директорша жалобно посмотрела на Глеба, пояснила шёпотом.

– Начальство! Прошу, извините...

Соблюдая приличия, пришлось выйти на крыльцо.

Духота разгорающегося дня ошеломила, не хотелось делать ни шагу навстречу огромному солнцу, поэтому капитан Глеб остался стоять в тени крохотного навеса.

Через минуту на крыльце выскочила, роняя какие-то бумаги из раскрытой папки, директорша.

– Вы уж извините, действительно, всё как-то не к месту...! Начальство вызывает, наши отчёты за прошлый квартал вдруг им, видите ли, срочно понадобились! То не вспоминают про нас месяцами, то срочно прибегай! Извините...

– Вы скоро вернётесь?

– Да к обеду-то точно буду! Они ведь вызовут, тревоги напустят, а дела-то никакого

серьёзного, оказывается, и нет. Всегда у них с вывертами! Через часик отпустят. Так что, если что срочное...

– Я дождусь.

«Ягодки, ягодки.... Жарища-то какая!».

За углом здания звякнули жестянки.

– Привет.

– Привет, привет.... Ты давно здесь?

Потный, без рубашки, в тяжеленных башмаках, с двумя пустыми вёдрами Иван угрюмо встал перед Глебом.

– Минут двадцать уже, с директором вот твоим уже успел поговорить. А ты как?

– Доживаю.

– Паникёров – к стенке. Пошли куда-нибудь под деревья, в тенёк отойдём.

– Давай...

Не обращая внимания на табличку «По газонам не ходить!» Иван протопал по траве мимо рододендронов, направляясь в густую тень у подножия старой черёмухи.

– Не оштрафуют?

– Иди ты со своим юмором...

Иван развалился на газоне, опервшись голой спиной о корявый ствол дерева. Молча достал сигареты, закурил. Капитан Глеб присел перед ним, покусывая травинку.

– Ты с Марией ещё не встречался, не узнавал, когда похороны?

Иван отвернулся, сплюнул, было видно, как на его небритых щеках засияли струйки слёз.

– Чего молчишь?

Глеб взял Ивана за руку.

– Ну, чего ты, на самом-то деле? Прекращай, давай.... Дела надо делать, Ванька, заниматься чем-нибудь нужным. Про похороны ты почему ничего точно не узнал, а?

– Вот в этом к ней мне идти??!

С силой подняв ногу, Иван грохнул по земле рваным и пыльным башмаком.

– Чего я к ней попрусь-то?! Кто я такой? Родственник отыскался, в драных штанах! А похороны.... Чего мне надевать-то?! Там же профессора будут, торжественно...

– Ладно!

Сначала легко вскочив, капитан Глеб сразу же, с такой же небрежной лёгкостью, шлёпнулся на траву рядом с Иваном, обнял того за плечи.

– И в отсутствии штанов всё дело?! Тоже мне, моряк, проблему нашёл, сопли без серьёзного повода распустил! Без штанов с интеллигенцией общаться? В первый раз, что ли...?! Да, Ванька, успел ты накуролесить с личной биографией порядочно, но сейчас совсем не время по этому поводу страдать. Ты же мужик, а Марии твоей как раз крепкое плечо сейчас и нужно, чтобы с такой страшной бедой справиться! Помоги ей, пусть она плачет, а ты – действуй! Да и для дочки своей хоть что-то в этой жизни сможешь сделать...

– А чего мне делать-то??!

Отвернувшись, Иван рыдал, вытирая лицо о жёсткую черёмуховую кору.

– Перестань ныть, для начала!

Капитан Глеб Никитин поднялся, потянул за плечи Ивана.

– Встань. Вот, держи.... Нет, впрочем, деньги я тебе сейчас не дам. Ближе к вечеру заглянем вместе с тобой в магазин, переоденем тебя по полной программе. Так, с этим решено.... Утрысь. Стой! Подойди-ка сюда. Быстро, без аргументов!

Глеб вытащил из травы зелёный пластиковый шланг, приоткрыл кран.

– Умывайся!

Уворачиваясь от тёплой, согревшейся за утро в длинном шланге, воды, Иван одной рукой начал тереть глаза, другой – нехотя водил по своему потному впалому животу.

– Да не так, Ванька, не так нужно жизнь принимать!

Капитан Глеб вывернул водопроводный кран до упора.

Сверкающая сильная струя взлетела ввысь, потом угрожающе качнулась в одну сторону, в другую, пока Глеб не приноровился и не направил её прямо в лицо Ивану.

Тот заорал, заохал от внезапного прозрачного холода.

– Отстань! Не надо, Глеб! Я же весь промок...! Хватит!

– Лимит такой удивительной процедуры для тебя установит сама природа, в лице своего благородного представителя, то есть, меня! А я....

Глеб перекрестил, почти сбил с ног Ивана мощной струёй, разом насквозь намочив и его рабочие штаны, и пыльные рваные ботинки.

– А я..., я призван смыть с тебя и пыль веков, и слёзы раздумий! И не прекращу, пока ты не станешь сильным, смелым и ловким!

Два взрослых мужика орали, хохотали, вырывали из рук друг друга изворотливый шланг, пока Иван окончательно не упал на траву, задыхаясь и от холодной воды, и от изобилия счастливого, свободного дыхания.

– Сдаюсь...

– Тогда контрольный выстрел. Помой шею.

Капитан Глеб, умудрившийся в дикой водонапорной схватке ничуть не намокнуть, ещё раз провёл водой по лежащему Ивану, окончательно ровно поливая того с ног до головы.

– Точка. Водные процедуры закончены. За работу, товарищи! А вы – брысь!

Капитан Глеб вытер ладонью капли со лба и сделал страшное лицо.

Из-за кустов подстриженного самшита за мокрыми дяденьками молча, с удивлением и уважением наблюдал небольшой отряд младших школьников вместе со своей взволнованной учительницей.

Глеб учтиво поклонился и пояснил зрителям.

– Это мы так балуемся. По субботам.

– А-а...

Учительница почти всё поняла и, спасая подопечных от искушения недостойными поступками, торопливо развернула шеренгу от соблазнительного шланга в сторону декоративных кленовых посадок.

– Ну вот, Ванька, почти что дождь прошёл. Мы его сами устроили. Истина в том, чтобы делать чудеса своими руками...

Приглаживая мокрые кудрявые волосы, Иван смотрел на детей.

И продолжал улыбаться.

– А теперь-то что?

– Да включи ты свою голову, Ванька! По-ду-май! Просто сядь и подумай о том, что тебе нужно, просто необходимо, сделать в жизни прямо сейчас, в первую очередь!

– Закурить, наверно?

«Ну, порядок, отмок парень. Это главное...».

– Серьёзный поступок. Одобряю. После того, как покуришь, топай в кабинет директора, сиди там, мысли и жди меня. Я скоро вернусь.

– Ты куда?

– Кое-что проверить надо.

– А как я в кабинет попаду?

– Добрая женщина так спешила на ковёр к вышестоящему начальству, что, по-моему, элементарно позабыла закрыть дверь. Заодно и поохраняешь объект...

Под каждую жадную затяжку Иван кивал, соглашаясь с распоряжениями Глеба.

– ...Обязательно переоденься. Штаны и обувку свою размести на улице, на солнце.

– А как же? Без всего-то?!

– Халат возьми в коридоре, растяпа! Только не вздумай пугать Антонну своими регалиями, она ведь женщина трепетная, социально незащищённая....

– Да иди ты!

– Иду. Но скоро вернусь. Жди.

Наблюдательность, почти всегда совпадающая с разумными сомнениями, помогала капитану Глебу Никитину во многих жизненных ситуациях.

Способность замечать мелкие, крайне незначительные, на первый взгляд, детали приводила его к правильным выводам, а затем – и к необходимым поступкам.

Не всё сразу становилось ясным и понятным, что-то поначалу непременно и оправданно пряталось на заднем плане общего яркого впечатления, но потом, после размышлений, сомнений и пустых разговоров, какой-то периферийный тонкий штрих, или маленький факт, неуловимые вначале, всегда проявлялись и помогали Глебу в решении сложных задач.

«Так травил всё-таки Ванька сакуру в пятницу или нет? Кажется, нет.... Почему „кажется“? Откуда такая нерешительность?!».

На подходе к длинной аллее, заросшей жимолостью, Глеб остановился.

Вот, именно то, что они вчера с Сашкой, разыскивая ягоды сакуры, и не заметили.

Канава. Свежая. Неглубокая.

Тянется от густых виноградных арок до деревянного волшебного мостика, перекинутого через ручей в дубовой роще.

В спешке узконаправленного поиска они с сыном никак не могли вчера рассматривать ещё и эту неприметную канавку. Да, длинная, конечно, но неширокая, на лопату всего, и мелкая. Аккуратная, ровная, посетители её просто перешагивали, не замечая.

А вот Иван свою тачку, нагруженную бидоном с отравой, никак не мог перетащить через это препятствие! Да и не хотел, скорее всего. Значит, и не проезжал он дальше, в заросли, к сакурам, и не брызгал на них вчера своим дурацким раствором.

Значит...

Для того чтобы стать окончательно уверенным, капитан Глеб Никитин, низко пригнувшись, поисковой статью похожий в эти минуты на замечательную собаку-ищейку, прошёл всю длину свежевырытой канавки. Нигде не было заметно ни следов от перекинутых мостков, ни вспомогательных досок, а добросовестно ровно откопанные земляные стенки на всём протяжении не были обрушены колёсами тяжелогружёной тачки.

«Иван не пересекал эту полосу препятствий, факт! Самым ленивым лентяям иногда сказочно везёт...».

Капитан Глеб Никитин выпрямился, вздохнул с облегчением.

Густой тенистый полумрак был весьма приятен, да и далёкий аромат розария на расстоянии радовал.

– Алё! Ты чего тут вынюхиваешь-то? Ты кто такой? Я тебя спрашиваю?!

– Не поверишь, но я хочу тебе ответить.

Весь по-выходному в белом, паренёк подошёл неслышно, скорее всего, он следил за перемещениями Глеба от самого административного здания.

Молодой, плотный, высокий, но с заметно дряблым животиком.

Наглый, совсем не ботанический взгляд.

«Мент?».

– Добрый день, юноша. Вы о чём-то хотели меня спросить?

– Кончай придуриваться! Вали отсюда, и чтобы я тебя здесь больше никогда не видел!

Понятно?!

«Личико у мальчугана какое-то странно знакомое, лупоглазенькое...».

– Вы здесь генералом работаете? Или просто покричать среди сосен решили?

– Слыши, ты, козёл...!

– Всё, понял! У вас здесь близкий родственник комендантом служит, правильно?!

Но двигался паренёк стремительно, соответственно возрасту. Было заметно, что в недавние школьные годы ему доводилось заниматься чем-то спортивным.

Поэтому и попал он Глебу Никитину с первого же удара.

Правой, по скуле.

И прыгнул-то он после этого тоже ловко, желая уже ногой попортить рёбра временно лежащему на земле капитану Глебу.

Но не всегда желания участников дискуссии совпадают.

С усилием прогоняя создавшийся в голове туман, Глеб всё-таки отвлёкся на серьёзные намерения парня, и рывком перекатился на полметра в сторону.

Значительных размеров красивый башмак пролетел мимо.

Глеб вскочил на ноги, смахнул пыль с виска, и встал в боевую стойку.

– Невежливо. И не практично. И в чём же причина, малыш? Неужели, я не нравлюсь тебе как мужчина?!

Младший комендант суётливо подпрыгивал, готовясь к очередному удару, но счёл возможным пояснить.

– За то, что с гастерами тут возишься! Чёрные нам здесь не нужны!

– А какие нужны – синие?

На этот раз Глеб был готов и нырнул, уходя головой, под руку противника.

Тот, кто однажды научился ездить на велосипеде, никогда не позабудет нужных движений.

Так и в боксе.

От второго-то удара капитан Глеб Никитин ушёл осознанно, реагируя на явно излишнее дёрганье паренька, а вот над своим ответным движением он даже и не задумывался – это произошло автоматически, с учётом прожитых лет и опыта подобных обстоятельств.

Грубиян лязгнул челюстью, вздрогнул причёской и грохнулся на землю.

Пришло время посмотреть на него внимательнее.

Глеб подошёл, присел рядом, тронул за плечо неподвижного человека.

– Вставай, вставай, приятель.... Скоро обед. Негоже пропускать очередной приём пищи.

Парень замычал, зашевелился, подогнул ноги, намереваясь подняться.

– Вот, правильно. Ты живой – и это уже хорошо.

Тратить время на дальнейший осмотр величественных развалин Колизея не входило в планы капитана Глеба. Он безмятежно отвернулся, отряхиваясь, поставил ногу на скамейку, готовясь завязать шнурок.

Рёв.

И нож.

Не поворачиваясь, просто коротко оглянувшись, сантиметров на десять переместить себя в сторону, приподнять руку, пропустить под ней свирепый, тычком, с разбегу, удар блестящего лезвия, принять на собственную спину потное тело хрипящего от ярости противника, схватить обеими руками его руку, ту самую, что пролетела вперёд с ножом, крутануть её, до хруста, до стона позади, и отпрыгнуть в сторону, не успев при этом завязать ни один из шнурков.

Полсекунды, секунда.... Примерно так.

Капитан Глеб оглянулся.

Паренёк вновь тупо, по-носорожьему, готовился подняться и броситься на него с ножом.

Это было неправильно, нехорошо. И обидно.

Движения-то помнятся...

Поясной ремень из тёмно-синего плотного брезента, с тяжёлой, литой металлической пряжкой всегда и везде был с Глебом. И в егоочных похождениях в порту Хельсинки, и среди карибских скал, и на просеках родных лесов, и в напряжённых мужских разговорах посреди африканских улочек Сьерра-Леоне.

Движение-то одно....

Со свистом ткани о ткань капитан Глеб Никитин выхлестнул ремень с пояса и намотал

его на кулак, оставив полметра с пряжкой на воле.

– С гастерами полизаться захотелось?! Козёл! Урою!

Крик – и рука с ножом летит на Глеба уже сверху.

Точный взмах ремнём – и нож на земле, а паренёк скулит по соседству, зажимая рассечённую литой пряжкой ладонь.

– Ну, а теперь моя очередь, малыш!

То, что иногда нужно останавливаться, даже если и очень хочется при этом посовершать ещё немало приятных движений, учила когда-то юного Глеба одна опытная женщина. Он дружеский совет запомнил.

Сколько раз разъярённый капитан Глеб успел взмахнуть своим жестоким ремнём, никто и никогда не сможет узнать. Главное, что он вовремя выдохнул и остановился.

Вовремя.

Окровавленный, с тёмно-красными полосами на своих белоснежных льняных одеждах, невежливый паренёк хрюпел у него под ногами уже по-настоящему.

– Ну и что ж такого мы с тобой тут натворили, милок? Ты пошто к старому человеку приставать-то беспричинно вздумал?

Умыться было нечем, поэтому Глеб просто заправил свой ремень на штатное место и присел на ближнюю скамеечку.

– Впрочем, чего это я?! Я ж ведь и не старый ещё, а просто пожилой, так себе, самую малость.... И всё-таки, приятель, настойчиво хочу узнать, какие же основные претензии у твоего родственника-коменданта ко мне, невинному страннику? Ответь, а?

Осознав, что его оставили жить, злодей заговорил.

Тихо, с придуханием, сплёвывая осколки зубов и комки густой крови.

– Твой..., твой..., этот, гастер, грязный который..., чёрный, он сдал человека, который..., которые его на работу..., устраивали. А ты – с ним..., всегда..., спрашивал, говорил.... После этой свадьбы вы на Игорька, ... на Игоря, на нашего, предъявили вешать..., что это он невесту..., что замочил он её. Вот. Вот так...

– Игорёк?! Очкастенский такой? Свадебный свидетель? Он что, тоже ваш??

– Племянник..., коменданта. Мой брат..., троюродный. А вы..., на него, а мы, а нам дядька сказал..., чтобы наехать на тебя....

– Вот это фокус!

Капитан Глеб Никитин совершенно искренне изумился, и с серьёзным выражением лица принял задумчиво почёсывать собственный затылок.

– Ладно, эту ценную информацию оставим на потом, а сейчас...

Пошёлкав телефоном, он, тщательно прицелившись к физиономии полосато-окровавленного паренька, сделал несколько снимков.

– Запомни, малыш, – для нужд хорошего человека у меня всегда найдется подходящее количество денежных знаков. И я всегда готов отдать их в обмен на настоящее удовольствие. Не серди меня лично и передай всему своему святому семейству, чтобы и они избегали разговаривать со мной невежливо, в том числе, и на языке жестов.

Ты же ведь не хочешь, чтобы тебя нашли однажды в густом лесу, ставшего жертвой, допустим, жестокого медведя, который, вот ведь зверюга, додумается до того, что, для примера, изуродует тебя кастетом. За деньги-то и медведь в лапы кастет возьмёт.... Не хочешь же ведь ты стать персонажем такой смешной сказки, а? Ну, скажи....

– Не-ет...

– Ну, вот и хорошо, вот и замечательно! Заодно передай своим ментятам, всем, оптом, и бывшим, и настоящим, чтобы и Ивана моего они оставили в покое. Стань личным ангелом-хранителем для него, береги парня, очень тебе советую! Я буду изредка сюда приезжать, интересоваться.

Почувствовав, что дыхание пришло в норму, и что нет больше причин сердиться по пустякам, капитан Глеб поднялся со скамейки. Собравшись уже было уходить, ещё раз наклонился к стонущему на земле пареньку.

— А вот насчёт «урою, урою...», то это ты, приятель, явно погорячился. Для таких подвигов ты урлыником не вышел. Так что вот так.... Прощай!

Было жарко, и страшно кружилась голова. То ли от увесистого первого удара, то ли от духоты и запаха недавней чужой крови.

С заботой о чувствах близких ему людей капитан Глеб Никитин осторожно потрогал вспухшую скулу, скептически осмотрел свои пыльные джинсы и решил срочно вернуть себе былой шикарный облик.

Выглядеть неубедительным не хотелось, случайно встречаться до поры с Марьяной и Иваном — тоже.

Забор был рядом.

В три движения Глеб ухватился за высокие острые прутья и перемахнул через плотно заросшую широкими листьями хмеля кованую решётку.

Территорию ботанического сада и ближние жилые дома разделяла железная дорога.

Многочисленными полосами в обе стороны вдоль забора просторно тянулись ровные блестящие рельсы, совсем близко светился на светофоре красный огонь, точно и дисциплинированно рядом с полотном торчали столбики с цифрами расстояний.

Пахло смолой шпал, и было ещё жарче, чем на солнечных аллеях сада.

Очень хотелось пить и умыться.

Особенно умыться.

Дальше, за железной дорогой, виднелись убогие задние заборы неухоженных огородов и бедные домики пригорода. За густотой яблоневых листьев в одном из дворов напротив капитан Глеб рассмотрел колодец.

— Эй, хозяева! Эй, есть тут кто живой?

— Чего раскричался-то? Невтерпёж, что ли??!

Злобный лай мелкой собачонки и тихий человеческий голос раздались одновременно.

Из глубины огорода к Глебу вышла низенькая старушка.

— Тебе чего? Самогону?

— Да что вы, бабуля! В такую-то жару?! Просто водички, попить, умыться...

— А-а...

Пёстрая старушка с пристальным вниманием осмотрела Глеба.

— Тогда хорошо, а то мужчины ко мне больше всё за напитками ходят, водичку-то они только по понедельникам просят.... А водичка-то здесь хорошая, вкусная! Проходи, милок, проходи, собачка-то моя не кусается. Добрая она, как звонок у меня тут, в калитке-то, для предупреждения.

По тропинке, прохладно скрытой под навесами старых яблонь, медленная старушка провела капитана Глеба к колодцу. Аромат спелых, подгнивающих на земле яблок и слив вспоминался детством, таким же был и деревянный, рассохшийся над крышкой колодца, ворот с намотанной цепью.

— Тебе попить или умыться?

— И того, и другого. И побольше.

Минуту старушка молча понаблюдала за Глебом, за его сноровистыми движениями и, убедившись, видно, что он умеет обращаться с колодцами и не утопит её ведро, довольно хмыкнула и потихоньку побрела через садовые заросли к своему домику.

Капитан Глеб выплеснул остатки тёплой воды на ближнюю грядку, поднял из глубины новую, ледяную, прозрачную.

Для начала с жадностью сплюнул тягучую слону в предвкушении, терпеливо глотнул из ведра только пару раз, едва не взывя от ломоты в зубах.

Снял рубаху, бросил её на низкую яблоневую ветку по соседству, и не спеша начал поливать себе потную спину и плечи, черпая из ведра литровой стеклянной банкой.

Остановился, ещё немного попил, и вновь начал умываться.

— Держи, милок...

Старушка опять возникла из-за деревьев неслышно и незаметно.

– Держи вот, утрысь.

– Да что вы, я так обсохну, на жаре-то!

– И не капризничай, бери! Полотенчико у меня чистое, не побрезгуй...

– Да я....

– Ладно тебе.

Не дослушав, старушка повернулась, собираясь уходить.

– Утрёшься, как следует, повесь полотенчико-то обязательно посохнуть. А я пойду, чайки поставлю, и ты тоже, как управишься, приходи в дом.

Спокойствие такого странного жизненного перерыва возникло для него как нельзя кстати.

Случайно вырвавшись из бурных событий роскошного ботанического пространства, капитан Глеб вновь оказался в похожих зелёных зарослях, но уже в тихих, беспроблемных, волшебных уже своим внезапным возникновением.

Обычно окраинные городские посадки бывают или огородными, с грандиозными плантациями картошки, или же чисто фруктовыми, с привычным набором с первого же взгляда, узнаваемых яблонь, груш, слив, крыжовника и малины.

Этот же садик тихой старушки был не таким.

Глеб шёл по тропинке к бело-синему домику и удивлялся.

Ещё у колодца он отметил поблизости красные листья клёна австрийского, справа от дорожки ровно возвышались десятка два красивых, степенных и ухоженных туй, а совсем ближе к домику росли два роскошных рододендрона.

Кроме того, на овощных, вроде как, грядках, нежно голубели шафран и лаванда.

– Чего смотришь-то так? Вроде понимаешь что в растениях-то, а?

– Интересно у вас тут, необычно.

– Интересно ему.... Садись, чай вот будем пить. Варенье бери, накладывай, сама варила.

На открытой, без стёкол, веранде маленького домика стоял такой же крохотный стол. И два деревянных стула, скрипучих, тяжёлых.

– Спасибо.

– Умылся? Полегчало?

Услышав простые, по-матерински добрые и внимательные слова, капитан Глеб Никитин вдруг почувствовал страшный голод.

– Гулял, что ли, в наших-то краях?

Старушка принесла из домика горячий чайник.

– Да, прогуливался...

– По делам или как? Личное что?

– Личное.

– Покушать ничего не хочешь?

– Нет, нет, что вы!

Вратарь капитан Глеб умел, и чрезвычайно искусно, но иногда и у него в этом деле случались неудачи.

– Ой, прогульщик ты, прогульщик.... Тоже мне, время-то обед уже, а он, смотрите-ка, мужчина видный, а от еды отказывается, привередничает! Давай-ка, я тебе, милок, картошечки положу, давеча отварила, да огурчиков свеженьких порежу...

– Да я....

– Ты сил должен набраться, не спорь! Знаю я вас таких, хорохорятся, свою линию гнут, а старых-то людей не слушают.... Ешь, ешь, давай! Тоже мне....

И крепко посолённые огурцы, и почти полбуханки чёрного хлеба, и штук пять тёплых, ароматных, картофелин, извлечённых старушкой из укутанной в тряпью оранжевой эмалированной кастрюльки, он тоже проглотил в полмгновенья.

– Ну вот, и хорошо! А спорил ведь, охламон такой, не хотел слушать, что ему говорят…

Старушка улыбалась, расставляя на столе чашки.

– Сейчас мы ещё чайку…

– Стоп. Чаёк-то, вижу, у нас ещё горячий, всё равно ждать его готовности нужно, да и передышка моему пищеварительному организму необходима…

Капитан Глеб Никитин поднялся из-за стола.

– Давайте-ка я пока что-нибудь полезное по хозяйству сделаю, а? Вы же не против?

Старушка беззвучно засмеялась смехом, краем платка прикрывая рот.

– Мне б зятя бы такого годков тридцать назад?!

– А то! Мне б вашу дочку встретить, да в молодые-то мои годы… Э-эх!

Раньше, на полпути от колодца к домику Глеб, только-только умывшись, заметил ржавую железную бочку, почти по край вкопанную в землю. Бочка воняла пустотой и гниющей на жаре тиной, сохраняя на дне совсем немного воды, предназначенной для заботливого полива огородных грядок.

– Я вам воды натаскаю!

И натаскал, чувствуя подзабытую сладость тяжёлого труда, и умылся ещё раз у колодца, только поливала ему в этот раз на шею и на плечи уже заботливая старенькая хозяйка.

За столом Глеб с удовольствием выпил подряд две большие чашки ароматного чая.

– Не покупной ведь? Сами готовите?

– Вот, угадала я – травки ты чувствуешь, в растениях разбираешься! Правильно, сама и розмарин сушила-растила, и чабрец мой, с огородика, и календула, и чагу сама в леске, в ближнем-то, собирала. И мята есть, вот, позабыла ведь совсем!

– А откуда у вас такие удивительные деревья-то взялись? Обычно ведь такого у людей на огородах не бывает?

Жалко моргнув, старушка поднялась, отвернулась, молча махнула посудной тряпкой по столу.

– Я чем-то обидел вас??!

Капитан Глеб тоже вскочил из-за стола, встал рядом с хозяйкой.

– Да не гоношись ты, допивай чай-то свой, простишь…

Старушка поднесла тряпку к глазам.

– Внучка моя, Катюшка, садила это всё, и деревца, и кустики… Жили они у меня здесь, она в школу ходила, с отцом-то у них не получилось, ну, не было его, с самого начала… Не повезло дочке-то моей, родила-то без законного мужа, страдала очень по этому поводу. Хорошо хоть Катюшка такая получилась, как солнышко! И меня любила, уважала, и мамочку свою всё целовала, миловала… Умница, приветливая, училась хорошо. В растениях-то разбиралась с самого детства! А тут рядом, под самым боком у нас, – ботанический сад! Она там и дневала, и ночевала. Семена различные приносила, собирала, отросточки какие-то ей ещё прежний директор давал, разрешал, вроде как для опытов… А она всё тут, у бабушки, и высаживала… Мы с ней по железной дороге любили гулять по вечерам, так она там и нашла маленькие клёны, туи, между рельсов-то, да по обочинам. Догадалась ведь, что ветром выносит семена из ботанического сада, вот они там, за забором, на откосах-то, и приживаются. Вроде как бесхозные, бесплатные… Катюшка-то их бережно, совочком своим детским, выкапывала, приживляла, и вдоль колодца здесь и садила… И лекарственные травки, и цветы ещё диковинные…

Потом в два дня всё и случилось.

Нашли дочку-то мою, Катюшку маму, убитой, в заводском районе, за гаражами. Шла она вечером с работы, надругались над ней нелюди, да и задушили…

Старушка плакала, уже не стесняясь, и не скрывая красных глаз.

Крупные мутные слёзы текли по тёмным, морщинистым, щекам.

Глеб слушал её, окаменев.

— Катюшка-то в шестом классе тогда училась.... Как узнала про это, про маму-то, про свою, так и растерялась вся. Как будто бы и не она. Меня целый день не узнавала, не отвечала. Сидела в саду на скамеечке, из стороны в сторону качалась. А я-то, старая курица, не доглядела.... Смотрела за ней, смотрела, а потом отвернулась на минутку, по делам, по каким-то домашним, опомнилась, хвать, а Катюшки-то в садике-то и нет.... Я туда, я — сюда! Догадалась на железку выскочить, а она там, неподалёку совсем, идёт, прямо по рельсам, от меня.... А навстречу ей поезд, из-за поворота..., гудел он, гудел, страшно так.... Я упала без памяти, ничего дальше не видела. Говорят, что Катюшка-то и не бежала никуда от поезда-то, сознательно, значит....

Старушка развела руками.

— Вот. Хоронили их в один день. Я для Катюшкиной-то памяти вон там, у самых рельсов, крестик ей поставила, сама из берёзовых досточек по осени выстрогала. Кругом цветов её любимых посадила.... Десять лет почти уже прошло. Вот ведь как бывает.

Корявой ладошкой хозяйка смахнула со щёк остатки слёз, а со стола, тряпкой, — какую-то соринку.

— ...И ты, милок, пока молодой ещё, резвый, не оставляй в беде никого, особенно если близкий человек страдает или опасность какая ему грозит. Ты-то вон какой, в силе, в уме, всегда сможешь вокруг что важное и нужное углядеть, а они, в расстройстве да в слабости, не всегда заметят плохое-то около себя.... Злых людей по сторонам много, ядовитых слов и намерений под руками у них — ещё больше.... Ты уж, милок, постараися, побереги своих-то, ладно?

— Обещаю, мать. Сделаю.

Через забор возвращаться не хотелось.

Капитан Глеб Никитин не спеша, размышляя, обошёл территорию ботанического сада по ближним прохладным улочкам, отстоял небольшую разноцветную очередь у главных ворот и ещё раз купил у радостного кассира входной билет.

Внимательный Ванька сразу же заметил изменения в его внешности.

— Ого! С каким это бычком ты уже успел пободаться?!

— Греческие орехи в вышине рассматривал. Один упал.

— Орех-то хоть живой?

— Стонет где-то в зарослях...

— Не, Глеб, а по правде, кто это тебя по физиономии-то так?! И по какому поводу?

— Держи свои штаны, почти высохли.

По-прежнему замотанный в белый халат Иван уютно расположился в мягкем директорском кресле.

— Ага! Спасибо!

— Никто не приходил?

— Не-ет! Ни директорша, ни Антонна! Я тут журнал читал, про жуков, про скарабеев...

— Ладно, одевайся по-быстрому и топай, перевыполняй производственные задания.

— А ты?

— Начальнику твою дождусь, пообщаемся, а потом по своим делам двинусь.

Без вопросов, нахмутившись, Иван быстро переоделся за перегородкой и выскоцил на улицу, сильно хлопнув дверью.

Про скарабеев и на самом деле написано было немало.

Капитан Глеб Никитин не успел дочитать и одной журнальной страницы, как вернулась директорша.

Толстенькая женщина отдувалась, махала себе в лицо папкой с бумагами.

— Жарища-то какая! И прогноз ведь не меняется!

— Ничего, скоро Новый Год, тогда и охладимся.

Директорша звонко расхохоталась.

– Шутник вы! Про зиму уже вспомнили.

– Да, но давайте-ка ближними событиями займёмся, продолжим наш так некстати прерванный увлекательный разговор.

– А про что мы говорили?

Взгляд через сильные очки, действительно, был абсолютно наивен и честен.

– Про ягоды мы недоговорили, про ягоды...

Отодвинув прозрачную тюлевую занавеску, капитан Глеб взял с подоконника припрятанные там перед уходом смятые салфетки.

– Эти вот, тёмно-красные, вы сразу опознали – сакура, а вот с другими, посветлее, определиться точно не успели, начальство вас побеспокоило.

– Да, да, припоминаю!

Директорша наклонилась над столом, придерживая очки.

– Ну да, правильно! Я же и тогда сказала, что это ягоды тиса, удивилась ещё, что они как-то не вовремя, не по сезону появились!

– Ягоды тиса? Высокого такого, хвойного?!

– Да, тис ягодный – хвойное дерево. Но на самом-то деле это у него не ягоды, а присемянники, в которых уже сами созревающие семена и спрятаны! Из-за ярких присемянников этот вид тиса так и называется – ягодный. У нас в саду три таких дерева, одно помоложе, а два совсем старые – под сто лет им уже! Только вот никак не пойму, почему они так рано-то в этом году проявились? Обычно ведь в сентябре созревали...

– Ладно, тис, понятно. Он ядовитый? Ну, ягоды его? Семенники или как их там?!

– О, конечно же! Но не присемянники, а исключительно сами семена, и хвоя тоже у него очень ядовитая! Нельзя ни иголки жевать, ни семена есть! У нас на табличках так и написано! Мы предупреждаем, информируем. Да у нас же про это все прекрасно знают! И студенты многие, и сотрудники...

– Плохо, что все.

Капитан Глеб Никитин шагнул от стола к двери, потом к распахнутому окну, отвёл от лица развевающуюся на сквозняке занавеску.

– Вы только что упомянули про сроки созревания тиса. Что вас удивило?

– Да меня и не только тис удивил! Вы вот ещё и сакуру мне принесли, так и она с ягодами-то тоже не по срокам, только не рано, а, наоборот, поздно!

Директорша пристально, как под микроскоп, поднесла к толстым стёклам очков тёмную ягодку сакуры.

– Это, скорее всего, окаме. Она у нас только одна в саду, молоденькая, еле прижилась поначалу, бедолажка! Мы её специально подальше от посетителей высадили, чтобы не тревожили они её, не сломали ненароком. Ну, впрочем, с ней-то как раз всё и понятно, весна в этом году в городе была поздняя, да и лето только полмесяца как жарой-то разыгралось, так что и вишненка эта в тени других деревьев, да в холодке припозднилась с плодоношением. Обычно сакуры в нашем климате в начале июня, в июле зрелыми ягодами-то обзаводятся, а окаме вот только сейчас последние сбрасывает.... Бывают же исключения, да.

– А тис?

– Что тис?

– Хочу спросить: у тиса вашего, у ягодного, бывают исключения? Ну, чтобы он вот так, беспринципно, пораньше созрел?

– Что вы?!

Директорша замахала руками, отвергая нелепую возможность.

– Нет, нет! Тис – это дерево серьёзное, взрослое! Тут нужны какие-то внешние обстоятельства, исключительные совпадения, чтобы он мог вот так, почти на месяц раньше....

– Тогда не подскажете, откуда взялась на территории вашего ботанического сада эта

красота?!

Глеб ринулся от окна к директорскому столу и с разбега ткнул пальцем в ягоды на салфетках.

– Они же не консервированные, не засахаренные! Свежие! Откуда?!

– Может, кто принёс...?

– А может, мы всё-таки не будем сейчас гадать, а просто пойдём, да и осмотрим все ваши три тиса?! Лично. Может, у кого-то из них внеплановая ягодная беременность по каким-то интересным мотивам наступила?!

– Хорошо, хорошо...

Женщина почему-то сильно испугалась такого неожиданного напора капитана Глеба, несмотря на то, что он изо всех сил старался не поворачиваться к ней своим слегка травмированным профилем.

В полном молчании они прошли почти полсада, направляясь к входным воротам. На ходу Глеб вспоминал, что видел когда-то здесь красивую хвою тисов, но не помнил, где точно.

– Вот, первый...

Странно выделяясь своим белым врачебным халатом среди яркой, праздничной толпы гуляющих посетителей, невысокая полненькая женщина остановилась почти у самого входа.

– Смотрите, этот тис уже отцвёл. Соцветия есть, вот, видите, зеленоватые такие.... А ягод на нём ещё нет. Точно – нет, потому что я его каждый день вижу, на работу когда прихожу!

Голос директорши оставался виновато-испуганным, она явно пока не решила, какая же из неприятностей ждёт её по итогам неожиданной экскурсии.

– Хорошо. Вы только не волнуйтесь – всё идёт по плану. Начинаем уверенное движение в направлении второго ядовитого экземпляра...

– Ой!

Глаза добродушной женщины округлились по форме оправы очков.

– Неужели вы думаете, что...

Остановленный такой фразой, капитан Глеб Никитин с внушительностью произнёс, строго подняв вверх указательный палец:

– Да, думаю. А вам об этом беспокоиться пока не стоит!

– Ой, я же и не предполагала такое! Только сейчас вспомнила...

– И не думайте, не обсуждайте, никому не говорите. Лучше всего – забудьте то, что только сейчас вспомнили. Пошли! Где тут у вас второе дерево?

И на втором старом дереве, в дальнем углу сада, со стороны железной дороги, они обнаружили только соцветия.

Внезапно устав то ли от жары, то ли от очередных неприятных перспектив, директорша по необходимости резво семенила рядом с Глебом, причитая и прихныкивая.

– Надо же, надо же такому случиться...

– Эту траншею кто копал? И зачем?

Капитан Глеб остановился так внезапно, что утомлённая и невнимательная женщина едва не наткнулась на него.

– Ой! Где?

– Вот эту, длинную.

– Так это уже успели под новый кабель подготовить, позавчера приезжала бригада из электросетей! Я же говорила вам, что наш комендант уговорил всех дополнительные коммуникации для сауны срочно устраивать. Ребята-электрики быстро всё выкопали, за полдня. Обещали в понедельник закончить. Вот, вроде и всё.... А к чему ещё и канава-то?

– Передайте Ивану, что он не виноват. Пусть благодарит канаву.

– Как это?!

– Он поймёт. И пусть не дуется на меня, нам ещё вечером предстоит культурно

общаться. Передадите?

– Конечно, конечно...

До третьего тиса Глеб и директор шли минут пять.

Скорее всего, именно здесь, поблизости от беседки, и жужжала вчера утром бензопила, которая так мешала Глебу наслаждаться встречей с садом. В укромном уголке валялись неубранные гигантские сосновые ветки, трава была засыпана свежими древесными опилками, рядом, в кустах, стоял строй приготовленных к отправке, ровно напиленных, бронзовых чурбаков.

– В прошлом месяце ветры у нас были сильные, старая сосна ночью упала, только на днях руки дошли убрать.... Комендант у нас этим занимается. Ой, смотрите!

Не такое высокое, как его почтенные родственники, и не такое раскидистое, как они, третье дерево тиса было отмечено редкими точечками ярко-красных ягод. Кроме них, на всех верхних ветках тиса многочисленным пунктиром виднелись другие, зелёные, размером с горошину и похожие на крохотные желуди, но не успевшие по какой-то сложной причине к этому времени созреть, ягоды.

– Я же его и не видела! С недавно примерно сюда не заглядывала! В этой-то стороне мы ведь не часто бываем, только если по хозяйственным нуждам! А здесь вон что происходит...!

– Чудо?

– Самое настоящее чудо! Вы не поверите, но это дерево никогда в такие сроки не созревало! Ни-ког-да! Ручаюсь!

– В этом сезоне его, верно, херувимы удобряли...

– Нет, что вы, всё гораздо проще! Я догадалась! Смотрите!

Капитан Глеб Никитин искренне удивился подвижности толстенького и пожилого научного работника. Решив, что самое трудное позади, женщина-директор с решительностью оббежала спиленную сосну, раздвинула примятые падением высокие кусты черёмухи, бережно потрогала нижние ветви тиса и радостно остановилась.

– Этот тис постоянно был в тени старой сосны. Понятно??

– Нет. Они что, не дружили?

– Вот именно! Кроме того, что старая сосна и сама рухнула, она ещё придавила и окружающие деревца, тем самым подставила весь молодой тис под это безумное солнце! Вот он и отреагировал на такое внезапное изменение температурного и светового режима! Созрел раньше графика! А мы-то гадали...!

– Спасибо вам, уважаемая, за усилия!

Капитан Глеб Никитин был действительно, по-настоящему, рад.

– Впрочем, минуточку...

Он задумчиво сорвал в ладонь несколько ягодок тиса, посмотрел, встав около дерева, по сторонам. Метрах в десяти от него, через рододендроны, хорошо просматривались лёгкие, ажурные конструкции свадебной беседки.

– В самом деле, спасибо.... Давайте-ка, я провожу вас до администрации, мне всё равно нужно в ту сторону.

Получив ответ на сложный вопрос, Глеб замолчал и шёл, размышляя.

Оказавшаяся такой полезной директорша, наоборот, почувствовала прилив оптимизма и отступление грозовых туч, и принялась болтать о постороннем.

– ...Вы же знаете, что многое зависит от воспитания! Да, да, именно от того, насколько ответственно люди относятся к вопросам воспитания не только детей, но и домашних животных, своих подопечных! Вот, к примеру, одни мои знакомые, образованнейшие люди, хорошая семья, совершенно случайно взяли в дом кошечку, совсем ещё котёнка. А у них в квартире та-акой роскошный ремонт! Такая обстановка! Ковры у них ещё от родителей остались, иранские, старинные! Хозяйка – чистюля! Именно она и начала учить свою кошечку ходить в туалет, на унитаз...

– Мерзость!

Глеб нахмурился, не совсем внимательно слушая и понимая добрую женщину.

– Вот, вот! Многие из окружающих нас людей именно так к вопросам воспитания и относятся! А напрасно! Конечно, на первый взгляд, глупое занятие, но очень скоро все, кто приходил к моим знакомым в гости, умилялись, когда им демонстрировали, как умненькая кошечка просилась по нужде, настойчиво царапая при этом дверь! Хозяйка впускала её в туалет, и прелестнейшее чёрненькое существо ловко устраивалась там, на краю белого унитаза! Но ведь и это ещё не всё...!

– Она смывала за собой?!

– И не смейтесь! Речь идёт о преемственности воспитания! О генетическом уровне восприятия серьёзных воспитательных усилий!

В волнении обернувшись, директорша своей фигурой настойчиво остановила на тропинке капитана Глеба.

– ...Как же удивлялись все те, кому через некоторое время доводилось бывать в гостях в этой же самой семье! Их кошечка принесла четырёх котят. И нужно было видеть....

Добрая женщина в восторге даже ухватила Глеба за рубашку.

– Эти фотографии разошлись по интернету в огромном количестве! Я сама видела, как эти крохи, все четверо, одновременно сидели на краю унитаза, а кошечка-мама спокойно лизала себе лапки по соседству!

– Ого!

– Вот видите! И даже вы удивились такому факту, а что уж говорить о простых людях.... Этих котят расхватали мгновенно – репутация! Впрочем, сама я называю это простым системным воспитанием...

– Позвольте.

Благородным кивком склонённой головы капитан Глеб Никитин остановил растерявшуюся от такого неожиданного движения женщину.

– Вашу руку.

И, бережно взяв директорскую ладонь в свои ладони, Глеб совершенно искренне поцеловал её.

– Ну, что вы?! Зачем это?

– Шикарный рассказ. Я благодарен вам и за факт, и за экспрессию исполнения! Спасибо! И за раскрытие секрета несвоевременных ягод сакуры и тиса – тоже. Это очень важно, поверьте.

– Ну, что вы...

Около домика администрации они остановились.

Капитан Глеб протянул руку.

– Возьмите, пожалуйста, и эти ягодки, положите туда же, в салфетку. Заодно посмотрите, насколько они совпадают с теми, вчерашними. Но это так, для перестраховки. И просьба – по возможности, никому и ничего не говорите по этой теме. Даже преданной Валерии Антоновне.... Так будет лучше и для вас, и для всех. Пока такая вот к вам просьба. Договорились?

– Хорошо, хорошо, понимаю...

– Ну, всё. У меня ещё дела. До свиданья!

Пожилая женщина смущённо кусала губы, мяла в кармане халата розовый носовой платочек, то вынимая его, то вновь суетливо пряча.

– Что-то не так?

– Всё так, всё правильно, это я с личной просьбой к вам...

Сделав умоляющим взгляд, директорша взяла Глеба под руку.

– Вы такой решительный, такой находчивый, вы обладаете такой убедительной аргументацией и логикой.... Постоянно хочется вам верить! Правда, правда, не смейтесь! Я с личной просьбой к вам хочу обратиться не для себя.

Глеб заставил себя быть серьёзным.

– ...Не могли бы вы посетить нашу Марию Владимировну?! Она сейчас очень страдает. Родственников у неё не осталось, они одни с дочкой жили.... Знаю, ей сейчас очень плохо.

Никого из наших, университетских, Мария Владимировна не принимает, видеть не хочет, а вот вы вполне могли бы ей ситуацию точно объяснить, подбодрить, а?! У вас же получится! Вы сможете! Не отказывайтесь, прошу вас!

– Но я же совсем посторонний человек для неё! Как объясню причину своего появления?

– Я позову! Позвоню ей, объясню, что так надо! Рекомендую вас, что, мол, вы можете оказать содействие! От имени всех нас.... И не волнуйтесь, я всё устрою! А вы, нисколько не сомневаюсь, сможете правильно поговорить с Марией. Вы же так уверенно распоряжались здесь, в саду, в самые-то трудные минуты.... Ну как, договорились?

– Договорились.

И капитан Глеб Никитин, по-прежнему взволнованный, но теперь уже и восхищённый, во второй раз поцеловал толстенькой директорше руку.

– До свиданья.

Приходилось торопиться.

На такси – и через центр, в район старых, огромных, «горкомовских», как их всегда называли, четырёхэтажек.

В подъезде – внимательная консьержка в отдельной, отгороженной от лестницы комнате. Высоченные общественные потолки, мрачные мраморные лестницы, гулкая высота межэтажий. Прохладно.

– К Марии Владимировне? Да, да, поднимайтесь, они предупреждали. На второй этаж, пожалуйста, восьмая квартира.

По всему было видно, что настоящее горе долгое время обходило эту квартиру стороной.

До последних дней...

Древний дубовый паркет, тяжёлые и тёмные деревянные панели вдоль просторных стен, настоящие бронзовые светильники в прихожей. Высокая входная дверь, впустив, не просто за ним захлопнулась, а солидно, со значением, сохраняя тишину и точность многочисленных замков, на выдохе встала на место.

Не было слышно ни звука, в комнатах не горел ни один торшер из тех, которые были видны от дверей Глебу.

На стене – зеркало в литой узорной раме, накрытое чёрной прозрачной тканью.

И женщина, та, что открывала дверь, тоже, как и зеркало, вся в чёрном.

– Зачем вы пришли?

– Рассказать о том, кто бросал в ваше окно камни почти четверть века тому назад.

– Что?! О чём вы это?

– Мария..., Владимировна, не пугайтесь. Я здесь пробуду ровно до тех пор, пока вы не скажете, что мне пора уходить.

– Какие камни? Вы что?

– Не камни, а так, маленькие камушки. Совсем мелкие, не тяжёлые.

– О чём это вы?! Говорите внятно. Или, наконец, вы толком всё объясните, или, действительно, уходите. Мне не до вас.

– Хорошо. Может, присядем?

По-прежнему хмурясь, Мария Владимировна указала Глебу рукой на ближнее кресло. Молча, не глядя на него, села напротив.

– Двадцать четыре года прошло с тех пор, как ваш отец очень сердился на то, что кто-то по вечерам бросает камешки в окна вашей квартиры. Помните?

– Допустим. Ну и что?

– Однажды он, сильно разгневавшись, даже выбежал на улицу, в темноту, в дождь, с криками, но хулигана так и не поймал.

– Что-то было такое, припоминаю.... Но поясните, ради Бога, что общего у тех событий

и сегодняшним вашим визитом?!

– Я.

– Что – «я»?

– Это я тревожил тогда вашего батюшку, это я бросал камни в ваше окно. Больше не буду, честное слово. Извините.

– Постойте, постойте... Вы были курсантом? Вы – Глеб?!

– Он самый.

Что-что, а с женщинами капитан Глеб Никитин разговаривать умел.

Он всегда заранее знал, какие правильные слова употреблять в каждом конкретном случае, какая интонация будет уместна и приведёт к желаемому результату, что же такое можно сказать в начале беседы, а о чём – не стоит даже и упоминать.

Так было и в этот раз.

Он ехал к матери погибшей девочки, уверенный в том, что должен к ней ехать.

Но зачем?! Чем он может ей помочь?

Как сделать так, чтобы ей не стало ещё горше от его визита?

И что же сказать, чтобы не обидеть?

Поначалу – высокая, статная, красивая, в трауре.

Потом – смятая и незначительная, как комочек ненужной чёрной фотографической бумаги, Мария рыдала, скорчившись в кресле, ничуть не стесняясь.

Тогда, после слов Глеба, она охнула и, враз ослабев долго напряжённым телом, заревела.

Не от давних воспоминаний, не от того, что странно и неожиданно совсем рядом с ней оказался случайный внимательный человек, которого она толком-то и не знала, да и не был он важен для неё никогда.

Горе делает некоторых людей внезапно застывшими, но хрупкими.

Ничто привычное не способно их разбудить.

Так бывает с листом закалённого витринного стекла: можно долго бить в него молотом и не разобьёшь, а можно лишь точно, в какое-то определённое случаем место, один раз стукнуть углком мобильного телефона и – рухнет прозрачная стена, и вырастет у твоих ног груда мелких блестящих осколков!

Человек, который пришёл сегодня к Марии, принялся говорить совсем не о том, о чём с ней пытались разговаривать все остальные люди в эти страшные два дня.

Не о смерти.

Не о дочери.

Не об утрате....

Поэтому-то и прорвало.

И не нужно было рядом с ним отвечать себе на свои же бесконечныеочные вопросы: «За что?!», «Как же так?», «Как жить-то теперь дальше...?»; не было необходимости упоминать в разговоре с собеседником нелепые и страшные слова: гроб, могилка, свидетельство о смерти..., исчезли, хотя бы и на время, обсуждения бытовых вопросов поминок, каких-то вскрытий, майоров, показаний...

Он пришёл и улыбнулся.

Спросил совсем не о том, к чему так напряжённо готовилась она.

И слушал.

А она плакала...

Поначалу громко, взахлёб, неровными выдохами выпуская из себя всё то, что долго и властно держала в себе, привыкшая за годы к жизненному одиночеству, почему-то не позволяя ничего из этого услышать никому из привычных, ежедневных людей.

– Вы вспомнили меня?

– Того, в детстве, под окнами? Нет, конечно.... А вот грубияна, который кричал

недавно..., в беседке, конечно же, узнала. Вы ещё там распоряжались потом...

– Да, правильно. Первый раз в жизни я командовал людьми в ботаническом саду.

– А зачем? Директор сказала, когда звонила сегодня, что вы там грандиозную панику организовали! Но ведь всё же просто....

– Это я от избытка энтузиазма. Показалась, что так может быть лучше.

– А как вы оказались в саду-то? Один, с семьёй? Гуляли?

– Договорился с сыном именно там встретиться, в пятницу.

– Почему так сложно? Живёте не вместе?

– Не вместе. Уже давно.

– Встретились?

– Да. И с ним, и с Иваном. Случайно.

– С каким Иваном...?

Блестящими от слёз глазами Мария внимательно посмотрела на Глеба.

– Так вы всё знаете?

– Иван рассказал мне многое в тот день. И о себе, и о вас двоих, троих...

– Ругался?

– Нет, что вы! Ванька – мечтатель. Он плакал.

Мария, отвернувшись к высокой спинке кресла, зарыдала ещё сильнее, а капитан Глеб, встав, подошёл к плотно зашторенному окну, внимательно посмотрел в щёлку на солнечную улицу.

– Ванька сейчас сам не свой, переживает. Разные вещи неправильные думает...

– А что он в саду-то делал? Нарочно, что ли? Узнал про свадьбу заранее?

– Нет, никакой публичной гадости, никаких скандалов и шума он и не предполагал.

Просто недели за две до этого его устроили туда подсобным рабочим.

– Устроили? Чернорабочим – по протекции?!

– Да, милая Мария, именно так. Существуют ещё в нашей скучной жизни подобные животрепещущие парадоксы. Но исключительно при условии, что они кому-то очень нужны.

– Иван кому-то понадобился?! Кому?

– Вашим близким знакомым. Чумазый Ванька попал в сферу интересов мощных интеллектуалов и профессорско-преподавательского состава вашего родного, Мария Владимировна, университета. Не более и не менее.

– О чём это вы?

– Лупоглазый комендант вас восхищает?

– Не говорите глупостей. Мужлан, моральный урод, есть все предпосылки, что он и те, кто его протолкнул на эту должность, скоро погубят наш чудесный ботанический сад! Его поставили туда, чтобы выжить директора, лишить её привычных условий работы – и заставить уволиться. Но при чём здесь Иван?

– Он – инструмент. Его взяли с условием, что он будет по приказам этих круглоглазых ребят делать разные мелкие гадости для нашего директора, вредить в саду и всё такое прочее. Так они рассчитывали побыстрее уволить достойную женщину и без помех взяться за реализацию своих общестроительных и помывочных планов.

– Вы уверены, что всё так сложно?

– Информация получена из нескольких параллельных источников. Времени, чтобы её проанализировать, было достаточно.

– А Иван знает о схеме? Как он к этой дряни относится?

– Признался. И мне, и директору. Думает, что они уже мстят. И ему, и вам. Вы же тоже всячески им препятствуете, да?

– Чушь!

– Не знаю соусов всей вашей университетской кухни, но ставки, очевидно, высоки. Сегодня в деле был нож. Почему бы не представить, что совсем недавно у ваших интеллектуальных оппонентов возник соблазн попугать и вас? По-страшному, по-серёезному, весомо так предупредить о последствиях упрямства?

– Вы хотите сказать...

– Как один вариантов. Я и шумел-то после всего произошедшего в саду именно поэтому. Хотел разобраться.

– Нет, нет, этого не может быть...

Всё ёщё вытирая запястьем слёзы и всхлипывая, Мария поднялась с кресла, подошла к Глебу, к окну, потом, молча задумавшись, встала около большого письменного стола.

– Может, вам чаю?

– Лучше кофе. И покрепче.

Возникновение душевного восторга, наступающего после трудной и мучительной, в ожидании, победы, лучше всего отмечать крепким кофе. И, желательно, молча. Капитан Глеб делал это неоднократно, и ему нравилась собственная привычка.

«Характер у неё имеется... Славная женщина».

Поднос с чашками Мария поставила у кресел.

Одним движением распахнула тяжёлые тёмные шторы, плавно подошла, опять села напротив Глеба.

– Так лучше.

И не кофе, не чай были главной причиной того, что она выходила из комнаты.

За короткое время отсутствия Мария успела умыться, что-то сделать с глазами.

Чёрные, блестящие, умные.

«Только бы не сломалась за эти дни!».

– Ладно, Глеб, не будем об этом продолжать, на всё воля Божия.... Вы не хотите выпить?

– Нет.

Или ответ прозвучал чрезвычайно резко, или что-то другое появилось в эти секунды на лице Глеба, но усталая женщина о чём-то догадалась.

– Вам не нравятся религиозные объяснения жизненных вещей?

– Весь набор религий мне неинтересен в принципе – на свете есть много других, более жизнерадостных тем. Но, тем не менее, в данном деле покупателей я уважаю больше, чем продавцов.

– Пока непонятно. Это о чём?

Капитан Глеб Никитин осторожно попробовал горячий кофе.

И тут же с восторгом сделал второй глоток.

– Оценивая иногда, в минуты собственного умственного безделья, роль религии в наших незначительных судьбах, я всегда пребывал в уверенности, что именно там, на этих рынках, продавцы чаще хотят обмануть, а покупатели – сами нуждаются в подобном обмане или очень сильно желают быть добровольно обманутыми.

– Это всего лишь мнение. Вы можете ошибаться.

– Могу. Но не ошибаюсь.

Кофе был хорош и Глеб молча торжествовал, зная, что дело свершилось.

– ...Однажды я был свидетелем процесса внедрения православия на территории одной небольшой военно-морской базы. Лет двадцать назад коммунизм изнемог и подался в бега, требовалось его чем-то заменять, поэтому в этом приморском городке все замполиты срочно стали добропорядочными прихожанами, а начальник политотдела базы вовсе считал своей святой обязанностью регулярно появляться в новообразованном храме с пучком свечек в руке, при этом, истово крестясь по воскресеньям, он по привычке пристально наблюдал за моральным состоянием и дисциплиной своих подчинённых.

Назначенный в наш город молодой толстопузый поп отличался на редкость хитрой рожей и хамскими манерами.

Знакомый со многими из морского начальства, и общаясь с большинством горожан, я часто публично смеялся, почти издевался над этими херувимскими явлениями.

Но недолго.

Внезапно мне стало стыдно. Да...

Просто наступило время одной из кавказских войн и морскую пехоту из нашего городка погнали в далёкие горы, усмирять непокорных.

Ежедневно с грузовой станции уходили вагоны, на платформах раскреплялись танки, бронетранспортёры, пушки, уезжали под настоящий вражеский огонь сотни незнакомых мне матросов.

И всех их строем приводили в церковь на прощальные молебны.

Я имел возможность видеть такое.

Их пытались обмануть, а они и сами были готовы к этой возможной лжи! Непонятные и непривычные слова, что звучали в храме, и собственный шёпот молитв были нужнее тем, молодым, что в бушлатах, да в бескозырках, чем профессионально и добросовестно завывающим златоглавым попам...

Их глаза, мальчишеские, испуганные, в надежде, что, может быть, всё это не чушь, что вдруг Он, этот седой стариk в балахоне, на облаке, существует, и что сейчас, в эти минуты, когда никак не спасёт от встречи с будущей шальной пулей ни добрая мамка, ни сильный отец, может Он что-то сделает, услышит и убережёт...? А вдруг?!

И они молились.

Как же эти мальчишки молились!

Неумело, вразброд, поначалу всё ещё по-пацански кривясь усмешками в строю перед своими же, но потом обязательно затихая, меняясь голосом, лицом, взглядом....

Они смогли сказать своё. И свято верили, что кто-то важный, справедливый и всемогущий их обязательно услышал.

Кофе кончился.

Капитан Глеб Никитин ничуть не отвлёкся, когда удивлённая неожиданным красноречием Мария повторно наполнила чашку гостя.

– Но были и другие, постарше.... Вместе с массовыми отправками незнакомых мне матросов, уезжали на войну и офицеры, многие – мои ровесники. Лейтенанты, майоры. С некоторыми я жил по соседству, с кем-то мы дружили семьями, наши дети играли вместе на улице. Они были умнее ребят, призванных на срочную службу, скептичней, образованней. На тех публичных молебнах мало кто из них появлялся добровольно, были у офицеров заботы и поважнее: служба, ответственность за отправку батальонов, семья, прощание....

Эти всё понимали.

Я видел в церкви их жён, молодых офицерских жён.

До этих событий – ни разу, а тут – сразу десятками.

Я слышал их рыдания, стоны, проклятия.

Ни до и ни после в этой церкви не звучало столько проклятий!

Какие там ещё женщины! Просто девчонки, обычные, городские продавщицы, учительницы, врачи, парикмахерши, они ругали и политиков, и войну, и командиров, и своих мужиков, что те не смогли придумать что-то другое, спасительное для каждой отдельной семьи....

И они молились.

Их глаза.

Богородицы, мадонны.... По двадцать-то пять лет.

Им было всё равно, обман эта дряхлая религия или не обман. Для каждой из них это был просто шанс. Крохотный, ненадёжный.... В надежде раздобыть его эти девчонки и хотели быть обманутыми. И молились. А вдруг?!

Вот так вот.

Капитан Глеб Никитин выдохнул, резко встал из глубокого мягкого кресла.

– Так я думаю.

Мария молчала.

– А что касается Ивана.... Вам бы встретиться с ним, поговорить. Не чужие же вы

люди, тем более, что сейчас так всё произошло. Он такой же, не изменился...

Глеб улыбнулся, разведя руками.

– Ну как?

– Посмотрим.

Провожая Глеба к дверям, Мария остановилась в прихожей, включила свет.

– Действительно, Иван всегда был таким, ну.... Закружило тогда нас, при первом-то знакомстве, как с мест каких-то привычных сорвало...

Женщина устало улыбнулась.

– Прощайте, Глеб!

– До свидания.

– Да, Глеб...

Мария приложила ладонь ко лбу, наморщилась.

– А зачем вы приходили-то ко мне?

«Во-от!».

– За вашей улыбкой!

– Но...

А капитан Глеб Никитин уже и не слушал никаких её возражений, сбегая по широким ступенькам подъездной лестницы. Остановился только на первом этаже и крикнул вверх, в эхо незакрытой всё ещё двери печальной квартиры, громко и весело:

– ...Теперь я уверен, Мария, – закончатся эти трудные дни, и вы обязательно будете счастливы! Бу-де-те! До свидания!

Точность – вежливость королей.

И штурманов дальнего плавания.

Его сын был ознакомлен с этим утверждением ещё в раннем детстве, сознательно согласился с ним в отрочестве, поэтому Глеб Никитин и спешил – на встречу с Сашкой и его друзьями опаздывать было нельзя.

Опять – такси, в очередной раз пришлось срочно пересекать весь город.

На свои часы они посмотрели одновременно – и Сашка, и Глеб.

Приветственно махнули руками друг другу тоже очень похоже.

Отец и сын...

В кафе было по-вчерашнему прохладно, лёгкие шторы на окнах всё так же мелко и уютно дробили послеобеденное солнце, смягчая уличный зной, а вот посетителей было гораздо больше, чем в прошлый раз. Впрочем, все они уместились за двумя составленными вместе столиками, были юны и смешливы.

«Сколько же у него друзей...!».

– Привет, коллеги!

Компания зашумела, приветствуя старшего, какой-то паренёк уступил Глебу свой стул, девчонки подвинулись, пропуская его ближе к столу.

– Задачи объяснил команде?

– Нет пока...

Извиняясь, Сашка развёл руками.

– Полномочий не было.

– Правильно, самоуправство в нашем деле ни к чему. Так вот, ребята...

Притихли.

До сих пор всё было для них преддверием интересного и лёгкого приключения, но с первыми же звуками голоса незнакомого взрослого человека они удивились.

Четверо юношей и три девушки, примерно одного возраста, одинаково свободно одетые, похожи умными спокойными лицами.

И напротив – человек, отец их друга, который говорит им такие неожиданно серьёзные

слова.

Крепкий жизненной статью, слегка с сединой на висках, голубоглазый, упрямый и словами, и жестами.

– То, что случилось вчера в ботаническом саду с девочкой, которая была всем вам знакома, – дикость. Молодость не должна умирать по ошибке. Ещё большая мерзость – если молодых кто-то убивает. Я склонен думать, что Алия умерла в результате чьих-то сознательных действий...

– Врёте! Нет никаких...

Сашка вскочил, навалился на плечи готового рвануться из-за стола, покрасневшего от волнения Игоря.

– Тише, тише! Прошу тебя, дослушай!

Капитан Глеб Никитин махнул сыну.

– Ничего. Отпусти парня.

Кашлянул, посмотрел по сторонам, коротко улыбнулся рыженькой Насте, которая вместе с подружками во внимательном молчании застыла напротив.

– ...Сознательные действия ещё не означают наличие умысла убийства. Кто-то мог просто нелепо пошутить, вполне вероятно, что этот человек не отдавал себе отчёта о последствиях своих действий. Уверен также, что именно в этом случае одна группа людей таким варварским способом могла угрожать другим людям, желая соблюсти свои корыстные интересы.

– А как же в этих версиях возможно разобраться?!

В смущении Настя подняла руку, спрашивая.

– Поначалу вариантов было много. Затем ситуация понемногу конкретизировалась. Поясню на простом примере. Вопрос к вам, уважаемый.... Да, да, именно к вам.

Глеб кивнул в сторону одного из ребят.

– Ко мне!? А я-то тут при чём? Я добрый, меня тут все знают, правда же?!

Круглицы весёлый паренёк искренне удивился.

– Не сомневаюсь. Тем более, вас не затруднит ответить на мой вопрос.

Рассуждая, капитан Глеб поднялся, обошёл стол и встал за спиной разговорчивого парнишки. Наклонился к нему.

– Это вы были вчера в ботаническом саду в розовой рубашке?

– Да, я!

Весельчак с гордостью оглянулся по сторонам, ожидая восторженных похвал сверстников по поводу так ловко парированного коварного вопроса.

– Это вы принесли на свадьбу свою бутылку шампанского?

– Да, а что...?

– Это вы, лично, открывали данную бутылку и наливали из неё напиток другим гостям? Эта бутылка была только у вас в руках?

– Да, вроде.... Но что тут такого-то?!

На круглом, ещё минуту назад весёлом лице, появилась тревога. Парень побледнел и съёжился, уже не оборачиваясь на возвышающегося над ним Глеба Никитина.

– Это вы спрятали пустую бутылку шампанского «Брют» под скамью в беседке ботанического сада?! Отвечайте! Быстро!

Громко, отчётливо и строго капитан Глеб Никитин задал последний вопрос, подмигнул только Сашке и направился на своё место.

– У вас, коллега, десять секунд...

Смеясь глазами, понятливый сын украдкой показал жестокому отцу кулак.

– Я, я...

Прочие девчонки и мальчишки с одинаковым выражением недоумённого ужаса и презрительности смотрели на обвиняемого.

– Ладно, расслабься. Налейте ему что-нибудь попить...

Бледный весельчак шумно, с жадностью, выглотал стакан минералки.

– Теперь рассказывай. Просто. Без спешки.

– Я, я... Мама моя, она шампанское не..., она сладкое никакое не пьёт.... У неё голова от него болит, мигрень. Она сама купила сухого, просила меня взять его с собой, наливать ей, когда все будут пить за счастье, ну, чтобы со всеми, радоваться вместе.... Это всё мама, я только....

– Стоп. В наших бедах всегда мамы виноваты. Или почти всегда. На одной из свадебных фотографий – твоя мама и Мария Владимировна, мама Алии? И ты им наливаешь своего эксклюзивного шампанского, верно?

– Да, да, Мария Владимировна подтвердит! Она хорошо знает мою маму! Она всё подтвердит!

Усмехаясь, Глеб оглядел притихший коллектив.

– Ну как, Настя, я ответил на твой вопрос о возможных вариантах?

– Конечно...

В углу хмурый, до сих пор молчавший парень, густо откашлявшись, положил огромные кулаки на приготовленный заранее блокнот.

– А почему этим всем занимаетесь именно вы? Не полиция, не органы? Вы что, профессиональный детектив? У вас есть опыт?

Капитан Глеб Никитин любил разговаривать со скептиками – их вопросы обычно бывали сложными, а отвечать на них получалось легко.

– У меня есть и опыт, и желание. Причём такие, каких нет ни у одного профессионала. В жизни мне доводилось заниматься многим, в том числе случайными бедами и горем близких людей. Мне интересно отвечать самому себе, без протоколов и бумажных отчётов, я всегда сам ставлю точку, когда мне всё ясно.

Наказание преступника – вторично, главное – не допустить, чтобы пострадали невиновные. Меня, например, совсем не устраивает расклад, при котором вы, милые мои и добрые щенята, продолжали бы в общей своей массе коситься на Игоря, за спиной у него тихо рассуждая о том, что это именно он дал Алие те самые ягоды сакуры, от которых, возможно, она и умерла.

Я с этим не согласен.

Вещи, факты и люди должны иметь свои имена. Правильные и точные.

Назвать их так – мой долг.

А если бы этим делом вдруг захотели заниматься героические, с пистолетами, как в телевизоре, профессионалы, то вам, коллеги, пришлось бы сейчас отвечать на подобные вопросы не в привычной и дружеской атмосфере этого уютного кафе, а в полицейском участке, в кабинете какого-нибудь мутного следователя, попивая тёплую водичку из его казённого, почти чугунного графина. Я против и этого.

– Но ягоды же были? Их принёс Игорь, это все знают.

– Это знают все, но болтают об этом немногие.

Глеб пристально посмотрел на удивительно осмелевшего после недавней амнистии круглица паренька.

– Ягодами Алию угощали. Но не все из них были ягодами сакуры.

– Что?!

В этот раз Сашка не успел правильно отреагировать и удержать Игоря. Тот вскочил, пинком отбросив в сторону мешающий ему стул.

– Какие ещё другие ягоды?! Только я давал Але сакуру! Сам рвал, сам принёс и отдал! Из руки пересыпал ей в руку...

– Тис.

– Что – «тис»?

– Уверен, что кто-то уговорил Алию попробовать вместе с твоей сакурой и несколько ягод тиса, хвойного дерева. Его семена очень ядовиты....

– Тис...? А как же...

Игорь как будто бы внезапно ударился о невидимое препятствие, застыл, остановив

взгляд в одной точке на дальней стене кафе, и медленно опустился на свой стул, продолжая что-то по инерции тихо шептать.

Капитан Глеб поднял руку, успокаивая присутствующих.

– Тихо! Почти все вы имели возможность видеть, что невеста пробовала ягоды. А кто из вас, коллеги, запомнил, как именно эти ягоды оказались у Алии? Кто, кроме Игоря, подходил к ней, что-то ей передавал, и она это «что-то» рассматривала, переспрашивала собеседника?

– Она любила сладкое.... Незнакомые ягоды, если они кислые, Алия даже пробовать бы не стала...

Подружка Насти говорила умные слова.

– Игорь уговорил её попробовать сакуру, упирая на романтику. Другой человек мог придумать не менее увлекательный повод, очень подходящий к случаю её свадьбы. Спелые ягоды тиса пахнут мармеладом.

– Аля любила мармелад! Мы с ней всегда его покупали!

И рыженькая Настя опять, волнуясь, по-школьному подняла руку, смело глядя Глебу в глаза.

– Правильно. И сейчас нам нужно выяснить – кто? Кто дал Алие те, другие, ягоды?

Без вопросов, одинаково затихнув за столами, мальчишки и девчонки ждали.

Капитан Глеб Никитин продолжил.

– Много смеяться сейчас не придётся, даже улыбаться, уверен, какое-то время вам не захочется. Предстоит работа. Страшная по своим возможным последствиям работа. Вполне вероятно, что мы с вами найдём убийцу. Того, кто абсолютно сознательно, с умыслом, или же по ошибке, совершил неправильные действия. Не обладая никакими официальными полномочиями, я предлагаю вам заняться такой работой и, в память нашей Алии, найти этого человека. Вы готовы? Согласны?

Мрачный парень ухмыльнулся, опять с шумом опустив кулачище на свой блокнот.

– Мы уже пришли сюда. Значит – согласны.

А Глеб и сам уже видел – готовы.

Ребята зашевелились, стали переспрашивать друг друга, что-то вспоминать. Круглолицый снова налил себе много минералки.

Из-за стола встал Игорь, молча пошёл к выходу.

– Ты куда? Что-то случилось?

Не глядя ни на кого, только махнул рукой.

– Тяжело ему сейчас...

Одна из девушек, требуя внимания, постучала карандашом по столу.

– Скажите, а как мы будем того человека искать? Что каждому из нас нужно будет делать, какие конкретные действия выполнять?

«Милые современные прагматики...».

– В начале сегодняшней беседы я на одном невинном примере показал вам, как при внимательном изучении обыкновенных фотографий можно получить чрезвычайно важную информацию и сделать правильные выводы. Поэтому наша предстоящая работа и заключается в получении информации. Нам нужно будет быстро собрать максимально возможное количество визуальных материалов, фотографий и видеосъёмок, сделанных посетителями ботанического сада вчера, в пятницу. На следующем этапе работы мы проанализируем эти материалы и постараемся отыскать в них что-то важное для нас.

Вот диск с записями видеокамер наружного наблюдения ботанического сада. Посмотрите, кто уходил оттуда в первые минуты после трагедии.

Вчера я заставил многих людей, покидающих сад, под предлогом заботы об их личном здоровье, сообщить мне свои номера телефонов. Вот этот список, распечатанный. По экземпляру каждому из вас.

Капитан Глеб положил бумаги на стол.

– Думаю, что вы сами способны организоваться, распределить эти номера между собой

и оперативно обзвонить всех. Основная тема разговора – по итогам вчерашнего инцидента в ботаническом саду, связанного с возможно неправильным применением антиклещевого препарата, угрожающего посетителям, вы, студенты, официальные волонтеры ботанического сада, просите граждан прислать вам по электронной почте личные фото, которые они, граждане, активно делали вчера в саду. Это позволит соответствующим специалистам определить, кто из уважаемых граждан был в указанное время в районе распыления опасного вещества и кто из них подвергся, возможно, негативному воздействию. К ним тогда приедут врачи. Будет не больно.

– Это что, мы должны врать?!

– О чём?

– Что мы представители ботанического сада, что все посетители там заражены...!

– Врать – нехорошо. Но и таких предельно точных слов произносить не надо. Скажите по телефону только то, что не будет ложью, но заставит людей выполнить нужные для вас действия. Импровизируйте – я дал вам общий сценарий.

У кого-то из них, возможно, нет электронной почты. Предупредите, что немедленно приедете к ним с флэшками, с ноутбуками, что всё это чрезвычайно важно, в первую очередь, для них самих! Деньги на такси, на расходы, на оплату счетов ваших телефонов – без ограничений, у руководителя проекта, вот у этого милого юноши...

Слегка покраснев, Сашка привстал, неуклюже кивнул своим.

– Он же, сейчас, почти мгновенно, сделает для вас бэджики с официальной символикой ботанического сада и вашими именами.

– Всю полученную информацию и интересные контакты по возможности быстро доставляйте в штаб операции, сюда, начальнику штаба... Настя, ты будешь начальником. Справишься?

«И почему у всех рыжих такие зелёные глазищи?!».

– Да, да, конечно.... Я..., я обязательно справлюсь!

– Прелестно. Если возникнет что-то сверхважное – звоните мне, мой номер также указан в распечатках. Или, если вдруг какая опасность...., впрочем, подобных ситуаций старайтесь избегать.

Запомните, ребята, – не все из наших потенциальных клиентов согласятся на добровольное сотрудничество, многие будут грубить, пытаться орать на вас и хамить. Ничего, это объективная реальность, не обижайтесь. Для них ваш звонок – личная обида и неприятность, поэтому отвечайте на грусть вежливо, помните, какая цель стоит перед вами.

Вот такие пироги.

И мрачный парень, и круглолицый, и Настя, и её подружки – все они смотрели на капитана Глеба Никитина так, что он и в этот раз почувствовал, насколько замечательно иметь рядом людей, которые хотят быть твоими друзьями.

– Не обобщайте – да не обобщены будете!

А уж как его Сашка горделиво реял профилем в пространстве в данных-то обстоятельствах!

– Пойдём, выйдем, сынок, остынем немного от важных разговоров.

Остыть не получилось.

Улица плавилась.

Жара полуденного солнца ждала их на крыльце гостеприимного, прохладного только изнутри, кафе.

– Ого! Давай покороче! Я опять туда хочу!

– Не спеши, малыш. Комфорт сильнее всего ценишь во время его отсутствия. Расскажи-ка мне поподробней про Игорька, кто он такой, чем дышит, каких родственников имеет. Странно он как-то повёл себя во время сегодняшнего нашего саммита.

– Думаю, ничего особенного....

Сашка вытер пот со лба, стараясь спрятаться в короткую тень у стены.

– …Игорь учится на химическом, хотел на журналиста, но родные настояли, что, мол, они сами все начальники из пищевой промышленности, вот и ему, как он мне говорил, местечко инженера где-то на рыбокомбинате уже подыскали. Дядька его – бывший милиционер, сейчас комендантом служит в ботаническом саду, Игорь нас всех с ним знакомил, когда весной мы чего-то там праздновали.... Что ещё? А, главное-то, па, вот что! Ты заметил, как Игорь на твои слова о тисе отреагировал?! Как будто взорвалось что рядом с ним! И знаешь, почему??

– Какие-то скорбные воспоминания?

– Почти! На кого, по-твоему, Игорь, похож?! Ну, ну, напрягайся! Вспоминай! Ну, это же все знают, ну...!

– На симпатичного двадцатилетнего парня, слегка кудрявого, в очках...

– На Гарри Поттера!

– А-а...

Реакция отца явно не порадовала Сашку.

– Ты чего, не смотрел фильмы про него??

– Не.... Только слышал, что есть такой детский феномен. Картинки какие-то видел. Впрочем, действительно похож.... Ну, Поттер, Поттер, а дальше что в этом счастливом совпадении физиономий?

– Как ты не понимаешь?! Я тоже, как и ты, не особенно-то Поттером увлекался, а вот они, у Игоря в школе, и парни, и девчонки, все, напрочь зависли на этих книгах! Они и какие-то свои общества там создавали, и игры устраивали общегородские, и таких же, как они, сдвинутых, из Германии к себе приглашали! Не спали, не ели, для них самым главным в жизни были только Поттер, Поттер, Гермиона, и прочие персонажи!

– Ну, с примерами массовых помешательств, основанных на коммерческих интересах устроителей подобных мероприятий, я знаком. Хороший бизнес, системный. А к нашему-то случаю эти сказочники какое отношение имеют?

– Тис! Лабиринты там, в книгах про Поттера, все из тисовых деревьев; волшебные палочки у мудрецов тоже, из тиса выстроганы. Он у них самым жутким деревом является, по их легендам, из тиса ведьмы свой яд делали, а у кельтов тис – вообще, символ бессмертия!

– Ну, допустим, про братский народ кельтов и я начитан, а вот про остальное.... Серьёзно, говоришь, мальчики и девочки на этого Поттера подсели?

– Ого, ещё как! За уши не оттянуть было! Они на остальных одноклассников и смотреть-то не хотели, как будто у них какая отдельная каста, своя, верховная образовалась! А Игоря они очень уважали, потому что он похож на Гарри Поттера, в очках, темноволосый такой....

– Ладно, разберёмся. Информация весьма полезная. Кто ты есть, славный мальчик Игорёк, почти Поттер...?

Капитан Глеб Никитин хмыкнул, задумавшись ненадолго о чём-то далёком.

– Похороны в понедельник, в три. Руководи коллективом, если что – я на телефоне.

– Не переживай.

Отец и сын одинаково спешили.

Каждый хотел как можно быстрее выполнить свою работу.

Жара всегда казалась неприятной для капитана Глеба Никитина только в первые минуты общения с ней. Потом он никакую температуру просто не замечал, ему было всё равно.

Он шёл и думал.

Город раскалился за немногие послеполуденные часы, на мягкий асфальт с утра густо нападали из высоты уличных деревьев мелкие груши, под ногами медово плавились лужицы растоптанных слив и алычи. По-рабочему жужжали осы.

Люди и машины исчезли.

Обычно в выходные дни и в такую погоду они все жадно устремлялись к морю, с одинаковой целью покинуть чудовищно жаркий город, чтобы, в разное время и различными способами оставив его пыльные улицы, через несколько часов вновь встретиться на замусоренных и тесных пляжах местных курортов.

Заметно было, как ненавидят собственную варёную кукурузу лоточники.

– ...И не надо так обиженно сопеть. У меня не было времени. Честно.

Отставив лопату, Иван медленно оглянулся.

В тени высокого дерева стоял улыбающийся капитан Глеб Никитин.

– Точно?

– Поцеловать крест – поверишь?

– Лучше бы пива принёс... Ладно, уговорил, давай перекурим.

По-прежнему голый по пояс, жилистый, потный, в драных рабочих штанах и в пыльных ботинках, Иван выглядел уже по-другому.

Сосредоточенный, тёмный острыми скулами и внимательными глазами.

«Побрился! Помнит, чёрт, о договорённостях-то...!».

Пару небольших бутылок минералки, которые Глеб предусмотрительно купил в магазинчике перед входом в ботанический сад, они разделили по-братьски.

Иван прикончил свою воду залпом, Глеб не спешил, наслаждался мелкими холодными глотками.

– Я больше не хочу. Допьёшь?

– Давай...

Иван допил, размахнулся и точно зашвырнул бутылку в мусорный бак.

– Так будет с каждым.

Они лежали на траве одинаково молча, закинув руки за голову, прищурившись в уставшее от жары светлое небо.

Глеб жевал травинку, Иван беззвучно шевелил губами.

– Послушай...

– Не суетись, новостей пока нет.

– Ладно...

Наблюдая за низким полётом грузового шмеля, Глеб перевернулся на живот, попробовал даже достать длинной травинкой пушистого воздухоплавателя.

– ...Он был осторожен и из осторожности подчас принимал дерзкие решения, а это величайшее достоинство в моряке. Инстинктом угадывая возможное, он меньше боялся вероятного...

Готовый к разговору, Иван тоже перевернулся спиной вверх.

– Хвастаешься?

– Это не обо мне. Он был плохим парнем...

– Тогда зачем вспомнил?

– А-а, просто так. Послушай...

Ощущая некоторое возбуждение в преддверии возможно интересного события, капитан Глеб Никитин бодро уселся перед Иваном.

– Это что такое красное у вас там валяется?!

– Где?

– Справа от трактора.

Всё ещё щурясь от мелких солнечных лучей, пробивающихся через густую крону дерева, Иван посмотрел в направлении, настойчиво указываемом ему Глебом.

– Это пластиковые мешки из-под мульчи. Какую-то специальную сосновую кору из Испании они тут весной получили, посыпали под редкие растения, ну, чтобы по науке всё было.... А что?

– Мешки чистые?

– Не знаю. Пустые, сложены аккуратно, дождиком несколько раз промытые.

– Забавно.... Если я пару штук использую в личных целях, никто шуметь не будет?

– Не, теперь это расходный материал. Мы их под разные нужды уже несколько раз брали, мусор собрать, ну, типа этого.... А ты что придумал?

– Как ты думаешь, мы имеем право немного похулиганить?!

Иван криво ухмыльнулся.

– Так, совсем немного! Не задевая чувств верующих и нисколько не разжигая межнациональной розни! Для возбуждения восторга некоторых дам.... Пошли. Нож есть?

Старый, криво обточенный ножик мягко щёлкнул в смуглой руке Ивана.

– Всегда.

– Дай мне!

Несколько взмахами лезвия капитан Глеб расположил три ярко-красных пластиковых мешка на несколько ровных, но разных по размерам треугольников.

– Притащи, пожалуйста, мне каких-нибудь тонких верёвок, твою лопату и ещё..., грабли! Имеются у тебя в заведовании грабли, Ванька?! Или просто пару черенков от лопат?

– Сейчас посмотрю.

Уже с заинтересованной усмешкой Иван обернулся, собираясь отойти.

– Ты, чудик! Чего мы с тобой тут сооружать-то будем?!

– Сказку, Ванька! Сказку!

Капитан Глеб сутился вокруг пустой рабочей тачки, прыгал из стороны в сторону с кусками красного пластика в руках, примерял их к длинным деревянным палкам, которые Иван притащил из сарай, и успевал при этом ловко вязать сложные узлы на кусках разнокалиберных верёвок.

– Появляться перед той, которая тебя очень ждёт, нужно всегда эффектно. Ты, Ванька, будешь сейчас моим Летикой, а общая схема нашего баловства такова...

К исходу рабочего дня в ботаническом саду обычно оставались самые почтенные и вдумчивые посетители. Время традиционно шумных экскурсий заканчивалось к обеду, терпение семейных прогулок тоже исчерпывалось двумя-тремя часами, а вот примерно в пять сад застыпал в хорошей тишине.

Старички дремали на скамейках в тени аллей, умные люди негромко рассуждали о преимуществах разных сортов очитков или об ароматах мелиссы, кто-то что-то рисовал, мамашы читали или вязали под густыми деревьями, отпустив детей меланхолично бродить по траве, собирая красивые листья.

Они орали от всей души.

Души у каждого было много и переживали эти люди в последние дни тоже сильно, поэтому им обязательно нужно было сейчас кричать.

Вниз, с горки, от невысокого здания администрации к цветникам и грядкам лекарственных растений, по ровной дорожке мчался корабль.

С алыми-алыми парусами!

На корабле гордо стоял капитан и пристально смотрел вдаль.

Блестящий от пота, смуглый и тощий Ванька, грохоча по асфальту огромными грязными башмаками, изо всех сил толкал перед собой тачку, в центре которой возвышался капитан Глеб Никитин.

Одной рукой Глеб держался за высоченную палку, которая была мачтой, а ладонь второй он приложил к глазам, рассматривая горизонт.

И мачта-палка, и привязанная к передку тачки лопата-бушприт, и два черенка от граблей символизировали такелаж, меж которого были прочно и красиво привязаны веревочками ровные треугольные куски красных пластмассовых парусов.

Иван всячески орал, изображая пароходную сирену, Глеб изредка кратко командовал ему «Право руля!» и дополнительно произносил слово «Кар-рам-ба!».

Немногие скромные посетители ботанического сада вместо того, чтобы поспешило уступить дорогу стремительному бригу, как нарочно массово сбегались с дальних аллей поглазеть на это почти литературное зрелище.

На огромной скорости корабль летел меж красивых цветов.

Ванька пыхтел, капитан Глеб был суров.

Маленькая женщина в странной панаме нисколько не испугалась чудовищно непривычного шума, с улыбкой навела объектив на двух великовозрастных балбесов, ожидая их окончательного прибытия и прочной постановки диковинного парусника на якорь.

– …Великая радость жаждет свидетелей! Радость любит толпу; она словно воспаряет, отталкиваясь от этой раздробленной, но единой опоры! Здравствуй, это я!

Марьяна в восторге подбросила вверх свою шляпу и вскинула руки, приветствуя капитана.

– Я так ждала! Тебя не было долго! Какие страны ты видел, мой милый?!

– Придурки. И я тоже…

Дрожа руками и зажигалкой в попытке прикурить, Иван сидел на траве, опёршись спиной на борт тачки, и тяжело дышал.

– Точно, идиоты…

Но глаза его только что повлажнели, то ли от дыма скверной сигареты, то ли от непривычных усилий, то ли ещё от чего, пока неизведанного…

– Думаю, что сейчас семнадцать часов одиннадцать минут.

Капитан Глеб Никитин произнёс это, не посмотрев на свои часы.

– Точно, десять минут шестого.

Удивившись, Марьяна покачала головой.

– Как тебе удаётся так угадывать время?!

– Это тайна. А тайны принято раскрывать исключительно под покровом ночи…

– Сегодня раскроешь?

– С этой целью я и прибыл из дальнего-дальнего плавания. У тебя есть водичка?

Угости, пожалуйста, моего славного кочегара, а то, вижу, он уже не в силах вахту стоять.

Не поднимаясь, на коленках, Иван подполз к ногам Марьяны и с мольбой протянул руку.

– Воды…

– Вы что, действительно братья-клоуны?!

Марьяна расхохоталась.

– Конечно.

Капитан Глеб Никитин продолжал быть суровым.

– Он мне исключительно брат. Наличия такой чумазой сестрёнки я бы не выдержал.

Короче, фотограф, когда ты будешь готова? Мы примчались за тобой.

– Я ждала. Теперь можно идти.

Они замолчали, держась за руки, и пристально рассматривая друг друга.

Она – ждала, а ему так было необходимо это ожидание.

Светлые свободные волосы рассыпались по плечам женщины, глаза мужчины были пристальны и глубоки.

– Хорошо. Побудь здесь ещё пять минут. Мы сейчас вернём казённое имущество на место, а я немножко умою Ивана. Мы скоро…

И он поцеловал её.

Ванька закашлялся, отворачиваясь.

Все самые тяжёлые фотографические сумки и штативы Иван взгромоздил на себя.

– Вам же ещё руками нужно будет размахивать…

Где находится лучший в городе магазин мужской верхней одежды, Марьяна не знала.

И мужчины не знали.

Капитан Глеб предложил проверенный веками вариант.

– Доверимся профессионалам.

На такси они добрались сначала до ближайшей парикмахерской.

Как ни пытался изворачиваться Иван, но тихие убедительные слова Марьяны быстро ослабили его волю и он был тут же, немедленно, помыт головой и пострижен.

Машина ждала.

Таксист взглянул на них, на таких весёлых, хмыкнул, не обнаружив типичных признаков даже лёгкого опьянения, улыбнулся и предложил им проехать в тот магазин, где покупал себе пиджаки директор его родного таксопарка.

– Валяй.

Капитан Глеб Никитин сидел впереди, рядом с водителем, изредка оборачиваясь, чтобы ответить на вопрос Ивана или увидеть блестящие глаза Марьяны.

На скорости в машине шумел приятный ветерок.

– А что это у вас тут такое ровненькое?

По одной стороне широкой улицы, занимая расстояние почти в два квартала, росли, очень точно и аккуратно высаженные, похожие на тоненькие зелёные метёлочки, деревца.

– Это новый сорт каштанов, они в позапрошлом году у нас в городе появились. Весной розовым цветут, так красиво!

Продавцы уютного модного магазина тоже не сразу поверили в серьёзность их намерений. Действительно, трудно было признать в трёх таких разноплановых персонажах достойных покупателей. Загорелая, конопатая Марьяна, в шортах, в разношёрстных кроссовках, в военной рубахе-хаки с закатанными рукавами, в панаме. Чёрный, худой, в простой чистой майке, но по-прежнему в своих чудовищных рабочих башмаках хмурый Иван. И Глеб. Улыбающийся, в лёгких тёмных джинсах, в тонко-полосатой рубашке, в дорогих кожаных мокасинах.

С первого взгляда разобраться в том, чего же можно ожидать от случайного визита разнузданной уличной группировки, типовым менеджерам было весьма трудно и видно было, что они страдали.

Капитан Глеб Никитин всегда вовремя приходил на помощь неплохим людям, точно так же он поступил и в этот раз.

– Кто из вас здесь главный?

Субтильный паренёк с надменным взглядом выступил вперёд.

– Я. Вы что-то хотели?

– Да. Мы хотели бы всё.

– А точнее?

– Точнее...

По-родственному тесно обняв паренька за плечики, хоть тот и сделал жалкую и безуспешную попытку освободиться от железной хватки, Глеб наклонился к нему и заговорил с участием.

– Во-первых, юноша, рассматривать нас с коллегами так подробно не совсем безопасно – мы на спецзадании. Второе – прекратите сейчас же сомневаться в моей платёжеспособности! Я этого не люблю. Вот моя карточка, она имеет опыт делать счастливыми многих продавцов, которые вовремя догадывались быть вежливыми со мной. Далее.... Да. Возьмите нашего почтенного господина и упакуйте его с ног до головы в качественную и стильную деловую одежду, достойную его возраста. А мы, вот с этой дамой в шляпке, ожидая эффектного результата вашей деятельности, не откажемся от чашечки кофе. У вас же принято угождать приятных клиентов кофе?

Паренёк-менеджер молча кивнул, соглашаясь со всем только что услышанным.

– Хорошо. Оказывается, с вами весьма удобно иметь дело. Идите.

И лёгким движением руки капитан Глеб показал всем продавцам, что он доверяет им

немедленное исполнение ими же обязанностей.

Иван попытался сделать тихую попытку сбежать из магазина, взмолившись взглядом, но Глеб показал жестом, как пристрелит его уже на пороге.

…Первым делом продавцы вставили Ивана в шикарные блестящие ботинки. Дальше было проще.

А Глеб и Марьяна уселись за низкий стеклянный столик и снова, каждое мгновение встречаясь радостными взглядами, принялись одинаково улыбаться.

– Ты как, сегодня не устала?

– Всё нормально, хорошо поработала! Это вчера было много сути…

– Я тоже, без особых нервов.

– Ой! А что это у тебя такое?!

Испуганно приложив ладошку ко рту, Марьяна осторожно, пальчиками, прикоснулась к лицу Глеба.

– Ссадина какая-то… Откуда она у тебя? Не больно?!

Капитан Глеб уже и позабыл про свои утренние физические упражнения. Челюсть, конечно, поначалу сильно онемела, но потом, по жаре, да в многочисленных заботах и разговорах, отошла. А вот люди, оказывается, всё замечали…

– Играли в сырщиков. Допустил оплошность, получил штраф в виде оплеухи.

– Кто тебя так?!

– Неважно. Я тут же и отыгрался. Смотри!

Глеб кивнул, показывая на Ивана, которого вели в следующую одёжную кабинку.

– Красавец!

– А он как? Из-за дочки-то?

– Молчит пока, особенно не психует. Приходится время от времени устраивать для него разгрузочные психотерапевтические сеансы…

– Так это ты с парусами, это…?! Ох ты!

В восхищении женщины обычно забавно округляют глаза.

– Совершенно верно. Ванька встряхнулся, заулыбался.

– Можно я тебя прямо сейчас поцелую?!

– А что скажут на это представители отечественной текстильной общественности?

Капитан Глеб озабоченно оглядел простор магазина, но Марьяна уже привстала, наклонилась над столиком и чмокнула его в щёку.

– Ты мой герой!

– Пока я – Ванькина заноза. Послушай, посиди тут немного одна, я загляну к нему, думаю, что испуганному человеку нужна моя скромная помощь…

К флагманскому продавцу, что-то записывающему в большой блокнот, Глеб подошёл скромно и вежливо.

– Ну, как протекает наш процесс?

– Всё подобрали, идёт окончательная подгонка и выбор аксессуаров.

– Классно! Аксессуары для Ваньки сейчас очень важны…

Капитан Глеб задумался.

– Так, приятель, сделай, пожалуйста, ещё одолжение – точно по таким же размерам подготовь полный комплект чего-нибудь такого летнего, лёгкого, ежедневного.

– Чтобы ваш коллега мог немедленно в этом выйти в город?

– Актуальнейшая мысль! Здешний сервис мне уже нравится – буду периодически прилетать сюда из Амстердама за шикарными носовыми платками.

Через пять минут Глеб тронул занавеску кабинки, где с сопением переодевался Иван.

– Тук-тук. Можно? Интим не предлагаю…

– Ну, ещё-то что надо?! Больше ничего я мерить не буду!

– Правильно – не меряй. Окончательно одевайся.

И, перебросив через занавеску стопку летней одежды, Глеб Никитин пнул по ровному полу в кабинку коробку с сандалетами.

— Я жрать хочу! Через мгновение жду тебя у выхода. Если не успеешь — догонять нас на улице будешь в одних трусах, понял?

— Угу...

— Угу, угу. Тоже мне, филин нашёлся.

Шевеление за занавеской почему-то затихло.

— Ванька, ты чего там...? Я загляну, не против?

Капитан Глеб осторожно отодвинул шторку.

Иван стоял перед зеркалом в чёрном костюме, в белой рубашке.

Огромными застывшими глазами смотрел на своё отражение.

— Вот так и на похоронах...

И плакал.

Руки по швам, не вытирая слёз, опасаясь хоть чем-то испачкать строгую одежду.

— Узнаю, кто это сделал, — убью!

— Согласен. Только ты сейчас так сильно не переживай...

Стройный, худой, высокий.

Загорелый, классно подстриженный.

В лёгкой, свободной одежде.

Растерянный.

Марьяна взяла Ваньку под руку. Оглянулась на Глеба.

— Никто же не против?

— Я сейчас...

Глеб незаметно ухмыльнулся, подошёл к старшему менеджеру.

— По финансам у нас всё в порядке?

— Да, вот чеки.

— Упакуйте костюмные вещи отдельно, и рабочую одежду — тоже, не выбрасывайте. Я заберу их с собой. Сколько с меня за эту услугу?

Паренёк повеселел.

— Нисколько! Будем рады ещё раз видеть вас в нашем магазине!

— А вы, юноша, имеете значительные способности к обучению! Дерзайте.

Таксист в очередной раз не подвёл.

И небольшой ресторан, к которому он их подвёз после магазина, был хороший, имел уютный зал и соблазнительно-тонкий, манящий кухонный аромат.

— Остаюсь здесь жить.

Капитан Глеб подал Марьяне меню.

— Прошу, выбирай. Только не колбасу.

— Ах, видите ли, ему не нравится, как женщина угожает его колбасой...!

Глеб, смеясь, отбивался от рассерженных конопатых атак.

— Нравится, очень нравится, прости! Но только в домашнем интерьере.

Ванька притих, не вмешивался в их разговоры, думал о чём-то далёком, изредка улыбался, коротко отвечал на вопросы.

Ел он мало, не спеша, аккуратно.

— ...Это они-то — звёзды?! Да эти мальчуганы и девчушки с попками — просто искорки из мангала, на котором большие дядьки жарят себе вкусное мясо! А рядом, пуская слюни, суетятся журналюги-шестёрки. Размахивают своими продажными газетами, старательно раздувают эти вонючие дымки и тусклые, разок, другой блеснувшие в телевизоре огоньки, рассчитывают на кусочки, которые непременно когда-нибудь упадут и к ним, вниз, из лап этих больших и сытых парней...

— Ты неправ! Бывают же и таланты!

– Бывают. Но где-то там, за горизонтом...

В застольном разговоре Марьяна мельком упомянула что-то про нашумевшего в последнее время эстрадного мальчишку, капитан Глеб ей резко возразил. Над их бокалами с шампанским засверкали молнии.

Иван уже широко улыбался, наблюдая за спором.

– А вот и не подерёtesь....

Тихие слова, совсем не в теме горячего разговора, – и за столиком возникла мгновенная тишина.

Вместе, одновременно, и очень похоже, Марьяна и Глеб захохотали.

– Ну, не прелест ли мой уже не чумазый братишка?!

– Сам такой!

Поели быстро.

Гораздо приятней была прохлада в помещении. После жаркого уличного дня они, в креслах, сытые, по-настоящему наслаждались глубокой пронзительностью незаметных и неслышных кондиционеров.

Было уютно и хорошо.

Выходить на улицу, опять в липкий ужас жары, никому не хотелось.

Как всегда, самые непопулярные среди экипажа решения должен был принимать капитан. И практически командовать – тоже он.

– Ну что? Поехали...?

Машина ждала.

Капитан Глеб Никитин открыл дверцу, приглашая Ивана в такси.

– Заползай. Тебя отвезут.

– Глеб, прекрати! Я и так дойду, а вам ещё аппаратуру тащить!

– Не сопротивляйся. У тебя костюмы – их мять нельзя. А нам – недалеко.

– Ладно...

Не пытаясь быстро сесть в машину, Иван положил на заднее сиденье пакеты и стоял, почёсывая затылок, всё ещё не подавая на прощанье руки Глебу.

– Послушай, Глеб, с деньгами-то за всё это, ну, для меня, за одежду-то...

– Стоп. Послушай теперь мои уверенные и справедливые слова.

Глеб встал перед Иваном, ухватил его за плечи, слегка встряхнул, заставив смотреть себе в глаза.

– Не думай сейчас об этом. Думай о другом. А деньги отдашь после первого же удачного рейса...

– Какого рейса?!

Капитан Глеб улыбнулся.

«Ива-ан!».

– Я позвонил сегодня одному из наших, на курс старше учился, Мезенцев Валерка. Вряд ли ты его помнишь.... Сейчас он директор рыбколхоза. Буржуй, толстый и довольный жизнью. Берёт тебя к себе. Матросом, на прибрежный лов. Так что будешь теперь кушать треску в изобилии. И меня, при случае, угощать.... Ну как, пойдёт?

– Глебка...!

– В машину. Лети быстрей в свой зоопарк, тыфу ты, в ботанический сад, отсыпайся. Завтра обязательно встретимся. И спланируй, поговори по-человечески с женой. Я уверен, что ей это надо.

– Глеб, ну ты...!

– Не видишь, что ли, – меня ждут?! Прекрасная дама, в прекрасной панаме! А ты тут подробные чувства культивировать вздумал. До завтра, Ванька! Спокойной ночи!

Дверца такси хлопнула, машина, шумнув шинами по всё ещё жаркому асфальту, умчалась за поворот.

Скрестив руки на груди и притопывая по ступеньке, Марьяна задумчиво смотрела

на Глеба.

– Ты – хороший.

– Правильно. Поэтому пошли быстрее домой.

Капитан Глеб поправил на плече ремень тяжеленной сумки с аппаратурой.

Рядом, на тротуаре, голуби неспешно клевали первые ягоды опавшей рябины...

Марьяна не была уверена, что успела закрыть входную дверь в квартиру.

Штативы сразу же рухнули в тёмной прихожей на пол, панама упала рядом с ними, когда капитан Глеб Никитин, в молчаливом нетерпении дошагавший по подъездным ступенькам до порога, подхватил маленького фотографа на руки и понёс её в комнату.

– Кроссовки..., не сняла...

Давно уже стемнело.

Отблески далёкой уличной рекламы пытались убедить его в том, что там, внизу, меж асфальта и мрачныхочных зданий есть ещё какая-то приятная жизнь, но крохотный свет ночника здесь, в изголовье, был убедительнее.

Глеб лежал так, как всегда, если приходилось о чём-то долго думать, – с ладонью правой руки под головой.

Машины проносились под окнами всё реже и реже, проезжающие поздние автобусы значительно отличались звуками от прочего транспорта; изредка лихие автомобили громыхали дурацкой музыкой, иногда внизу слышался пьяный смех.

Капитан думал.

В знакомом жёлтом халате, пушистая и маленькая, как цыплёнок, Марьяна вошла в комнату.

– Есть хочешь?

– Колбасу?!

– Омлет, трусишка.... Горячий и большой. Цени разнообразие.

– А ты?

– А ты мне разве не оставишь?! Не вставай, лежи!

Марьяна принесла из кухни деревянный подносик с тарелками, вилками, ножами, с нарезанным хлебом.

– Держи, аккуратней. Сейчас ещё томатный сок...

Омлет закончился удивительно быстро.

Капитан Глеб облизнулся.

– Спасибо. Ты вроде что-то говорила про колбасу, а?

– Ах, ты и обжора...!

– Гурман со стажем, не менее того.

...Низкий свет ночника отражался от жёлтого халата, брошенного на спинку кресла, образуя широкий мягкий круг.

– Ты же ведь одинок?

Задумавшись, Марьяна лежала тихо, опустив голову на грудь Глеба.

– Думаю, что да.

– А почему? Ты не любишь людей? Вроде не так.... Зачем тебе тогда такая жизнь?

– Неизвестный мне древний человек Анаксагор говорил, что живет на свете, чтобы любоваться солнцем. А я имею счастье проводить время с утра до вечера в обществе гениального человека, то есть с самим собой, а это очень приятно!

– Тре-епач...

Глеб нежно перебирал пальцами подсыхающие после душа волосы Марьяны, сдувая со своего лица щекочущие прядки.

– Возможно. Но если, как утверждают классики, жизнь – это песня, то, в моём случае, слова и музыка – автора.

- Умный трепач, и милый...
- Извините, если что не так. Ведь я впервые живу на этой прелестной планете. С усталой улыбкой Марьяна внимательно посмотрела на Глеба.
- А с передним зубом у тебя что такое? Щербинка какая-то.... Давно?
- Отдельная история. Антагонист встретился не вовремя на моём жизненном пути.
- Так сложно?
- Да..., и пиво тогда допить не успели.
- Смешной!
- Быть смешным?! Да никогда! Я только иногда позволяю себе быть забавным. Марьяна замолчала, но ненадолго.
- Продолжали мелькать уличные рекламные сполохи, прозвенел поздний трамвай, тонко тикали часы.
- А постоянные люди в твоей кочевой жизни есть? Друзья? Женщины? Ну, или какие-нибудь принципиальные враги?
- Друзья?
- На этот раз замолчал капитан Глеб Никитин.
- Нет. Наверно, с детства я определил себе понятие «друзья» таким чётким, что сейчас мне приходится жить без них... Друг, по-моему, это так, чтобы обняться перед смертью – и в бой.... Говорить с другом можно лишь, чтобы он с полуслова.... И взгляд каждого из друзей – точный и понятный только двоим. А если по чьей-то дружеской вине случится кровь – то не больно; если же возникнет обида на друга – то до первого летнего дождя. Ну, а враги...
- Глеб ласково взял лицо Марьяны в ладони, увидал её тревожно-ждущие глаза.
- Прощать врагов надо так, чтобы они плакали!
- И надолго тебя так хватит?
- Уверен, что на всю оставшуюся мне жизнь. Половину-то её я с таким невесёлым моральным кодексом уже как-то счастливо прожил! В молодости я не обращал внимания на года – всё лучшее было впереди. Сейчас я дорожу месяцами и неделями. Скоро счет пойдет на дни.... Менять что-то и меняться – поздно. Нужно просто успевать.
- Серьёзно рассчитываешь успеть?
- Вполне. В будничной жизни я привык браться только за посильную работу. Экономлю моторесурс. А остальное.... Если есть, для кого жить....
- Мне кажется, что ты пишешь стихи. Правда?
- Ага. Два стиха написал в своей жизни.
- Прочтёшь?
- Так это ж совсем коротко!
- Всё равно, интересно...
- Глеб уставился в потолок, нахмурился.
- Нет, так сразу не могу! Необходимо техническое пояснение. Смотри – по бортам всякого судна есть отличительные огни, зелёный и красный, а на верхушках мачт – белые, топовые, они необходимы для безопасности мореплавания, чтобы ночью можно было легко определить каким курсом и как относительно тебя идёт встречный корабль. Сотни часов я проторчал на мостике, по долгу службы наблюдая за этими огнями: и в дождь, и в штурм, в туман.... В тишине, в одиночестве, в океане. Как-то ночью мы лежали в дрейфе, с неводом, полным марокканской сардины, а вокруг нас в темноте, с криками, кружились сотни голодных птиц, вот именно тогда и придумалось несколько строчек...
- Ну, читай же!
- ...Зелёные птицы и красные,
вдруг белые в те же мгновения,
Не редкие и не прекрасные,
без перьев чудесных и пения...
- Глеб замолчал.

– И всё?!

– И всё. Зачем больше? Такими я увидел этих птиц. Мне – достаточно.

– А в каких странах ты бывал? Что запомнилось больше всего?

– Бывал – везде. А запомнилось? Пожалуй, Исландия....

– Там же холодно?!

– Не очень.

Капитан Глеб заложил под голову обе руки, мечтательно улыбнулся.

– …Однажды наша промысловая флотилия во время шторма отстаивалась около Исландии за небольшими островками, а каждый капитан, чтобы не мешать якорями соседу, выбрал себе «свой» мыс. Наш траулер оказался дальше всех. Штормило долго и нудно, закончилась вода, мы почти всей командой съехали на шлюпке на берег. После океанского рёва, грохота мутных волн и изматывающей качки перед нами внезапно открылась густо-зелёная тихая долина, послышалось мычание больших коров, поблизости виднелась чистенькая ферма с черепичной крышей, а её хозяин пригласил нас в гости. Почти неделю мы, пережидая шторм, смеялись, отдыхали, пили пиво, устраивали скачки на маленьких лохматых лошадках. Это – запомнилось лучше всего. Чёрт возьми, послушай!

– Чего?

Марьяна заблестела глазами, присев на кровати, закутанная в одеяло.

– Ты чего так кричишь-то?

– Послушай, ты же говорила, что у тебя этим летом было очень много работы?!

Правильно? А на море ты хоть раз выбиралась? Просто купаться?

– Нет. Не получалось как-то…

– Вот. Об этом и речь. Где твои кроссовки?

– Зачем?!

– Я – болван! Рассказываю тут тебе сказки про различные морские прелести, а ты ещё ни разу и не купалась…. Я – точно болван. Поехали!

– Ку-уда?! Сейчас же ночь!

– Именно. Я должен посмотреть на тебя при луне. Не спорь. Море близко – успеем до рассвета. Пошли!

Ночник, жёлтый свет, тихо.

И двое – как в начале всей жизни, стоят, приникнув тесными телами.

Она – закинув голову, смотрит вверх, в его глаза; мужчина одной рукой прижимает её к себе, ладонью другой нежно трогает завитки мягких волос.

В ночном субботнем городе остановить такси – не проблема.

Капитан Глеб коротко и точно объяснил водителю, куда им нужно ехать.

В те давние времена он хорошо изучил пригородное морское побережье, отыскивая для своей прежней семьи уютные и спокойные места в дюнах.

Днём там не бывало много людей, а по вечерам – вообще никого.

Марьяна дрожала, прижавшись к Глебу, – непривычная ночная прохлада и неожиданное приключение взволновали её.

– А там сейчас не волны?

– Нет. Тебе понравится.

– Ты что, про погоду знаешь всё?

– Зачем про неё знать много? Только самое необходимое…

Капитан Глеб обнял Марьяну, подышал ей за ворот курточки, согревая.

– …Почти тысячу лет тому назад в этом городе был кинотеатр....

Сказочные интонации в его голосе прозвучали так забавно, что Марьяна не удержалась и фыркнула в своей тёплой норке, а Глеб в ответ – улыбнулся.

– …А в этом кинотеатре служила администратором одна славная и ответственная женщина. Она настолько серьёзно относилась к своей работе, что каждое утро, прия-

на службу, обязательно звонила знакомым военным гидрометеорологам и уточняла у них прогноз погоды. Если в этот день предстояло усиление ветра или же и вовсе планировалось штормовое предупреждение, она, эта женщина-администратор, срочно распоряжалась снимать рекламные афиши с фасада своего кинотеатра, чтобы их не сорвало порывами и не унесло. Это был живой барометр. Так жители привыкли точно и вовремя узнавать о приближении штормовой непогоды в своём городе.

– Здорово! А сейчас?

– Сейчас появились компьютеры, а женщина-барометр, узнав о них и обидевшись на такой прогресс, ушла на пенсию...

Мелькали жёлтые фонари на ночном шоссе, в машине звучала тихая музыка. Вырвавшись за город, таксист ушёл со связи, треск эфира, голос диспетчера и множество ненужных в эти минуты слов исчезли.

– Вот здесь, у поворота. Нет, ждать нас не нужно....

Глеб шёл по песчаной тропинке между дюн, легко вспоминая свои прежние шаги.

Ничего не изменилось – такая же роса на низкой, жёсткой траве, огромная луна, тихий и ровный шум мелких морских волн.

– Не холодно?

– Ноги уже промокли...

– Потерпи немного, сейчас согреемся. Встань вот здесь, посмотри пока на море, я быстро...

С вершины плоской прибрежной дюны ночное пространство перед ней казалось бесконечным.

Марьяна зябко охватила плечи ладонями.

Привычные звуки остались за спиной, впереди расстипалось серебряное море и пронзительно-чёрное небо над ним. И луна... Тяжёлая, литая, с мягкими изъянами серых узоров.

Справа, в невидимом соединении моря и берега, изредка вспыхивал тонкий огонь маяка, а дальше, на еле различимой высоте над горизонтом виднелись точки ночующих на рейде кораблей.

Тишина.

– Ну, ты как?

Капитан Глеб возник из темноты бесшумно, с охапкой сухих сосновых веток в руках.

– Сейчас мы сделаем костёр, и тебе сразу же станет тепло.

– А спички?

– А вот они.

Жестом фокусника Глеб достал из кармана коробок.

– А откуда они у тебя?! Ты же ведь вроде не куришь?

– А из твоей кухни, я же предусмотрительный.

– А тогда почему ты не куришь? Здоровье бережёшь?

Глеб опустился на колени, несколькими одинаково ловкими движениями наломал мелких веточек, чиркнул сразу же тремя спичками и поднёс шипящий огонёк к дровам, прикрыв его с боков ладонями. Из-под нижних веток тонко высунулись вверх, немного помедлив, острые языки уже почти серьёзного пламени.

– Ну, не волшебник ли я?!

Марьяна ласково погладила Глеба по затылку.

– Погоди, сейчас ещё не то сделаю...

То через колено, то наступая ногой на кривые сучья, Глеб принялся с азартом ломать принесённые из темноты толстые ветки и складывать их около костра.

– Бросай туда, где огонь посильнее...

И снова исчез за пределами чуть светлого круга.

Марьяна присела, отворачиваясь от первых суматошных искр, с треском летящих

по сторонам от сгорающей сухой хвои. Лицу уже становилось жарко. За спиной опять зашуршали сосновые ветки.

– Ну вот, на первое время нам должно хватить.

Невидимый в полусвете, капитан Глеб опустил на землю несколько длинных сосновых веток, которые подтащил к костру волоком.

– Горные сосны здесь прочно в песке держатся, упрямо стоят, а эти, которые повыше, часто в шторма падают.... Ну что, милый мой фотограф, согрелась?

– Почти. Давай, сделаем костёр побольше, поволшебней, ладно?

– Запросто.

Толстые сухие сучья ломались под ногой с одинаковым хрустом, пучки красной хвои шелестели, мелкие прутья, чуть отсыревшие в вечерней росе, сначала упрямо напрягались, а потом всё равно послушно трещали в руках Глеба.

Древесную мелочь и кривые обломки он бросал в растущий прямо у них на глазах огонь, а палки поровней откладывал в сторону.

– Их будем брать позже.

Марьяна встала между костром и луной.

– Так лучше видно море...

– И твои глаза.

Капитан Глеб выпрямился, оставаясь с другой стороны огня.

– Я согрел тебя?

– Уже давно.

Обойдя костёр по кругу, Глеб побросал в огонь всё оставшиеся по сторонам мелкие ветки. Пламя уже начинало ровно гудеть, раскаляя собой ещё не прогоревшие толстые головешки.

Он подошёл к Марьянне, обнял её со спины.

После взглядов на яркий огонь пришлося ждать прояснения горизонта.

– ...Смотри, они, возможно, пришли сюда из далёких стран, месяцами им приходилось преодолевать южные океаны, а сейчас – стоят у этого берега, ожидая своей очереди захода в порт. Мне приходилось переживать такое. Шесть месяцев рейса позади – и огни нашей пятиэтажки уже видны в бинокль, а приходится ещё ждать.... Именно тогда я и решил, как это скверно – напрасное ожидание.

– А когда мы будем купаться?

– Ого! Ты маленькая, но отважная!

– Трепач.

– Двадцать два.

Близкий и мощный огонь костра не давал им даже возможности задумываться о неприятностях ночной прохлады. Они помогали друг другу снимать одежду и смотрели своими блестящими глазами в глаза, сияющие напротив.

– Бери. Не бойся! Держи, чуть наклоня... Во-от так! Молодец.

Глеб поднял из костра два толстых сосновых обломка, пылающих как факелы, один протянул Марьянне.

– Пошли.

От костра, по тёмной траве, нагие – к морю.

Оранжевый свет колыхался в руках, отражаясь в росе под ногами.

Несколько быстрых шагов – и они остановились, Глеб осторожно взял у Марьянны её факел и воткнул оба в прибрежный песок, в метре от воды.

– Не бойся, в этом море в начале ночи вода всегда тёплая. Идём...

Весь земной мир остался позади.

Темнота и свет луны.

Даже шорох мелкого прибоя – уже не здесь.

Они плыли рядом, медленно, прямо к луне.

Такого в её жизни не было никогда.
И даже ничего похожего на эту ночь – не было.
Как будто мгновенно растаял кусок острого льда в теле – и прекрасно!

Своей рубашкой Глеб вытер волосы Марьяне, закутав её, смеющуюся, с головой, в длинные рукава.

– Твоя одежда должна быть сухой.
– А твоя?
– Меня беречь не надо.

Всё, что было приготовлено им для костра, капитан Глеб, когда они только вышли из воды, бросил в огонь. Пламя с шумом взметнулось в высокую темноту.

– Грейся, отважная! И одевайся, одевайся! Тоже мне, наяда нашлась, простынешь...
– А вот и не буду!

Скорчив рожицу, Марьяна показала Глебу язык.

– Останусь так и всем на свете скажу, что в этом виноват ты!
– Мне тогда будет, чем гордиться! Быстро одевайся, а то...!

Марья смешно взвизгнула, отпрыгнув на другую сторону огня.

– Слушаюсь, о повелитель!
– Вот такие рапорты о боеготовности и приносят победы великим армиям...

Глеб закатал джинсы, свою обувь они несли в руках.

Роса на холодной траве уже не казалась им чужой.

К дороге они вышли быстро, идти по асфальту шоссе было приятно – он почти полностью сохранил своё дневное тепло.

– Как здорово!
Марьяна улыбнулась, переступая босыми ногами по асфальту.
– А как мы вернёмся домой?
– Пешком. Такси не получится вызвать.
– Почему?!
– Я, кажется, оставил телефон у тебя дома.
– Тогда спорим, что ты уже проголодался?
– Жестокая...

Судьба не позволила им войти в город на рассвете.

Дребезжащий свет фар настиг их уже через пять минут после того, как они добрались до шоссе, капитан Глеб повернулся лицом к попутной машине и встал на середину дороги, сразу же показав серьёзность своих намерений.

Заскрипев тормозами, грузовик остановился в метре от него.
Щурясь из-под ладони на свет, Глеб улыбнулся.
– Приятель, срочно нужно в город! Заболела любимая бабушка! Подкинешь?
– И внучку с собой берём?
– Обязательно! Без неё меня лишат долгожданного наследства!
– Прыгайте в будку! Стучите – там откроют.

Через свет фар водителя не было видно, но Глеб крикнул в спешке, на бегу, туда, в направлении кабины:

– Пиво за мой! Много!
– Я езжу только на водке....

В одном из домов пригорода прорвало водопровод, почти после суток работы на аварийном объекте бригада сантехников возвращалась на базу.

По полу грязной будки каталась уже ненужная чугунная фасонина, дребезжала щеколда скрипучей дверцы инструментального шкафа, глухо грохотали на поворотах, сталкиваясь расцарапанными боками кислородные и ацетиленовые баллоны.

Мужики устали.

Один из них, в брезентовой куртке сварщика, протянул руку Марьяне, помогая ей подняться в будку, другой, толстый и краснолицый, сразу же начал приюхиваться к рубашке капитана Глеба.

– А чего это от вас костром-то несёт? С шашлыков, что ли, так припозднились?

Работяги понуро устроились на продавленном, чудовищно грязном диване.

Старший из них заботливо усадил Марьяну на какой-то разодранный пушинка.

Глеб присел на корточки у стенки, держась за тяжёлый сварочный аппарат.

– Где мебель-то собирали, коллеги?

– В подвалах, на чердаках.... Там много чего полезного валяется.

Внимательно рассмотрев при свете мутной потолочной лампочки неожиданных попутчиков, в первую очередь, конечно же, Марьяну, толстый недовольно проворчал, укоряя соратников.

– Просил же всех не курить.... Накурили тут – аж крыша поднимается!

В углу дивана хранился третий.

На одном серьёзном ухабе аварийку сильно тряхнуло, будка заскрипела особенно жалостливо, сонный мужик скатился со своего скорбного ложа и стукнулся лбом о незаметную до того времени кувалду на полу. Молча поднялся, сел рядом со своими.

Борода, липкие пряди волос. Шляпа задом наперед.

Не глядя ни на кого, не до конца ещё проснувшись, грассируя, сантехник начал рассказывать всем о посещении им какой-то особенной пивнушки, о неполных стаканах, о неудавшейся жизни. Наклонился, пошарил в потёмках у себя под ногами, бережно достал из рабочей сумки неуверенную бутылку с давно сорванной этикеткой, отпил из неё несколько глотков и стал читать стихи.

Ни для кого, в темноту, уставившись взглядом в толстые металлические туши кислородных баллонов.

– Таня, Танюшка, дальняя подружка....

Потом его начало рвать.

Капитан Глеб Никитин жестом поднял Марьяну, быстро сам сел на изувеченный пушинка и посадил Марьюну себе на колени, спрятав её лицо в вороте своей рубашки.

– Доедешь? Или давай лучше выйдем?

Марьяна молча ходила, стукая его кулаками по плечам.

– А ты, оказывается выносливая, хоть и дерзкая особа...

Поэт тяжело откашлялся, утёр рот нечистым рукавом и начал убеждать всех присутствующих, что он, вообще-то, непьющий.

– Брагу делаю дома не для себя, ни в коей мере.... Ребята хвалят качество! Я вчера опохмелил троих наших! Сам выпил кружку...

Почувствовав, что проговорился, остановиться уже не смог и продолжил признаваться по инерции.

– Цéлюю.

Подумал немного, почесал грязный нос и добавил в задумчивости приятных воспоминаний:

– Два раза...

Потом мужики обсуждали какой-то сложный объект, стерву-диспетчера, делали прогнозы в отношении предстоящей спиртовой промывки шлангов. Толстый, рассказывая о жизни своих родственников в далёкой башкирской деревне, вдруг громко загоготал.

– ...У них там, в посёлке, свиньи хоботами весь пол съели, а лошадь лицом стекло выдавила и нюхает столовую...

Потом аварийка остановилась, водитель грохнул из кабины кулаком по стенке будки и заорал через окошко:

– Эй, внучата! Приехали, город! Нам сейчас на окружную нужно будет поворачивать, а вы – выходите!

Мило попрощавшись с трудовым коллективом, Марьяна спрыгнула в объятия капитана Глеба. Он поцеловал её, запыхавшуюся, пахнущую остатками дурного курева и выпитым другими людьми самогоном.

– Извини.

– Ничего, ребята колоритные. Почти до дома нас подвезли!

– Ага. Ещё раз извини за такое возвращение.

– Да не извиняйся ты! Всё нормально!

– В каждом споре истина – всё-таки не в руках спорщиков, иначе они бы не горячились....

– Хорошо. Тогда оставлю тебя без горячего.

– Действительно, я очень хочу есть!

Тихо.

В городе было тихо.

В этот пока ещё совсем не предрассветный час солнце обозначило себя чуть розовым восточным краем горизонта, но не спешило делать даже продольные улицы светлыми.

Они так и шли, босиком.

Городской асфальт тротуаров казался сухим и тёплым, по его ровной поверхности ступать было гораздо приятнее, чем по росистой обочине шершавого приморского шоссе.

Глеб взял у Марьяны её кроссовки, и она, задумчивая и тихая, шагала, засунув кулачки в карманы куртки.

Проехали, обогнав их, две оранжевые мусорные машины, прозвенел где-то далёкий рабочий трамвай.

– Так ты не куришь из-за принципа?

– Ага.

– Из-за какого же?

– Не люблю просить. Не люблю стоять перед человеком с протянутой рукой. Это только на первый взгляд может показаться, что просьба дать закурить или зажигалку – такая обычная, но ведь любая просьба – это всегда унижение! Даже в мелочах. «Дай мне того, чего нет у меня....». Не хочу.

– Так и не проси. Имей всегда свои сигареты.

– Тогда другие будут передо мной унижаться. Что, возможно, ещё хуже.

– Ладно. Это я немного устала...

В темноте под немыми фонарями им приходилось быть внимательнее.

После одного из перекрёстков капитан Глеб тронул Марьяну за плечо.

– Осторожнее...

Метров десять тротуара перед ними было засыпано смешными, толстенькими, приплюснутыми по вершинкам, желудями.

– Это дуб австрийский...

– Не порань ноги.

Дом Глеб узнал.

Сам, не уточняя и не переспрашивая, направился к нужному подъезду.

– Смотри, какое шикарное объявление!

На бумажке, криво приkleенной на подъездной двери, крупными буквами было выведено: «Куплю Землю...», и дальше ещё что-то про необходимое количество соток и коммуникации.

– Действительно!

Согреваясь, Марьяна замерла в объятиях Глеба.

Возвратившись домой, почти переступив порог, они не спешили.

– А вот ещё одно! «Танец живота для начинающих». Какой живот у начинающих?!

И снова – горячий кофе, жёлтый халат, свет ночника.

И снова, согретые, они удивлялись телами друг другу, вспоминая огромную луну над ночным морем.

– Я, наверно, уже не усну...
– Я тоже...
– Ты что хочешь на завтрак?
– Буду рад любой вкусной еде.
– А что ты сам любишь готовить?

С любопытством и в ожидании интересного ответа Марьяна положила на грудь Глебу руки. Он лежал на спине, рассматривая рассветные узоры на прозрачных шторах.

– Мясо. Или большую рыбу. То, с чем нужно обязательно повозиться, поработать, прочное, убедительное...

– Расскажи о чём-нибудь таком, а?!

– Слушай.

Мгновение помолчав, капитан Глеб Никитин улыбнулся.

– Я про океан.

...Можно длинную жизнь прожить рядом с человеком, так и не узнав, каков он собой, что таит в душе, на что способен сегодня, каким окажется в следующее мгновение, а вот иногда, если уж очень посчастливится, можно за короткое время, в промежутке двух странных ночей точно угадать человека, и по вздоху его, по блеску глаз, по улыбке совершенно правильно понимать, о чём он сейчас думает, и какие удивительные картины встают в эту минуту перед его мысленным взором.

Марьяна была уверена, какими словами Глеб будет говорить ей о своём любимом океане. И была рада, что именно она слышит в такую ночь его рассказ.

– ...Океан кормит. И неплохо. Однажды наш экипаж сильно поиздиржался в чужом порту на ремонте, за полгода береговой жизни мы истратили все свои авансы, поэтому капитан и разрешил мне, а я был тогда вторым помощником, отвечал за продовольствие, организовать кормёжку ребят продуктами, рассчитанными на длительный предстоящий рейс. Но предупредил всех, что на промысле нам придётся дружно питаться только тем, что поймаем. Мужики согласились.

В Гвинейском заливе мы тогда промышляли желтопёрых тунцов – гигантских стремительных рыб со скорбно сжатыми ртами. Каждый – больше ста килограммов, плотные и вкусные особи.

Повар в том рейсе был асом в своём деле, баловал нас так, что экипаж даже и не чувствовал, что все макароны, колбасу и консервы мы давно уже съели на берегу.

Главным блюдом были тушёные тунцовые рёбрышки. Толщиной с палец, а мясо у жёлтопёрых – не хуже качественной телятины, сочное, розовое! Не отличить.

Мы много работали, уловы радовали десятками тонн, аппетит у коллектива был соответствующий.

Сложился обеденный ритуал – и никто даже не подумал изменить его до конца рейса – на второе всегда подавались тунцовые рёбрышки. Кто-то просил по два, кто – по три штуки. По четыре не съедал никто – слишком сытно, а повар страшно сердился, если на тарелках оставалось недоеденное. Кусок хлеба – в подливку, компот из сухофруктов – на третье, лучшего и не могло быть!

– Ну, разве ты не перфекционист?!

– Я – реалист, с уклоном в поклонение низменным инстинктам.

– Не верю!

– Хочешь, я прямо сейчас наглядно продемонстрирую, как поступают настоящие мужчины с колбасными запасами, случайно обнаруженными в домашних холодильниках не верящих им женщин?

– Ага! Всё-таки моя колбаса привлекает гурманов?!

– Ещё как. Вообще-то я выгодный – ем мало.

– Есть шанс доказать это...

И под серой луной, и на смятых простынях, и за крошечным кухонным столиком они продолжали удивляться, каждое мгновение имея возможность видеть друг друга по-иному.

Верхний свет просторного абажура делал близкое лицо Марьяны пронзительнее, чётче, старше, но Глеб точно знал, что оно всё равно прежнее – первоначальное, как и в то самое цветочное утро, чуть растерянное и неуловимо упрямое.

А она впервые в своей жизни ощущала совсем рядом пристальный взгляд такого близкого ей и одновременно отдалённого от всех остальных людей мужчины.

Они вместе чувствовали, как недолгий миг такой встречи, что совсем скоро расставание...

Именно поэтому и было важным для них успеть многое услышать, а спросив, как можно больше узнать, да так, чтобы потом, когда что-то на протяжении жизненного пути непременно позабудется или слукавит память, или придётся некоторое из услышанного исказить с целью собственного удобства, быть уверенным, что всё остальное – правда.

– А вообще-то из меня не получится хорошего повара.

– Почему?

– Чувствую, что чрезмерно брезглив для такой профессии.

– Тянет часто мыть руки?

– Нет, тут другое, скорее изобилие собственных условностей. Самое невозможное для меня – грязный нож. Не помню когда, но однажды я решил, что грязь на острой стали оружия или инструмента – это дико, и теперь любой нож, который оказывается поблизости от меня, я тщательно мою. Даже чужой, не говоря уже о своих, привычных. Не могу представить себе меча короля Артура в бараньем сале или с остатками засохшей вражеской крови.... Из других бытовых примеров – всегда стремлюсь унизить человека, жущего прилюдно семечки. Мерзкое зрелище. Брезгливо, до рвоты, отвращение вызывает и общественное, групповое сосание кальянов...

– Всегда и везде? Может это болезнь у тебя такая сложная, гигиеническая, не помню уж её названия-то, а?

Марьяна смеялась, глядя прямо ему в глаза, а Глеб улыбался в ответ сам и ничуть не смущался именно такому вниманию.

– Нет, конечно же, не всегда! Вот техническая грязь – это не грязь, приходилось мне есть и сырую картошку, и хлеб, наполовину с дорожной глиной, и гальюны драить голыми руками.... Но вот нож – он всегда должен быть чистым!

– Я тебе верю.

– Это хорошо.

В эти минуты капитан Глеб думал о многом. Говорил – тоже, но пока не о самом главном.

– А ещё я не умею болеть...

– Это вообще здорово.

– Мне нравится смотреть, как ты пьёшь чай, смешно закутавшись в халат. Хочешь, я принесу тебе чаю?

– Хочу. Неси.

...Далёкий свет на кухне, шипенье чайника и осторожный стук чашек делили весь мир надвое.

В усталости такой странной ночи Марьяне начал сниться удивительный сон.

...Как будто она знала человека, который долго стремился к вершине.

Это была его единственная цель, его жизнь, его страсть.

Он лез, ломая ногти, оставляя на скалах капли крови.

Марьяна ясно слышала, как ещё в начале пути кто-то из опытных людей сказал ему, что в этих горах он будет один, поэтому нужно быть предельно осторожным. Он знал, что сорвется – никто не поможет, друзья далеко внизу.

Она знала, она видела, как ради своей вершины он жертвовал многим, лез, полз, карабкался. Ломал пальцы, снова лез. И вот....

Нет, до сверкающего пика ему было ещё очень далеко, вокруг были только грозные камни, он оглядывался: есть ли эта вершина?!

На одной из холодных скал этот человек встретил другого человека, тоже осторожного, и так же неимоверно израненного. С первых слов, с первых же взаимных взглядов они решают: «Дальше – в одной связке!». Но нужны ли им теперь их вершины?! Безусловно! Какие? Неважно....

Они вместе. Теперь каждый из них знает: кому-то одному упасть уже не получится – погибнут оба. Все движения, решения и дела – теперь в заботе не о собственном одиночестве, а о жизни двоих.

Марьяна кричит в огромную пустоту: «А как же вершина-то?!».

И сверху, гулко и невидимо ей отвечает голос: «...Вершина ждет других одиночеств, которым еще предстоит встретиться на пути к ней».

– Ваш чай, уважаемая.
– Что?! Я задремала?
– Ты уснула.

– А еще отец мне в детстве рассказывал историю, я плакала...

Взворошенная коротким сном Марьяна действительно забавно закуталась в свой халат и осторожными глотками пробовала чай.

– Вкусно!
– Шоколад поломать?
– Давай!

Всё еще тихо за окном.

Там постепенно возникали, конечно, какие-то автомобильные шумы на дороге, но как-то неуверенно, не по-рабочему, не активно.

Скоро будет воскресное утро.
Скоро...

– Отец видел, как я трепетно отношусь к разным червячкам, к лягушатам, курицам, поэтому как-то, без умысла, и рассказал мне про случай своего детства. Множества других историй и не надо, чтобы дочка с тех пор стала доверять отцу...

Он, еще маленький, с родителями, жил в послевоенной степи. В их зверосовхозе разводили норок, лисиц, а на корм этим ценным пушным зверям готовили много разной другой животины. Гнали табуны старых лошадей, рефрижераторами возили из дальних степей тысячи черепах, однажды из незакрытой машины они расползлись по всему поселку, с хрустом лопались в грязи под колесами машин и тракторов.

Как-то летом в посёлке появилось целое стадо осликов или ишаков, маленьких, ушастых, их тоже пригнали на убой, на корм чернобуркам... Папа со своими друзьями-второклассниками пробрались тогда на ферму, угнали себе по ослику и стали кататься на них по делам: на рыбалку, купаться на озеро. Наивно думали, что убыль незаметная для такого-то огромного стада, да и ишачки были уж очень удобные, ласковые, игрушечные.

Но директор поймал двух мальчишек, оштрафовал их родителей. В те-то строгие времена... Мальчишек наказали, а они решили отомстить. Ночью открыли все ворота фермы, и выгнали осликов на картофельное поле. Под утро в посёлке возникла страшная паника.

Ослики были упрямymi, не поддавались ни строгим крикам, ни командам, никак не табунились, разбежались по двое, по трое, весь коллектив зверосовхоза замучался их ловить! Ну, никак не получалось! И картошка на глазах у всех гибнет, и учтённое государственное имущество разбегается. Тогда директор, сам, на персональной машине, приехал к пацанам, на улицу, с мольбой-просьбой: «Ладно, берите каждый себе по ослику, пользуйтесь! На забой вернёте. Только помогите их сейчас всех собрать!».

Мальчишки согласились. А на время массового осеннего забоя они все убежали из поселка на озеро. Плакали без стеснения там весь день, зажимали уши, чтобы не слушать далёкие стоны ишачков на ферме...

- Твои родители живы?
- Да, стареют потихоньку.
- И моя матушка седая совсем...
- Не грусти.
- Мой девиз – «Спокойный среди бурных волн».
- Тре...
- Тридцать три.

Из кухни в комнату, с чашками и подносом, капитан Глеб Никитин ходил опоясанный большим банным полотенцем.

- А ещё...
- Тоже печальное?

– Нет, скорее наоборот! В школе коллеги как-то по случаю рассказывали. Семья пенсионеров на время отъезда доверила молодожёnam, детям давних знакомых, свою дачу. Мол, и те отдохнут от родителей, вроде как подарок им на медовый месяц, да и дача не останется без присмотра. И, главное, об оставленной там живности нужно было позаботиться: о коте и черепахе. Первые дни молодые ребята честно звонили старикам, что всё хорошо, что к ним в загородную резиденцию приезжают интересные гости, что они устроили там уже не одну вечеринку, а потом как-то подозрительно замолчали.... По приезду хозяев тех ждало честное признание, что сначала с территории их дачи пропал кот, а потом – убежала черепаха. Старики упрекали молодожёнов: «Что же вы пили-то там, со своими гостями-то, если от вас уж и черепаха сбежала...?!».

- Держи, вытири руки.
- Глеб подал Марьяне полотняную салфетку.
- И чашку давай, отнесу.
- Спасибо, было очень вкусно!
- Очень, правда?

С подносом в руках, босиком, в полотенце, капитан Глеб оглянулся, сурово оглядывая беззаботную в тёплом сумраке, но совершенно искренне облизывающую со своих пальчиков остатки шоколада, женщину.

- Заметив выражение его лица, Марьяна расхохоталась.
- Я ж и позабыла, что ты – повелитель!
- Сейчас отнесу посуду – придётся вспомнить.
- Ого!
- И учти – это самые серьёзные намерения.

Потом кто-то из них выключил уже почти ненужный ночник.

Шторы к этому времени стали совсем прозрачными, но, несмотря на первые проявления естественного серого света, взаимная дремота настойчиво выползала из тихих углов комнаты к ним на смятые подушки, а разговор всё чаще сбивался на повторение отдельных медленных фраз.

- Эй, фотограф! Такой ненадёжный сон тебе не к лицу!
- Отстань...
- Хорошо. На этот раз – пощада.

Капитан Глеб с решительностью встал, поднял с пола большое полотенце, забросил его себе на плечи и направился в ванную. Горячий душ, и сразу же – холодный, снова горячий, а потом ещё холодную воду – на ноги, на шею!

- Фо-то-граф, а...
- За-стре-лю...
- Из-че-го...?

– Из чувства свирепейшей несправедливости, вот! Держись!

Окончательно решив проснуться, Марьяна вскочила ногами на кровать, стремительно прыгнула на мокрые плечи Глеба, и они вместе опять рухнули на простыни.

– Так не пойдёт! Я – чистый и прохладный, а ты...

– А я – красивая и приятная на ощупь, вот!

– Не спорю. Тогда с тебя кофе.

Если женщина приносит капитану Глебу Никитину такой вкусный и горячий кофе, то почему бы и не разрешить ей позадавать ему вопросы о других женщинах?

– А то, что говорят о жёнах моряков, – это правда?

– А что про них говорят?

– Ну, что почти всегда у них заканчивается изменами, и всё такое, прочее...

– Не уверен на все сто процентов, но основания для таких разговоров, несомненно, имеются...

– Да не смейся ты, я же серьёзно!

– Я – тоже.

– А твой личный опыт?

Покусывая губу, Марьяна внимательно следила за взглядом Глеба.

– Опять мелкое шпионство? Снова вторжение в прошлое, в безвозвратно ушедшую личную жизнь главного героя??!

– Нет, я просто про твой опыт...

– Мой опыт?

Глеб задумался, поморщился, кашнул плечом.

– Однаково презираю и людей, которые пытаются меня обмануть, и тех, кто в моём присутствии упрямо пытается совершить очевидную глупость. Остановить женщину, пытающуюся сделать мне больно, – это как бой с тенью. Ненастоящий бой, не на смерть, не на поражение.... Она же слабая! Руки проваливаются в пустоту, если мой удар силён и безрассудно смел; если же я хитёр и в мышцах ещё остаётся энергия про запас, для движения, которое меня бы в нужную минуту, расчётливо, остановило, – то это не порыв!

Был случай, она уходила – и нужно было в те мгновения говорить самое важное, самое искреннее.... Я говорил, но она ушла, хлопнув дверью, не выслушав, мои слова провалились в пустоту. Осталась горечь. Убеждал себя в том, что, начни я тогда хитрить и заранее убеждать её остаться, а она бы осталась, то наступило бы страшное разочарование...

Радость, безумная, огромная, счастливая, только тогда, когда я всей силой ударю врага или у меня получится всей страстью и нежностью удержать или возвратить женщину.

– А возраст женщины, по-твоему, для её поведения имеет большое значение?

– Конечно. Например, безуспешно весёлые дамы бальзаковского возраста – это как пучки и связки невостребованных мимоз и тюльпанов в мусорных баках утром девятого марта.

– Это ты всё напридумывал только для себя или же в большом мире есть какая-нибудь схожая религия?

– Что-то про религию я уже сегодня говорил.... А, вспомнил! Отвечаю – всё перечисленное придумано и произносится исключительно для личных нужд.

– Не доверяешь религии?

– Религиям. Всем, без исключения. Ибо все они предлагают мне относиться к моей сегодняшней жизни как к черновику. Чушь! Я счастлив! Сейчас рядом – ты! А тут какой-то пузатенький и улыбчивый бог, вроде бы кем-то назначенный отвечать за следующие мои жизни, подсматривает за мной, за нами, и, послюнив карандашик, по какому-то придуманному незнакомыми мне людьми праву, подсчитывает, кого из нас направить после смерти в канаву, кого – превратить в мерзкое насекомое, и только изредка умершему достается от него, этого пузатого божка, распределённое счастье – вновь жить

в человеческом обличье! Бред.

Впервые Марьяна увидала рассерженного капитана Глеба. То, что он был в этот момент серьёзен, она поняла сразу, но чтобы так....

– Когда я учился в пятом классе, мой не очень образованный отец-шабашник купил мне книгу об Уленшпигеле, фламандского автора Шарля де Костера. Теперь, через полжизни, я знаю её наизусть. Уверен, что оттуда и моё первоначальное отношение к попам. Потом у меня было много возможностей узнать их поближе.

– Попы – это не вера...

– Правильно. И религия – не вера. Вера – это хлеб, это пища, необходимая людям, а каждая отдельная религия – всего лишь соус, добавка на этот простой и настоящий хлеб, а все святоши – конкурирующие коммерсанты, готовые удавить друг друга в попытках организовать успешную продажу именно своего соуса!

– Не слишком ли серьёзно?

– Погорячился, извини.

Всё ещё не остывший от важных для него слов и утверждений, капитан Глеб Никитин нежно обнял маленькую Марьяну.

– Но в этом деле я совсем не революционер. Мне гораздо ближе то, что когда-то сказал Дали...

– Ого! И что же именно тебе сказал мэтр?

– «Точно так же, как с маленькой снежинки начинаются снежные лавины, так и со слабого удара коленом священнику под зад начинается большая ересь».

– Ну, допустим, в этом-то вопросе вы с уважаемым Сальвадором ничем не противоречите друг другу.

– Ценное замечание – я польщён.

– Я тоже – что ценное...

Кофе Глеба давно был выпит, кофе Марьяны – даже не попробованный – напрочь уже остыл. О чём-то интересном спрашивала она, что-то важное из её жизни было необходимо услышать ему.

– ...Когда-то я вздрогнул, осознав грандиозность и силу чистого листа бумаги.

– Весь ужас нерасчетливого денежного долга...

– Эти маленькие болваны, которые жадно и бессмысленно потребляют разные там рингтоны, картинки, компьютерные игрушки, с каждой минутой делают мою информационную жизнь эффективней и выгодней!

– Плавники корифены похожи на лепестки обычного василька. Ярко-синие по краю, с плавным переходом в белое основание.

– ...Эксперт – это человек, который избегает мелких ошибок на пути к грандиозному провалу.

– Бабуля одна недавно сказала удачно: «Всё торопишься, торопишься – умереть не успеешь...».

– Почему циферблат моих часов разделён на двадцать четыре деления? Морская привычка.

– ...А вот синий штамп семнадцатой страницы они уже не увидят никогда!

О книгах и Марьяна, и Глеб говорили дольше всего.

– ...Все в детстве хотят быть похожими на кумиров. Мальчишки начинают курить и материться басом, кто-то накачивает бицепсы, а у девчонок на уме мода, платья, прически, талия, как у какой-то там.... Меня же всегда восхищали слова книжных героев. Хотелось в компании романтических друзей восклакнуть, как когда-то Санди Прюэль: «Клянусь Святой Лукрецией!», или же, обсуждая детали какой-нибудь таинственной операции, грохнуть по столу кулаком и хрипло обратиться к собеседнику: «Налей-ка, приятель, нам ешё бургундского!»

– Много чего хочешь. Не те нынче времена.

Прищурившись, капитан Глеб хмыкнул.

– Разница между нашими поколениями в том, что мы ели лисичкин хлеб, а их, в недавних двухтысячных, заставляли жрать голубое сало!

– Но ведь многие в таком совсем не виноваты!

– Знаю тех, кто с удовольствием жрал это..., которое голубое.

Глеб напряжённо встал у окна.

– Давай сегодня пораньше поедем в ботанический сад? Ты не против?

– Если надо, поедем.... О чём ты только что начал думать?

Обняв Глеба сзади, Марьяна потёрлась щекой о его руку.

– О смерти. Чувствую, что виноват кто-то свой! Понимаешь...

– Понимаю.

Привстав на цыпочки, Марьяна поцелуем остановила восклицание капитана Глеба.

– Понимаю, только ты, пожалуйста, не волнуйся так, ладно?! Всё у тебя получится, всё будет хорошо...

– Спасибо, маленькая! Спасибо за всё.

Она успокаивала его, а он уже жил предстоящим днём. Ночь прошла.

Марьяна всё ещё продолжала ласкать Глеба, а он рассуждал, обнимая её.

– ...Враг среди своих – это как торт с орехами. Мягко, вкусно, приятно. Ешь торт, общаешься, расслабившись поначалу, и вдруг – раз! Боль на зубах! Это твёрдый орех – враг. Неожиданно и больно.

– А просто орехи – разве от них никогда не болят зубы?

– Нет, просто орехи, – это враги явные. Их видишь, знаешь, готовишься, перемалываешь зубами тщательно, предупреждённый предыдущим жизненным опытом о возможной боли. А свой человечек – он ведь мягкий, теплый, в привычной обстановке, и вдруг...

Ещё раз остановив Глеба тёплым поцелуем, Марьяна повернулась к нему лицом.

– Думаю, рано тебе бросаться в сегодняшний бой. Отдохни. Они все – там, а я здесь, близко...

Воскресенье. День третий

Жаркий свет ударил по глазам.

Мгновенно проснувшись, Глеб рывком сел на кровати.

«Ч-чёрт! Действительно – и солнце, и Марьяна уже на кухне...».

– Нет, ты не цыплёнок, ты – настоящая...

– Что бормочешь, соня?!

– Ого, ты какая!

В боевых шортиках, в короткой оранжевой майке, с шикарно расчёсанными волосами, Марьяна с улыбкой подошла, наклонилась к Глебу и ласково дунула ему в глаза.

– Подъём, капитан!

– Слушаюсь, мэм!

– Быстро – в душ! Завтрак будет готов через семь минут!

Не успевший закрыть за собой дверь ванной, Глеб с удивлением высунул наружу лохматую голову.

– А ты, оказывается, ещё и способная ученица! Командуешь лиxo.

– Кого имеем в учителях!

Под душем капитан Глеб Никитин никогда не пел.

Исключительно по причине того, что не умел петь.

– ...Как однажды сказала одна моя знакомая: «Всё хорошее быстро кончается. Особенno сны».

– Это случайно была не Мэри Поппинс?

Окончательно проснуться Глеб ещё не успел, усевшись за накрытый стол, был забавен мокрой взъерошенностью и странными глазами, поэтому Марьяна от всей души забавлялась, наблюдая за ним.

– Она самая.... Дай мне, пожалуйста, ещё один бутерброд.

– Всего один?

– Извини. Очередной.

Глеб ел вкусно и стремительно, бутерброды, сыр и яичница исчезали с его тарелок почти мгновенно, Марьяна в третий раз добавляла ему в большую чашку кофе. Сама она уже успела позавтракать до пробуждения капитана, поэтому с искренним интересом смотрела за тем, как выспавшийся мужчина готовит себя к бою и походу.

– Ты не нашла мой телефон?

– Да, вот он, держи. В прихожей, в рюкзаках валялся.

– Мы что, испытали страсть прямо там, у порога?! Мы были так несдержаны в своих желаниях?! О, горе мне! И это факт допустил я, хладнокровный и рассудительный?!

Капитан Глеб упал головой на скрещённые на кухонном столе руки.

– О, боги...

– Не печалься, милый, всё было прекрасно! И вечер, и ночь...

– Правда, прекрасны?! Класс! Тогда ещё кусочек бекона мне не помешает.

– Трепач.

– Деловитый трепач. Симпатичный, надеюсь, и многозначительный.

Глаза Глеба сверкали, он рвал бутерброды белыми зубами, урча, как весенний зверь. Его короткий, но очень глубокий утренний сон оказался весьма своевременным. Он чувствовал, что всё теперь зависит только от него. Сил и уверенности должно было хватить.

Не выпуская чашки с дымящимся кофе, он быстро просмотрел телефон, пропущенных звонков от сына не было, поэтому капитан Глеб Никитин сам набрал номер своего Сашки.

Марьяна успела только заботливо кивнуть.

– Рано же ещё! Спит мальчишка...

Но отец знал сына, а тот – отца. Поэтому был готов.

Дождавшись ответа, Глеб подмигнул Марьяне.

– Бодрствует!

Коротко Сашка доложил, что весь вечер они с ребятами действовали по плану, сделали около сорока звонков, что получили от встревоженных посетителей ботанического сада двадцать четыре электронки с фотографиями и съёмками того дня.

– Чего там ещё он говорит?

Марьяна придинулась ближе к Глебу.

– Ездили на дом к одной бабуле. Почти час потратили, пока сняли показания с её древней цифровой мыльницы.... Говорит ещё, что пока ничего интересного. Минуточку...

Глеб приложил палец к губам, предупреждая Марьяну о молчании.

– Да, да, сын, понял... Мы скоро приедем, заскочим только ненадолго в сад, и приедем. Кто это «мы»? Ну..., так, особенная группа быстрого реагирования, увидишь нас – одобришь подбор личного состава. Всё, хорош трепаться! Главное – ищите любые кадры, сделанные вокруг тисовых деревьев, особенно возле того, что растёт у беседки. Да, подробности при встрече. Пока!

– Всё! Продукты, вижу, у вас закончились...

Озабоченно осматривая действительно опустевший стол, капитан Глеб с вопросом посмотрел на хозяйку дома, но больше сказать ничего не успел.

– Добавки не получишь! И не проси. До обеда – только сухой паёк.

– Злая. И жадная. А дитё, видите ли, пусть впроголодь существует...

И его рубашка, и джинсы висели на спинке стула выглаженные.

Незаметно улыбаясь, Глеб хмыкнул.

Это было прекрасно.

– Послушай, Марьяна, а почему в твоём ботаническом саду так много кошек? Я, когда

смотрел свадебные фотографии Максика, очень часто замечал кошаков на заднем фоне. Это что, специально? Ритуал, как в Букингемском дворце?

— Всё просто. Ботанический сад очень привлекателен для птиц — тишина, густые деревья. Поэтому там много гнёзд, часто бывают птенцы, иногда остаются безнадзорные яйца в гнёздах. Кошкам есть, чем поживиться. А ещё многие посадки на зиму для сохранности укрываются корой, соломой, лапником — там живут тысячи мышей!

— А ты не боишься мышей?

— Нет.

— Всегда утверждал — отважная.... Всё, я готов!

Застегнув последнюю пуговицу на рукаве рубашки, капитан Глеб легко, пружинисто попрыгал на месте.

— Пошли!

— С тобой — хоть на край света!

И не смогла в тот миг радостная Марьяна, закрывая за собой входную дверь, увидать, как странно посмотрел на неё Глеб, как горько он улыбнулся, зная о жизни гораздо больше, чем многие другие предусмотрительные люди.

Внизу, в воскресной атмосфере подъезда раздавались чёткие ругательства.

— Кто это так мощно?

— Соседи с первого этажа, пенсионеры. Давно уже спорят, каждую свободную минуту выясняют отношения.

— О чём спор?

— Муж запрещает жене пользоваться освежителем воздуха. Постоянно орёт на неё, объясняя, что в мире ширится озоновая дыра, и что пусть лучше будет вонять у них в туалете, чем погибнут люди в далёких странах...

— Достойная позиция. А они у себя дома по этому поводу шуметь не пробовали?

— Проблема сложная, геополитическая, касается многих миллионов людей. Соседи, судя по всему, уверены, что про их спор должна знать вся планета.

Первое, что было самым заметным и похожим на маленькие и круглые солнечные осколки, — заросли жёлтой пижмы под окнами ближнего дома. Рядом блестела бусинками чёрных гроздьев спелая бузина.

Капитан Глеб с заботой обошёл голубиную пару, воркующую на асфальте.

— Ты чего так?

Глеб кивнул на голубя.

— Зачем мешать парню...

Они шли по раннему городу, совсем ещё не собиравшемуся просыпаться в неге праздного дня, взявшихся за руки. Сумки с объективами и штативами Глеб легко забросил себе на плечо, Марьяна с лёгкой улыбкой, молча, шагала рядом, изредка поглядывая на него.

— А ты работаешь каждый день?

— По выходным — обязательно. Людей с фотоаппаратами в саду в такие дни больше, внимания на мою аппаратуру — меньше. Кстати, сегодня сад открывается в девять, на час раньше.

— Хорошая новость, очень хорошая...

С высоты парапета, под которым они шли вдоль улицы, посыпалась пыль. Наверху, не замечая прохожих, молодая узбечка-дворник увлеченно подметала асфальтовую дорожку.

— Эй, ты, Синдерелла!

Глеб со смехом отскочил в сторону, махнул рукой смуглой девушке.

— Поосторожней, пожалуйста! Здесь люди ходят. Хорошие.

Испуганные, они обе были похожи выражениями женских лиц. Марьяна

разволновалась, что может возникнуть напрасный гнев Глеба, а узбечка – просто привычно ждала, что её будут ругать за оплошность.

– Извини, что помешали. Всего хорошего!

Свободной рукой капитан Глеб крепко обнял Марьяну. Улыбнулся дворнику.

– Пока!

О раннем начале работы ботанического сада в воскресенье знали немногие.

Когда Марьяна и Глеб подошли к воротам, то не увидели там никого: ни посетителей, ни кассира за окошком.

– Ворота открыты – значит нам рады здесь бескорыстно. Пошли!

В этот раз Марьяна решила поснимать газоны с лекарственными растениями.

– На час раньше – солнечный свет иначе ложится. Давай, вот здесь я устроюсь, подальше от шума...

Капитан Глеб, постигший за эти дни почти все тонкости обращения с фотографической техникой, достаточно уверенно установил штативы, Марьяна только немного поправила их по высоте.

– Сумки куда?

– А вот слева поставь! По этой тропке ходить буду...

– А я пока Ивана навещу, потом съезжу в город, встречусь с Сашкой, пообщаемся.

Может, какие новости у его команды появились. Ты не будешь скучать?

– Буду.

– Ладно, только небольшими порциями. Договорились?

– Ага...

– Если что – звони.

– Я буду ждать...

«Какая, к чертям, уверенная! Маленькая, милая, добрая, растерянная...».

Капитан Глеб обернулся на повороте главной аллеи, помахал, улыбаясь, Марьяне, потом ещё раз и ещё. Она стояла по пояс в цветах, неподвижная, оранжевая, и просто смотрела на него. А он – уходил...

Выдох.

Утренний домашний кофе был хорош, своевременен и в достаточном количестве.

«Всё. Теперь думай о деле».

И опять – чтобы немного остыть, насладиться прохладным сумрачным воздухом, Глеб выбрал себе длинный путь через дальние аллеи, через узость деревянного мостика.

Его шаги по кирпичной крошки дорожек, ещё хранивших тонкую влагу утренней росы, оставляли тёмные следы. Птицы пели и впереди, и совсем рядом с ним, и в высотах старых деревьев.

Гинкго.

Эти ждут. Молчат.

Плотная серая кора, ровная, уверенная.

Полосами, по каждому из четырёх, пробегают по гинкго первые солнечные блики, пробиваясь к ним через кроны других, соседних деревьев.

«Не хватает только на стволе красно-чёрной бабочки...».

Сквозь строй непроницаемых туй радостно блеснули невдалеке окна зданий администрации.

– Убили! Уби-ли!

Женский крик – почти всегда страшно.

– Убили!

Проломив плечом, с короткого разбега, стену густых невысоких рододендронов, капитан Глеб вывалился сквозь кусты, едва не упав, на соседнюю аллею. Кричали рядом, женщина кричала на бегу.

Кричала Валерия Антоновна.

– Стоп.

Глеб схватил в охапку растрёпанную помощницу директора.

– Убили! Знаете...?

– Нет. Пока не знаю.

Багровые пятна на лице Антонны грозили ей немедленными сердечнососудистыми неприятностями, она бурно дышала, задыхаясь; обильные слёзы на глазах мешали видеть всё и всех вокруг. Её обычно аккуратная причёска развалилась, на вороте белого халата качалась, зацепившись, длинная шпилька.

– Убили! Еле дышит...

– Так убили или всё-таки дышит?

– Дышит, дышит! Весь в крови, вся голова разбита, все очки кровью залиты! И дышит!

– Кто? И где?

– Молодой парень, хороший такой! Лежит вон там, весь в крови, а рядом – лопата...

– Где лежит?

– У сосны, у той, ну, около спиленной... Нужно быстрее!

Для начала капитан Глеб Никитин всё-таки обернулся по сторонам – на близких аллеях ещё никого не было видно.

– Так, Антонна, секунду внимания...

– Да, слушаю!

Испуганная женщина рукавом вытерла всё лишнее у себя под носом.

– Бери блокнот. Пиши команду.

– Да, да, я готова.... Готова, диктуйте!

Дисциплина, она или есть в человеке, или её нет.

И никогда не будет.

В Валерии Антоновне готовности делать всё правильно было с избытком.

– Пиши.... Пункт первый. «Не орать...».

– Не.... «Не» чего?

Замешкавшись, Валерия Антоновна, ещё раз шмыгнув красным носом, в изумлении уставилась на Глеба.

– Как это – «не орать»?!

– Это значит – тебе, Антонна, нужно сейчас исключительно молчать, а не кричать дурным голосом, пугая посторонних людей. Ясно?! Тогда пошли. Быстрее!

Рядом с капитаном Глебом Никитиным идти было невозможно – только бежать. Через минуту Валерия Антоновна уже запыхалась и отстала, поспешно ковыляя вслед на каблуках по мелкобитому камню аллеи.

– Вот, вот там.... Правильно, направо.

Среди ровно напиленных сосновых чурбаков лежал Игорь.

На спине, раскинув руки.

С закрытыми глазами, с залитым кровью лицом.

Брошенная на светлые опилки, рядом, в метре от него, валялась лопата. Обычная, старая, штыковая. С тёмно-коричневым черенком, отполированным временем и жёстким потом рабочих рук....

Глеб присел около Игоря.

Дыхание хриплое, прерывистое.

За спиной охнула Валерия Антоновна, Глеб резко обернулся.

– Где Иван?

– Вон там.... Работает.

Валерия Антоновна невнимательно показала рукой, не отводя глаз от крови.

– Где?! Точнее!

– Ах, да.... Канаву он закапывает! Вон там, у забора. Ну, ту, что после электриков осталась, я его минут двадцать, как там видела....

– Антонна, будьте здесь, на месте! Телефон при вас? Хорошо! Вызывайте «скорую помощь»! Ничего не трогайте, к парню не подходите! Ясно?! Причина вызова «скорой» – производственная травма, у человека разбита голова. И ни одного другого слова! Понятно?! Я скоро...

– Вы уходите?! А я – здесь...?

Валерия Антоновна в ужасе прикрыла краем блокнота дёргающиеся губы.

– Да, здесь. Вы справитесь. Уверен.

– А если полиция?! Если кто-нибудь их вызовет?

– Антонна! Никаких ментов! Никаких других звонков, никому! Вызывайте только «скорую». Иначе ваша голова немедленно станет такой же...! Просто ждите. Я вернусь через две минуты.

– А директор?

– Что ещё??!

– Директору ведь нужно сообщить...

– Она где?

– Дома сегодня, выходной же...

– Ну и пусть занимается добрая женщина своими домашними делами! Позже я ей сам позвоню. Всё, без фантазий, Антонна! Мне нужно совсем немного времени.

От спиленной сосны до заросшей жимолостью и китайским лимонником аллеи – по дорожкам, прогуливаясь, – минут семь. Глеб, перемахивая через цветущие растения и растаптывая прочие аккуратные грядки, добрался туда всего за минуту.

Первые метры канавы были закопаны совсем недавно.

За поворотом слышался рабочий скрежет железа по твёрдой земле.

Сразу же, не медля, словно давно уже его ожидала, Ванька широко улыбнулся.

– Глебка, привет! Ты чего так рано-то, а?

Так же, с улыбкой, лениво потянулся, отставил лопату в сторону, полез в карман за сигаретами.

– У-ух...

«Не он. И это хорошо...!».

С размаху выдохнув, капитан Глеб Никитин опустился на широкий, испачканный землёй борт жестяной тачки.

– Ну, ты меня и напугал, работничек....

– А чего такое? Страшный я за ночь стал? Или в сравнении с маленькой дамой, а?!

Иван захохотал, смахнул закурив, выпустил длинный дым.

– Не, если бы не работа, я сюда в такую рань ни за что бы не приехал!

– Ванька – ты болван.

– Чего такое?

Действительно, поначалу с радостной безмятежностью встретивший Глеба, Иван присмотрелся к выражению его лица и сразу же встревожился.

– Да что случилось-то, объясни хоть?!

– Свидетеля на свадьбе помнишь? Чёрный такой, худощавый, в очках?

– Ну, видел.... А что?

– Кто-то раскроил ему башку лопатой. Здесь, у спиленной сосны.

– Жив?!

– Пока да.

– Ну, слава богу!

– Парня грохнули минут двадцать назад. Лопата – твоя.

– Ого!

Сигарета упала на траву, а Ванька, сразу как-то потерявшись, без сил сел рядом.

– Глеб, это не я.... Ты даже и не думай, Глебка....

– Не тарахти. Знаю, что не ты. Но до того как увидел сейчас сиюю счастливую рожу, не был ни в чём уверен. Ты точно с этим свидетелем никаких разговоров не имел?

– Нет, нет, Глебка! Честное слово...

– Не в пятницу, не в субботу?

– Нет, что ты?!

– А сегодня?

– Да я его вообще сегодня не видел!

– А кого видел?

– Ну-у, не знаю.... Не запомнил. Кто-то из посетителей проходил за кустами, один, двое.... Не знаю, честно!

– Мужчины, женщины?

– Глеб, да я же канаву закапывал! Ни на кого и не смотрел, только на лопату! Кстати, я другую лопату и взял, потому что мою, старую, найти на месте не мог....

– Ладно, кончай работы. Пошли быстрее к парню, теперь уже оперов вызывать надо.

Вдалеке, у входных ворот, завыла сирена «скорой помощи».

– Медицина уже здесь....

Капитан Глеб подождал, пока Иван соберётся, бросит в тачку лопату, и они вместе, рядом, изредка толкаясь плечами, пошли по узкой аллее, под зелёными арками, увитыми прозрачной китайской вейгелой.

Тачка громыхала неровными колёсами, «скорая» ревела всё ближе и ближе.

У спиленной сосны они встретились.

Врач выскоцил из машины, бросился к раненому, но сразу же, признав, по халату с эмблемой, в Валерии Антоновне начальство, поднялся с колен и подошёл к ней.

– Вызывайте полицию – это преступление, а никакой не несчастный случай.

– А...

Храня обещанное молчание, Валерия Антоновна не успела даже и слово произнести в своё оправдание.

– Я вызову. Не беспокойтесь.

Капитан Глеб небрежно махнул врачу.

– Продолжайте заниматься парнем.... Алло? Дежурная часть? Докладывает охрана ботанического сада. На нашей территории совершено нападение на неизвестного молодого мужчину, возраст около двадцати лет.... Да, да.... Ранение головы, раненый без сознания. Характер ранения? По голове его грохнули! Да! Орудие преступления? Лопата. Да, лопата, штыковая. Да, лежит рядом. Нет, что вы! Меры приняты. Охраняем. Да, да, всё.... Да, ещё! Медики уже сюда прибыли. Да, ждём вас. Да...

Врач, худощавый мужчина в возрасте, подозвал санитаров, втроём они подняли Игоря, переложили на носилки.

– Судя по всему, вы здесь командуете?

– Вроде так. А что?

Капитан Глеб кивнул, соглашаясь.

– Отойдём.

Врач сплюнул в сторону, вытер с губ табачную крошку.

– С парнем плохо. Мы срочно уезжаем. Есть шанс, что до стола довезём живого.... С полицией будете разговаривать сами. Справитесь?

– А то...

Судя по всему, ранних посетителей в саду, действительно, было ещё мало, потому что по главной аллее машина проехала без истерики тревожного сигнала, и только потом, выбравшись за ворота, засигналила там, завыла на полную.

– Ну вот, ещё и это...

Растерянная и уже побледневшая, Валерия Антоновна опустила руки.

– Что ж такое-то у нас тут происходит, не пойму?

Иван молча присел на пенёк, снова закурил.

Капитан Глеб аккуратно, стараясь не вступать на приблизительный круг мягких опилок вокруг пятен крови, обошёл полянку.

– Ванька, а этого раньше здесь не было?

– Чего?

– Смотри.

На светлом торце одного из больших сосновых чурбаков, лежавшем на боку, виднелся тёмный рисунок.

– Как молния, вроде...

– Похоже на знак Зорро.

– Точно, как английская буква «зет»!

– Или немецкая. Стойте оба там! Не подходите ближе, не топчитесь.

Тремя равновесными прыжками Глеб добрался по другим чурбакам, как по камням по воде, до рисунка, балансируя, тронул пальцем букву.

– Кровью. Свежая...

– Ой, же.... Специально, значит! А он же ведь ещё шептал...

Всхлипнув, Валерия Антоновна вспомнила про первый пункт приказа, закрыла лицо рукавом халата и зарыдала молча.

Глеб спрыгнул на траву.

– Постой, постой, Антонна! Прекрати-ка на минуту горевать, ещё успеешь. Кто шептал? Раненый парень, да? Что?

– Про какую-то вазу он говорил, тихо так, несколько раз. Только одно слово всё как будто выдыхал: «...Ваза, ваза, ваза». Больше ничего....

И, не сдержавшись, заместитель директора снова бурно заплакала в свой уже почти и не белый халат.

– Ваза. О чём это?

– Не знаю. В саду таких скульптур нет. И в кабинетах ничего такого похожего...

Решив бросить недокуренную сигарету на землю, Иван остановился, пригасил её о ближнее дерево, зажал в кулак и встал рядом с Глебом.

– Лопату тоже не трогай. До приезда этих.... И чтобы никто тоже.

– Хорошо.

– Не в курсе, видеокамеры на периметре случаем сейчас не работают?

– А кому они в выходные-то нужны? Выключены.

– Понятно....

– Ты с утра коменданта не видел?

– Да пошёл он...!

Иван длинно сплюнул.

– Козёл лупоглазый.... Пробовал тут мне скомандовать берёзы к приезду комиссии красить. По пояс, для красоты. Послал я его. А он разорался.... Не здоровался последние дни, только фыркал, если что сделать было надо...

– Ясно. И всё-таки – сегодня он здесь ещё не появлялся?

– Нет. Чего ему в нерабочий-то день здесь делать?! Водяру, небось, с корешами-полковниками где-нибудь глушит...

Через полчаса приехали полицейские.

Их процедуры интересовали капитана Глеба мало; он, присмотревшись, выбрал одного, меньше всех суетливого, немногословного, молодого, и отозвал его поговорить в сторонку.

– Неофициально, просьба. Вас как звать?

– Виталий Александрович.

Глеб тоже представился, объяснил причину своего раннего появления в саду, и то, как он, рядовой посетитель, решил помочь заместителю директора в сложной ситуации.

– Виталий... Можно по имени?

– Да.

– Виталий, я отнюдь не пытаюсь вмешиваться в вашу оперативную деятельность, но, насколько мне позволяет мой жизненный опыт и подсказывает интуиция, вам стоило бы сейчас связаться с комендантом ботанического сада и определить его местонахождение.

– Зачем?

– У меня есть сведения, что он весьма любопытный в криминальном отношении человек. Один из его племянников, высокий и спортивный юноша, наверняка тоже может дать имеющие отношение к этому делу показания. Если у него получится внятно говорить без множества зубов.... А вот другому племяннику этого самого легендарного коменданта дали сегодня здесь лопатой по голове. Именно из-за него вы сюда и приехали.

– Это точные сведения?!

– Ручаюсь. Особенно за недостаток зубов у комендантовкого племянника номер один.

Кровью, лопатой и следами на сосновой поляне занялась какая-то серая женщина в резиновых перчатках.

Полицейские уввели Валерию Антоновну в кабинет, капитан Глеб Никитин и Иван, пользуясь статусом почти сотрудников ботанического сада, проследовали за ними; там заместитель директора, порывшись в рабочих журналах, сообщила офицерам номер мобильного телефона коменданта; те дозвонились до него, узнали, что, действительно, комендант ещё с вечера субботы находится с однополчанами на шашлыках и что его спортивного племянника родные и друзья не могут найти вот уже второй день. Нигде.

– Интересно. А вы, свидетели, теперь можете погулять...

Спокойный Виталий Александрович очень вежливо показал Ваньке и Глебу на дверь.

– Рад был знакомству со всеми, господа.

Капитан Глеб раскланялся.

– Пошли, Иван. Мы не должны мешать правосудию.

После того, как проблемой занялись люди, которым платят за это деньги, можно было спокойно, без них, без этих людей, порассуждать, не чувствуя необходимости отвечать на множество идиотски казённых вопросов.

Миновав поляну со спиленной сосной, Глеб и Иван в молчании направились к своему дереву, к тому, у подножия которого они ещё совсем недавно обливались водой из шланга. Утреннее солнце светило совсем не с той стороны могучего ствола, но роса уже пропала и поэтому они согласно, как будто только что об этом договорились, присели на траву, почти касаясь друг друга.

– И кому это было надо?!

– Правильный вопрос. И очерёдность вопроса также хорошая. Заинтересованных персонажей всего ничего: ты.... Тебя вычёркиваем. Мария?

– Не дури, Глеб! Не вздумай даже говорить такого при мне!

Иван встревожено вскочил, встал на колени, наклонился над лежащим Глебом.

– По роже бы тебе сейчас.... Извинись! Извинись, немедленно...!

– А то?

– А то, а то.... Я уйду.

Оттолкнувшись рукой от травы, Иван, встал в полный рост, выпрямился.

– Стоп.

Одним ленивым движением лежащий капитан Глеб сильно ухватил Ивана за низ штанины.

– Извини. Не знал, что сохранились такие чувства.

Молчание.

– Действительно, Ванька, извини! В голове у меня сейчас только логика, варианты и практические размышления. Увлёкся схемами, позабыл, что рядом ты. Извини. Ну, всё, проехали?

Иван сел на траву поблизости, закурил.

– Ну вот, молодец....

Капитан Глеб Никитин тоже, лишив себя ленивой позы, сел рядом с Иваном, обнял того за плечи, тряхнул, прижал к себе.

– Если бы ты так на защиту своей Марии не бросился, то пришлось бы ставить на тебе крест. Не сейчас, попозже, когда времени поразмышлять на эту тему побольше появилось бы. Я обязательно в таких случаях разочаровываюсь.

– Ладно, ты тоже..., со словами-то поосторожней....

Дрожа пальцами, Иван жадно курил, прищуриваясь в сторону, на заросли рододендронов, через сигаретный дым.

– А кто же тогда, Игорька-то нашего...?

Бывает же такое.

Секунда, чуть больше, обоюдных размышлений.

Одновременно, криком, с вопросом, утвердительно.

– Рыжий?!

– Рыжий!

– Точно!

Ни тени, ни прохлады, ни спокойствия теперь уже им обоим не было нужно.

Оба стояли под каштаном, капитан Глеб набирал номер телефона.

– Кому это ты? Ментам?

– Осёл. Думай дальше.... Тише, лучше молчи! Алло, Мария, здравствуйте. Да это Глеб. Извините за ранний звонок. Да, понимаю, понимаю.... Не отниму у вас много времени, только один вопрос. Жених..., да, он, правильно.... Его с вами сейчас нет, он не подъехал? А вы договаривались? Где он сейчас может быть? У родителей или...? Продиктуйте, пожалуйста, мне его телефон, я запишу. Да.... И кого-нибудь из его родителей. Это важно. Так надо, Мария, поверьте мне.... А ещё где? Загородная дача? Записываю адрес. Отлично! Нет, Мария, нет! Не думайте ни о чём таком, у вас и так сегодня проблем хватает.... Рядом. Да. Вы – просто умница! До встречи.

– Это она?! Дай мне, ну, Глеб, дай, я только скажу ей...!

– Единственное, что я тебе могу сейчас дать полезное, – это по загривку. Чтобы не выхватывал телефоны из рук у приличных людей, когда они важные вещи обсуждают! Так, Ванька, давай-ка действовать...

Оказалось, что Мария Владимировна договорилась встретиться с рыжим в воскресенье с утра, чтобы вместе заняться вопросами погребения. Рыжий вовремя у неё не появился, не позвонил с объяснениями, по телефону не отвечал.

Родители тоже не знали, где он. Отец рыжего прогудел, что он, возможно, остался ночевать на их загородной даче, которую они решили предоставить молодым как подарок на всё время медового месяца.

Адрес своей дачи папаша подтвердил неохотно, но капитан Глеб Никитин в разговоре с большим человеком был одновременно и настойчив, и любезен.

Иван стоял рядом с ним, широко и счастливо улыбаясь.

– А как она там?! А голос у неё бодрый?

– Послушай ты, старый проходимец! На все вопросы, касающиеся твоей будущей личной жизни, меня можно заставить отвечать только в присутствии моих адвокатов! Всех десяти. Потом, Ванька, потом.... Сейчас важно не упустить время, не промедлить в принятии нужных решений! Короче...

Капитан Глеб Никитин провёл ладонью по седоватым волосам, сощурился на солнце.

– Я двинусь искать рыжего. Он это сделал или не он, главное, чтобы никто ничего другого натворить не успел бы.... Это, во-первых. Ты остаёшься здесь, удовлетворяй

любопытство ментов, ничего не скрывая. Естественно, лишнего в их присутствии не тоже болтай. Держи в поле зрения Марьяну. Она сейчас на дальнем лекарственном огороде, фотографирует там, думаю, что никакая сегодняшняя суматоха пока её не коснулась. Если же вдруг задёргается, начнёт мне звонить, или к тебе, сюда, прибежит.... В общем, оставляю её под твою ответственность.

– Без вопросов, Глебка! Даже не думай, головой за твою маленькую ручаюсь!
– И никак иначе. Держись, я скоро!

Специально выбрав путь к выходу из ботанического сада по старой, некрасивой, заросшей кривыми каштанами аллеей, Глеб сделал всё возможное, чтобы преждевременно не попасться на глаза Марьяне.

«Ещё рано. Вопросы, не имеющие ответов, сильно отвлекают...».

На ходу набрал телефон Сашки.

– Привет! Ну, как там коллектив? Работаете?
– Да, почти все уже подъехали. Обмениваемся информацией.
– Удалось просмотреть записи видеокамер?
– Ничего интересного или необычного. У тебя-то как?
– Скверная новость. Рядом с тобой никого нет, никто телефон не слушает?
– Нет, не беспокойся! Я на крыльце кафешки вышел. А что такое? Серьёзное что-то?
– Серьёзней не бывает. Сегодня утром в саду кто-то разбил Игорю голову.
– Не фига себе!

– ...Он без сознания, в больнице сейчас. Никому из своих ребят про это ни слова, понял!? Информация пока только для внутреннего пользования. Чтоб ты правильно ориентировался в пространстве.

– Хорошо.

– Ещё вопрос: рыжий жених в эти игрушки не играл, в гаррипоттеровские? Был он в той команде, ну, где Игорь и все эти его сказочники кучковались?

– Нет, вроде.... Он же позже в город приехал. Вроде нет...

– Уточни это по-тихому. Я тебе сейчас пришлю на телефон рисунок. Посмотри сам, обсуди с коллегами. Это не тайна. Пофантазируйте, может, это какая-то эмблема, что она может обозначать.... Ладно, пока всё! Я скоро подъеду.

И всё-таки старый сад, как и любая прожившая почти сто лет территория, был полон тайн и неожиданных встреч.

– Здравствуйте!

В два голоса, звонко и по-доброму.

Продолжая в задумчивости уверенно шагать к воротам, капитан Глеб Никитин не замечал ничего второстепенного, поэтому и белозубая мамаша с красивой детской коляской, и её старшая дочка Ева, без лишнего шума появившиеся из-за поворота магнолиевой аллеи, сумели поприветствовать его первыми.

– Да, доброе утро....

Глеб спешил, ему было некогда, он почти знал, какие важные дела ему нужно делать сейчас, немедленно, в городе, а тут.... Всего лишь восторженные поклонницы его позавчерашнего актёрского таланта.

– Вы спешите?

– Да.

– Извините, что я никак не могла до вас вчера дозвониться! Поздно уже было, решила, что неудобно.... Жаль.

– О чём это вы?

В коляске мягко и мило закряхтел ребёнок, молодая мамаша наклонилась к нему, ласково что-то прошептала, выпрямилась, с улыбкой посмотрела на Глеба, взяла большие чёрные очки в свободную руку.

– Вы просили всех, кто был в пятницу в саду, передать вам фотографии, которые посетители делали в этот день здесь.... Что-то же ведь произошло серьёзное, да?

– И вы сделали много прекрасных фотографий, с цветами, с птичками, с вашими прелестными детьми, и хотите мне их сейчас отдать?! Правильно?

Раздражение прерванного полёта всегда заметно для окружающих.

– Не сердитесь так! Просто скажите – наши фотографии вам нужны? Вернее, даже и не наши, их делала моя дочка Ева, своим маленьким фотоаппаратом, там их целая куча. Конечно, почти все снимки не очень некачественные, но вдруг....

Женщина шикарно улыбнулась, легко поправила свою короткую чёрную причёску.

Капитан Глеб видел, как она спокойна и достойна словами, знал, что её утренняя прогулка с детьми по прохладным зелёным аллеям воскресного сада не придумана специально для встречи с ним, помнил почему-то недавние слова девочки Евы про старого ворона, поэтому-то всего за полминуты смог успокоить себя и улыбнулся.

– Да, для меня очень важны ваши фотографии. Давайте.

Подмигнув девочке, Глеб протянул руку.

– Я же сказала, что жаль...!

– Что?

– Я вчера скопировала их на флэшку, но не знала, что сегодня мы встретим вас здесь!

«Ну вот, опять очаровательная женская растерянность...».

– Но я могу за ней сбегать! Мы живём буквально в двух шагах за воротами сада. Я быстро, ладно?!

– А ваши дети?

– Вы побудете с ними. Уверена, что ничего плохого за это время не случится.

– Вы отчаянная мамаша.

– У меня умные дети. Да и вас я видела в деле...

– Тогда засекаю. Ровно две минуты.

– Уже бегу!

И всё-таки, контраст густых и по-настоящему блестящих тёмных волос, белых зубов, умного взгляда и ровно загорелой кожи всегда делают женщину неотразимой...

– А давайте, пойдём с вами к пруду?

Маленькая Ева с пристальным ожиданием смотрела на капитана Глеба Никитина.

– Пошли. Кто покатит коляску?

– Вы. Вы – мужчина.

– Аргумент.

Вот так вот, одним случайным моментом, каким-то словом, незначительным поступком кто-то всемогущий бросил его на много лет назад, почти через всю жизнь.

...Ботанический сад, аллеи.

Он, Глеб Никитин, и детская коляска катится перед ним.

Лёгкое детское дыхание, спящий сын, тишина. Солнце. Счастье...

...Было всё почти так, как сейчас.

– Стойте же, стойте!

Ева замахала перед ним ладошками.

– Стойте, я возьму хлеб для уток.

Из приготовленного в под колясочном пространстве пластикового пакета девочка достала несколько кусков хлеба.

– Держите, вот это вам, вы бросайте свои кусочки подальше, а то слабым уткам вообще ничего не достанется.

Сказано это было настолько деловито, что Глеб сразу же согласился поступать именно так.

– Хорошо. Куда лучше бросать, влево или вправо?

– Далеко! За спины им!

Они быстро побросали в воду весь хлеб, и Ева убедила Глеба сводить её к оранжерее.

– Пошли!

– Ой!

Шагнув с асфальта в высокую траву к какому-то жёлтому цветку, Ева тут же пискнула и резво отпрыгнула в сторону.

– Что такое?

– Крапива! Жалится как акула!

– Да, крапива почти всегда злая, а акулы иногда бывают и добрыми...

– Точно?

Потирая ногу и морщась, Ева недоверчиво смотрела на Глеба снизу вверх.

– Почти все существа и в море, и на земле – добрые. Если их не злить.... Даже очень большие. Я, например, видел, как в далёком океане маленькие детёныши гигантских скатов-манят прыгают, переворачиваясь, как блинчики на сковородке ловкого повара.

– Мама говорила, что вы выглядите мужественно!

– Ну что ты, дитя моё! Обо мне только составилось мнение, что я великий волшебник.

– А на самом деле?

– На самом деле..., увы, на самом деле я обыкновенный человек, дитя моё!

– Жалко. Но хлеб-то же вы всё равно далеко бросаете!

– А вот это – истинная правда. Ладно, малышка, пошли к выходу, будем там встречать твою отважную маму.

– Смотрите, смотрите!

Ева шёпотом закричала, привычно оглядываясь на коляску.

– Смотрите, там птицы летят, похожие на цифру единицу, только в другую сторону!

Первый в этом году клин перелётных птиц стремился по небу куда-то за пределы высокой ограды ботанического сада.

Запыхавшаяся и разрумянившаяся молодая мамаша, действительно, управилась очень быстро.

– Вот, держите.... Пригодится.

– Конечно. Как только вся эта сложная история закончится, я позвоню вам.

– А...?

– Ваш телефонный номер заканчивается на «24». Я это помню. Вы – прелестны!

Как и в любом подобном случае, воздушный поцелуй в исполнении капитана Глеба Никитина оказался великолепным.

Целый раздел в телефонной записной книжке капитана Глеба Никитина был отведён личным номерам таксистов. Тех, кто когда-то запоминался ему достойной работой, в разных городах и во многих странах, он отмечал записью. На всякий случай.

Машина к воротам в ботанический сад подъехала быстро.

Таксист, тот самый, с которым они ездили выбирать костюм для Ваньки, откликнулся на его звонок без лишних разговоров. Разумный профессионал всегда отличит в толпе выгодного клиента.

– Куда сейчас?

Капитан Глеб продиктовал ему адрес загородной дачи родителей рыжего.

– Далековато. Компанию будем ждать?

– Нет, сегодня я один.

– Тогда едем.

Утренний город не мешал Глебу стремиться к цели.

Машин и на улицах, и на трассе, ведущей из центра в сельскохозяйственную сторону области, противоположную морскому побережью, было мало, большинство населения желало выехать в эти ранние воскресные часы на пляж, на шашлыки к воде, ближе к веселью курортов.

В открытом окне машины трепетал бодрый ветер, яркое солнце и высокое синее небо

значительно сокращали расстояние предстоящей дороги.

Говорить о посторонних вещах со случайным человеком не хотелось.

Поэтому Глеб молча думал.

«Нужно попадать точно! И без того в этой истории всё было странно и тёмно, а тут ещё и с Игорем возникло слишком много новых допущений.... Времени – мизер, пустой информации – в избытке. Ситуацию с комендантом и с пропажей его племянника качают сейчас опера, туда соваться не надо.... Сам Игорёк, уверен, знает массу интересных вещей, но ещё не скоро поделится чем-нибудь полезным.... У Сашки с его компьютерной бандой тоже пока ничего конкретного. Игоря грохнул кто-то из близко знакомых ему людей, тот, кто смог объяснить ему необходимость прийти рано утром в ботанический сад. Причина разговора была весомая, место выбрано тоже не случайно.... Только вот никакое убийство, ни жестокое членовредительство не предполагались. Оружия с собой у незнакомца не было, лопата подвернулась ему под руку совершенно случайно, в порыве гнева, или же он почувствовал в ходе милой беседы с Игорем какую-то для себя серьёзную опасность.... Но определённый результат предполагался. Рисовать-то преступник начал явно после того, как Игорёк упал. До этого момента крови в его распоряжении не было. Но, чтобы суметь так ровно рисовать красивые линии сразу же после того, как сделал всё, чтобы лишить человека жизни, необходимо наличие очень сильной и правильной психики. Или отсутствие её вообще.... Теперь о рисунке. Зачем он? Чтобы объяснить кому-то непонятное? Или сбить со следа? В любом случае рисунок означает что-то, связанное с Игорем, а Игорь – большой специалист по сказочным книжным делам.... Та-ак, не нужно сейчас валить всё в одну кучу, легко можно запутаться и пропустить в размышлениях главное. Первое – рыжий, второе – Сашка и объяснение этого странного рисунка на сосновом пне...».

Молчаливый таксист подобрал что-то музыкально-приятное, машина была на ходу, дорога попалась им ровная. По всем приметам скоро должно было случиться что-то нехорошее.

Их совместная жизнь началась бы в таком красивом месте!

Огромные тёплые сосны, уютные особняки, и новые, и ещё из тех позабытых времён, партийных и номенклатурных. Мягкий грунт просёлка, аромат хвои, тихий сорочий стрёкот.

– Вот здесь останови.

Номер дома, улица Сиреневая....

Капитан Глеб вышел из машины, не торопясь осмотрел высокий деревянный забор, глухую калитку с почтовым ящиком. Подошёл, тронул холодную металлическую ручку. Дверь, незакрытая, заскрипела.

Участок красивый, без лишнего баракла хозяйственных построек.

Дом строгий, из тёмного кирпича.

Много старых берёз, позади дома – беседка.

Дорожка из плоских камней с прозеленью мелкой травы вела от калитки к дому.

Капитан Глеб Никитин шёл, уверенно предполагая, что именно здесь можно найти ответы на все вопросы.

В нескольких шагах от просторного крыльца он остановился, ещё раз прислушался, ещё раз осмотрелся.

В двух крайних, с правого угла, окнах, через прозрачные шторы пробивался свет.

«Это хорошо...».

А на просторном дощатом крыльце, под дверью и дальше, к самим ступенькам лестницы, ровным слоем лежали мелкие берёзовые листья, нанесённые случайным ночным ветром, сухие, жёлтые и жёлто-зелёные.

«А вот это – плохо. Никто сегодня из дома не выходил. Но ведь свет там горит...».

Осторожно, аккуратно, под самой стеной капитан Глеб прошёл по крыльцу к двери, постучал. Подождал, ещё раз несколько раз стукнул кулаком в дверь, уже громче. Через минуту эхо затихло, и у него появилась возможность прислушаться. Музыка.... Что-то

грохочущее, но тихо, очень тихо...

И дверь, тяжёлая, прочная, – закрыта.

Остерегаться уже не было никакой необходимости.

Капитан Глеб обошёл вокруг дома, в незаметной дровянной пристройке взял топор.

Просторное дальнее окно звякнуло разбитым стеклом, правильно щёлкнули открытые задвижки.

Не вытирая ног, Глеб подпрыгнул, распахнув рамы, встал на подоконник. Отодвинул вздутие возникшим сквозняком шторы.

Воняло разлитым алкоголем и вовремя не съеденными мясными закусками. На угловом диване справа от входной двери в комнате лежал, раскинув руки, человек.

Рыжий.

Подробно что-то рассматривать и анализировать, стоя на узком подоконнике, было весьма неудобно. Бесполезно ждать, вспоминать или придумывать при этом уловки из криминальных романов – глупо.

Грохнув ногами по паркетному полу, капитан Глеб Никитин спрыгнул в комнату.

Рыжий замычал, дёрнул рукой.

«Милый ты мой...! Хоть один живой мне сегодня достанется!».

Дальше было проще, технологичней и беспощадней.

Коротко прогулявшись и изучив план первого этажа дома, Глеб волоком дотащил вдребезги пьяного рыжего до ванной. Так как и рубашка, и брюки парня были страшно обблёваны, пришлось взять его за лодыжки. Головой он дважды смешно стукнулся на порогах: и комнаты, и ванного помещения.

Холодный душ – на полную, парня – в емкость.

Пока вода в ванне не вышла из берегов, капитан Глеб разведал расположение кухни, поставил полный чайник на плиту.

«Кофе! Ему – чай...».

Прошло всего полчаса и рыжий произнёс первое слово. Ещё пятнадцать минут – и он начал давать вполне связные показания.

– ...Я его потом убью, обязательно...! Он везде лез, Альку мою обманывал... Дурацкие какие-то прозвища у них, все в чёрном.... Ночью нужно было обязательно...! Ненавижу урода! Сейчас пойду, со стволом.... Насмерть, всё.... Чтобы никогда, он.... Это из-за него! Она ведь такая была, хорошая, нежная! А-лечка.... Выпусти меня отсюда! Я тебя, мужик, тоже, пулю в башку.... Я знаю....

Поить горячим чаем буйного пациента в холодной ванне было забавным занятием. Часть напитка попадала рыжему за ворот мокрой рубашки, часть – обжигала ладони капитана Глеба.

– Успокойся, не шуми. Экономь силы. Я тебя не выпущу из этого водоёма до тех пор, пока ты не скажешь мне нечто важное.

– Да иди ты...

Человек неудачно и весьма необдуманно попытался встать на ноги, и только вовремя подставленная капитанская ладонь уберегла рыжий череп от серьёзного удара о край старинной чугунной ванны.

– Первое. Когда ты приехал сюда? Сегодня? Вчера?

Жизненный опыт подсказывал Глебу, что подобные невинные вопросы обычно бывают излишними. Такое внешнее состояние и такую вонь внутри собственного дома невозможно приобрести вот так, запросто, в течение нескольких часов. Человек трудился над этим как минимум сутки.

– Вче..., мы, вчера приехал, приехали.... Мы были с ребятами, с нашими...., с футболистами. Из нашей команды, из универа. Классные ребята! Они со мной всегда...., они ведь всё понимают.... А где они?! Они здесь? Кто здесь...? Ты кто, мужик?!

– Я – твоя совесть. Я хочу угостить тебя чаем.

– Н..., не..., не хочу!

– Пей, малыш! Пей!

– Ой, горячо...! Голову обжёг..., всю..., вот здесь, спереди...

– Ничего. Это закаляет. Во сколько вы сюда вчера приехали?

– Вечером. Точно. Темно уже было....

Рыжий дрожал, ухватившись ладонями за мокрые плечи.

– Сегодня ты никуда не ездишь?

– Н-не помню. Не знаю.... Скорее всего, нет.... Я ничего не знаю.... Не хочу никуда ехать, чаю твоего не хочу, иди, давай, отсюда, а то..., сейчас..., я....

То, что рыжий мог сказать, он сказал.

Капитан Глеб извлёк его из ванны, опять, только на этот раз головой вперёд, дотащил, мокрого, до дивана и положил так, чтобы слабая голова свисала с подушек.

В минуту согревшись рыжий захрапел.

– ...Алло, извините, я недавно звонил по поводу вашего сына. Он сейчас на даче, немного нетрезвый.... Нет, встать никак не может.... Говорить тоже. Лучше приезжайте, оцените его состояние сами.

Почти четыре часа в организм капитана Глеба Никитина не поступал свежий кофе!

Заняться приготовлением чудесного напитка в душной компании рыжего было бы кощунством.

Поэтому Глеб страдал.

– Сейчас куда?

Таксист с невозмутимостью уверенного человека жевал зубочистку.

– В гостиницу.

Ощущение несвежей рубашки и необходимость её замены, на самом-то деле были предлогом. Главное – кофе! До встречи с сыном хотелось некоторое время, хоть несколько минут, побывать в состоянии серьёзной концентрации.

Душ, рубашка, весьма приличный кофе в гостиничном баре. Две чашки.

«Осталось только самому подробно просмотреть весь материал, что добыл Сашка со своей командой. И обязательно найти беззубого спортсмена. Если и в этих вариантах не будет ничего интересного, тогда ....».

Когда приходится думать сразу о многом, то совсем нет времени оценивать погоду.

Городская жара полыхала по-прежнему, но капитан Глеб был внимателен только по отношению к событиям и своим предстоящим действиям. Возле гостиницы он сел в случайный, правильный, как ему поначалу показалось, троллейбус, добрался на нём почти до места назначения, но, всё равно, два квартала пришлось идти пешком.

– Здравствуйте! А они все уехали! Только что позвонила какая-то старушка, сказала, что подготовила важные фотографии. И зарядку для ноутбука Саша позабыл дома.... Сказал, что будут скоро, уже минут двадцать осталось.

Опять новая рыженькая причёска – лохматые перья вверх.

Официантка улыбнулась Глебу ещё от двери.

– Вам кофе?

– Кофе??!

«Может ли что-то приятное быть излишним...?».

– Да, Настя, пожалуй, дайте мне чашечку вашего замечательного кофе! И, если есть, какой-нибудь чистый лист бумаги и авторучку.

В тишине скорее утреннего, чем дневного, заведения, думалось приятно и, после таких убедительных порций кофе, уверенно.

За соседним столиком появились какие-то посетители, пошумели немного их дети, и семья ушла гулять дальше, в солнечный город.

Что-то металлическое упало на кухне, громко произнёс там несколько слов мужчина,

продолжали знакомо и легко, позякивая кольцами на карнизах, летать на сквозняке прозрачные и высокие оконные шторы.

– А это у вас что такое? Нэцке??

Вряд ли официантка Настя проходила по каким-то своим делам мимо его столика. Других посетителей в кафе уже не было, ничего уносить-приносить не было необходимости. Простое любопытство, или непростое...

Капитан Глеб и не отметил, как устраиваясь за своим столиком, он достал из кармана джинсов неудобную, если сидеть, маленьку деревянную фигурку.

– Нет, это просто собачка.

– Ой, какая миленькая!

Воздушно-рыженькая девушка Настя присела за столик Глеба.

– А что это за собачка? Можно мне её посмотреть?

– Пожалуйста.

Капитан Глеб Никитин протянул на ладони забавную чёрную фигурку.

– Это из какого-то мультильма?

– Нет, он настоящий.

Даже такой случайный разговор сейчас совсем не отвлекал.

«Кофе...!».

– Порода – ньюфаунленд. Кличка – Пэл. Когда мой сын Сашка был маленьким, наш Пэл был уже большим. Сейчас Пэла нет.... А вот это – память о нём. Я стараюсь всегда брать его с собой во все свои поездки. Сегодня специально захватил, чтобы показать Сашке, напомнить.

– Он у вас хороший!

Настя помолчала, поправила на столике салфетки.

– И Пэл – красивый...

Через двадцать минут, как и было ему обещано, в кафе ввалилась шумная толпа. И мрачный юный великан, и весельчак, по-прежнему в розовой рубашке, и Сашка, светловолосый и лохматый.

– Привет, па!

Они так же, как и в прошлый раз, быстро и уверенно, не спрашиваясь, составили два столика вместе, разложили на стульях свои сумки, фотоаппараты, ноутбуки в чехлах.

– А дамы ваши где?

– Они в общаге сейчас, там слёзы потоками! Все девчонки, кто Алию раньше знал, собирались, ревут, готовятся к завтрашним похоронам....

К Сашке и Глебу, осторожно разговаривающим, подскочил круглолицый.

– Да, там такое творится! Девчонки плачут, Триноль с утра уже где-то набралась, тоже рыдает, поддатая. А я до Игоря никак не могу дозвониться! Телефон включён, но он не отвечает.

Глеб хмыкнул, постучал пальцами по столику, отодвинул в сторону уже ненужную пустую кофейную чашку.

– Как там, па? Чего с ним?

– С кем? О ком это вы?!

Продолжая сосредоточено подключать свой ноутбук, Сашка присел напротив отца.

– Ну?

– Я предупреждал вас, что будет опасно?

Замолчали все, даже круглолицый прекратил весело выдёргивать из-под мрачного парня стул.

– Кто-то разбил Игорю голову.

– Сильно?!

– Очень. В ботаническом саду, сегодня утром.

– А кто?!

– Полиция ищет.

– Чёртовы игрушки!

Мрачный знакомо грохнул кулаком по столу.

– Пока мы тут в картинках копаемся, этот урод всех хороших людей погубит!

– Не успеет, если мы поспешим.

– Но ведь у нас-то на него ничего нет?! Мы все фотографии пересмотрели, как вы велели! Всех объездили, цирки там для пенсионеров устраивали! Ни-че-го!

Видеть отчаяние сильного человека всегда тягостно.

– Успокойтесь. Все. Время есть. Продолжаем работать. Давайте-ка, покажите мне самое интересное, на ваш взгляд, из собранного...

Минут двадцать капитан Глеб пересаживался с одного стула на другой, рассматривая маленькие экраны трёх компьютеров. Каждый из ребят, поначалу сильно разочарованных своей напрасной, как им казалось, работой, по очереди подзывал Глеба к себе, смотреть свои интересные кадры.

– Не то, не то...

Всё чаще и чаще капитан Глеб Никитин произносил эти слова.

Наконец, он решительно встал, выпрямился, оглядел свою гвардию.

– Хорош, ребята, суетиться. Мы тянем пустышку. Считаю дальнейшие поиски бесполезными, и бросаю якорь на Батумском рейде.

– Это про что?

– Это слова одного капитана из прошлой жизни. Итак...

Глеб обошел составленные столы, помолчал.

– Мы с вами проделали серьёзную и необходимую работу. Вы – молодцы! Спасибо.

Нужных результатов в этом направлении мы не достигли. Поэтому прекращаем. Все свободны. Сашка, ты останься.... По личным причинам.

Много говорить не пришлось. Всем всё было ясно. И мрачный парень, и весельчак в розовой рубашке, одинаково пряча глаза, пробурчали слова прощания, быстро собрали свои сумки и ушли. Не глядя на сына, Глеб негромко выругался. Когда он снова посмотрел на Сашку, тот улыбался.

– А ты-то чего?! Не грустишь, не расстраиваешься...?

– Пытаюсь угадать, что же ты, па, ещё придумал. Ты ведь что-то придумал, а?

– Яблочко от яблоньки...

Пришёл черёд и капитану Глебу довольно улыбаться, уважительно пожимая руку своему Сашке.

– Уверен, что и ты что-то накопал, но не хотел при коллегах оглашать. Правильно?

– Абсолютно! Это пока ещё только информация, а не выводы. Я думал, что нужно не спеша с тобой переговорить.

– Правильно. Давай, выкладывай.

– Вот, смотри!

Схватив приготовленный Глебом лист бумаги, Сашка одним движением нарисовал знак, весьма похожий на кровавую молнию, оставленную кем-то на сосновом пне ботанического сада.

– Правильно?

– Почти.

– Хорошо.

Блеск глаз своего сына капитан Глеб Никитин знал, как никто другой.

– Ты же просил поспрашивать, откуда этот знак и что он может обозначать, верно?! Оказалось, всё просто! Я-то совсем не в теме, а первый же знакомый парень, из этих, из сказочников, как ты их называешь, подробно рассказал мне про такие рисунки. Они ведь, кто читает про Гарри Поттера, увлекаются разными скандинавскими знаниями, и этот знак оттуда. Это – руна! Называется «эйваз», по их убеждениям она помогает людям открывать глаза на происходящее. Ну, типа, предупреждает.... Как будто кто-то говорит другому «Тебе

что, жить надоело?!».

– Стоп. Уже горжусь! Как этот знак точно называется?!

– Эйваз. Если я что-то не путаю...

– Не путаешь. Игорь, пока его врачи не увезли, несколько раз произнёс слово «ваза».

Думаю, что он что-то хотел сказать про этот самый знак. Или про то, что такой знак обозначает. Скорее всего.... Та-ак, что ещё нам известно?

– Этот «эйваз» символизирует дерево тис! И смерть. Толкование этой руны такое.... Сейчас, погоди минуту, прочитаю точно.

Сделав серьёзное лицо, Сашка пододвинул ближе к себе ноутбук.

– Вот, здесь.... «Жизнь должна была быть защищена, или скорее мы должны были подвергнуть себя опасности, чтобы развиваться далее». Ну, это, думаю, чушь полная, так, для маскировки!

– Не совсем. Умный человек всё это придумал. И заранее.

– Ладно, согласен. Когда я это узнал, то попытался вспомнить, кто из этих, из сказочников, с Игорем по этой теме особенно близко общался. Получилось четыре человека. Они не из нашего города, приезжие, живут в общежитии. И сейчас уже все приехали к началу учебного года. Я попросил одну девчонку в общаге, чтобы она уточнила, где эти четверо были сегодня утром....

– Блондинка?

– Чего?

Сашка нахмурился, не понимая вопроса отца.

– Говорю, блондинку попросил о помощи? Или брюнетку?

Умение смеяться, оставаясь внешне невозмутимым, было их семейным делом. Но пока только старший из них мог пользоваться этим искусством виртуозно.

– Да ну тебя, па! О серьёзном же говорим, а ты...

– Значит, шатенка. Ничего, тоже вариант.

Одновременно и Глеб, и Сашка расхохотались.

– Угадал. Только отстань! Как только девчонки там немного успокоятся после рыданий, она позвонит мне, скажет, кто и где был в это время.

– Класс! Умеешь мыслить в правильном направлении. Кстати, посмотри-ка свои рабочие записи, ты по номеру с последними цифрами «24» вчера не звонил?

Сашка внимательно, чуть шевеля губами, полистал страницы блокнота.

– Да, звонил, вчера. В 17.44 и в 19.16. Никто там не ответил.

– И не должны были. Такие женщины не любят отвечать на случайные звонки с незнакомых номеров...

– А что это значит, па? Чей это номер?

– Давай-ка посмотрим вот эту флэшку. Так, для очистки совести, последнее, что у нас осталось из фотографий того дня. Ты кофе будешь?

– Да, пожалуй...

– Тогда покомандуй, пожалуйста, Настей, а я пока начну. Мне – эспрессо.

– Знаю, знаю!

Файлы фотографий, подготовленных заботливой белозубой мамашей, так и назывались, просто и мило – «ФОТО_САД».

...Множество цветков и цветочков, фонтаны и утки на пруду, коляска, коляска, в двадцатый раз коляска, младенец в ней постоянно спит, лишь на одной фотографии он недоумённо застыл с кругло открытыми глазами. Ворона ходит по дорожке, опять цветы, какая-то женщина, разговаривающая с такой же точно женщиной, невнимательно тащит за собой на поводке, присевшую было по своим делам крохотную собачку. Опять розы, жирные пионы, блестящие стёкла оранжереи... Плотная зелень случайного дерева, закрывающая весь кадр, котёнок, бредущий по травяной тропинке, ещё раз этот же котёнок, опять котёнок, убегающий, потом только хвост котёнка в низких ветках этого же густого дерева....

Стоп! Рукав.

Рука и рукав. Котёнок уже исчез. Следующий снимок сделан маленькой девочкой по инерции, невнимательно и неаккуратно, но вот край рукава женского платья и сплошной тёмно-зелёный фон веток дерева, сквозь которые мельком просунулась рука, что-то напоминают...

– Твой кофе! Горячий, осторожно!

С сияющей улыбкой Сашка поставил на стол две чашки.

– Сейчас я ещё и бутерброды нам притащу...

– Стой. Смотри.

– Чего?

– Не узнаёшь? Вот эти два кадра.

– Рукав? Нет, вроде...

– Смотри время, когда были сделаны эти фотографии! Ну, ну...!

– Одиннадцать сорок семь.... Позавчера. Почти за час до смерти.... Ну, а при чём тут эти рукава?

– Парень! Складывай части головоломки! Включай личную голову!

Капитан Глеб Никитин легко вскочил, потянулся, заходил вокруг стола, вокруг Сашки, издалека посматривая на экран компьютера и улыбаясь.

– Да не понимаю я пока ничего! Объясни, па!

– Всё! Всё же ясно! Смотри...

Глеб присел, обнял сына за плечо.

– Рукав. Женское платье. Чёрное, с блестящими полосами. Если время снимка – пятница, то, вполне возможно, на фотографии кто-то из людей, присутствовавших на свадьбе. Кто из гостей был в таком платье или кто из ваших девчонок?! Ну! Вспоминай!

Эта команда не была условием. Сашка прекрасно понимал, что его отец уже знает ответ.

– Н-не могу пока.... Ничего в голову не приходит.

– Ладно. Открой папку с фотосессией платного фотографа, ну, как его там....

– Максика?

– Да, да, именно его! Быстрее! Смотри, сравнивай, у кого такое платье?!

– Триноль...

Сашка испуганно выдохнул, откинулся на стул, едва не опрокинув на себя обе чашки с кофе.

– Именно, приятель! Первый гвоздь забит. Следующее.... Нет, давай-ка мы всё-таки по кофейку вдарим, скоро нам его бодрящая специфика пригодится.

– А почему она, па?! Она-то здесь при чём?

– Кофе действительно горячий. Пей.

Задумчиво подняв свою чашку, капитан Глеб засмотрелся на узкую полосу окна заведения, сверкающую в лучах жаркого уличного солнца.

– А при том.... Какое дерево на этих снимках? Только ты повнимательнее, поточнее рассмотри.

– Мелко, и резкости нет, не могу ничего определить.

– Увеличь масштаб. Ну?

– Вроде, хвойное какое-то...

– Точно. Это тис. Тот самый, что около беседки растёт.

– Откуда ты знаешь?! Невозможно же по двум мутным веткам точно определить, какое это дерево! Их же в ботаническом саду тысячи!

– Тисов – три. И только на одном из них позавчера были спелые ягоды. Смотри внимательней!

Капитан Глеб предельно сильно увеличил масштаб изображения на экране компьютера. Общий фон стал ещё беспорядочней и неопределённей, но на нём простили редкие красные пятна.

– Это тис. Им и убили Алию. Убила Триноль.

– Зачем?!

– Ей нравится Игорь?

– Не то слово! Она по нему с первого курса сохнет! Везде, где Игорь бывает, там и она!

– А Игорь, насколько я понимаю расклад, был влюблён в Алию? Так?

– Да, поначалу они встречались, дружили очень, а потом рыжий приехал, там всё у него с Алей по-серёезному началось.... Игорь-то больше в романтику играет, а Аля уже совсем взрослая..., была. Она много про будущую семью говорила, про свою свадьбу.... Игорь до последнего не верил, что она решится за рыжего замуж выйти. Потом, когда их родители обо всём договорились.... Одни раз, после бара, Игорь при всех кричал, что в любом случае не забудет Алю, будет любить её всегда....

– Вот тебе и мотив. Для вашей Триноли.

– Да они же с Алей дружили, она же свидетельницей её попросила быть!

– Любовь и дружба.... В замкнутом пространстве эти два замечательных понятия почти всегда начинать враждовать. Ладно, об этом немного потом. Сейчас – о деталях.

Глеб поставил пустую чашку перед собой, покрутил её на поверхности столика.

– Где сейчас она?

– Кто? Триноль? С утра – в общаге, то ревёт, то учебники по полкам раскладывает. Кто-то сказал, что она успела уже чего-то выпить, в истерике после всех этих событий.

– А почему она в общежитии?

– Многие наши с курса – не местные, Триноль – тоже из посёлка, родня её живёт там, километров сто пятьдесят от города.

– Не рано ли приезжать после летних-то каникул?

– Нет.... В общаге же не только она такая! Некоторые сдают зачёты, а Триноль специально пораньше на несколько дней приехала.... На свадьбу.

– Так. Так. Так...

Положив на стол перед собой сжатые кулаки, капитан Глеб Никитин посмотрел на сына.

– Зачем – ясно....

– А как?

– Проницательный ты у меня получился!

Действительно, Сашка смотрел на отца с тревогой и ожиданием. И без того свободный светлыми, длинными, взъерошенными волосами, он постоянно, хмурясь, проводил по голове раскрытой ладонью.

– Уверен, что Триноль перед свадьбой сильно нервничала. Она-то хотела, чтобы Алия вышла за рыжего, но до последнего не была уверена в Игоре.... Допускаю, что она ожидала какой-нибудь страшно мелодраматической сцены, побега бывших влюблённых, их клятв когда-нибудь вернуться друг к другу и прочее. Допустим, что по приезду свадьбы в ботанический сад Триноль внезапно заклинило и она, то ли от алкоголя, то ли от жары, бессонницы и напряжения последних дней решила окончательно лишить Игоря иллюзий. Невеста – волшебная, красивая, спокойная, уверенная! Как сделать, чтобы она не была такой?! Что такое быстро придумать, чтобы прекрасное лицо и свежее дыхание близкой соперницы не были такими? Причём на глазах у Игоря, чтобы он навсегда запомнил мерзкое зрелище и отвернулся от Алии. Нет счастливой соперницы – нет и вариантов, куда стремиться любимому....

– Ну, и...?

– Возможно, первое, что могло прийти в голову возбуждённой Триноли – незаметно травануть невесту! Чем-нибудь, что под рукой, что знакомое. С гарантией. Чтобы непременноискажённое лицо, пена изо рта, пот, слёзы и прочее. Нужна была такая отрава, которую Алия легко бы согласилась попробовать, ни о чём не догадываясь. А тут ещё и Игорёк нечаянно в её преступную задумку вмешался, подыграл, разыскал и притащил для Алии ягод романтической сакуры! Всё складывалось – и любимого подставить,

дискредитировать, так сказать, в глазах общественности, и облик светлой невесты запачкать! Тис – он же рядом! О его ядовитых свойствах Триноль прекрасно знала, она же с Игорем вместе в эти сказочные игры постоянно играла! И подарок – ягоды, и отрава – ягоды... Красные, похожие. А отрава ещё и пахнет мармеладом....

– И что, так просто?! Яд такой сильный?

– Мякоть тиса, красная, безобидна, а вот семена и хвоя – страшная штука! Семена непрочные, легко раскусываются, под мармеладный вкус присемянников, да под вполне понятное волнение невеста могла ничего странного не заметить и не заподозрить. Плюс её детская астма, проблемы с сердцем, немного шампанского, жара.... Получился перебор.

– Дикость какая-то!

– Верно.

– Тогда нужно сейчас же, срочно, ехать в общагу, брать Триноль и заставлять её во всём признаваться!

– Не признается. Я бы, например, ни за что не признался.

– А факты?!

– Какие такие факты, малыш?! То, что мы сейчас с тобой напридумывали? Это всего лишь красивые версии, не более. Уверен, Триноль – умна, она давно уже продумала свою линию поведения и пошлёт по известному адресу любого, кто вздумает сказать ей что-либо подобное, и будет права!

– А что же тогда делать?!

Растерянный Сашка продолжал терзать свою светло-кудрявую причёску.

– А делать мы будем вот что...

Закончить умную мысль капитан Глеб Никитин на этот раз не успел. Зазвонил его телефон.

– Ого!

– Кто это, па?

– Женщина.

Странно и неожиданно для Глеба было видеть, что ему звонит Марьяна.

– Алло!

– ...Привет, это я!

– Ванька, ты что ли?! Что-то с Марьяной? Ну, говори быстрее!

– Нет, с ней ничего плохого. Она вот здесь, рядом со мной стоит. Просто я решил воспользоваться её телефоном, так вернее. У нас тут, Глебка, плохие новости.... В администрацию сада, Валерии Антоновне, сейчас позвонил комендант, ему, на рыбалку, сообщили его родственники, что паренёк-то этот, раненый, Игорь, да, умер в больнице.... Так вот. Что будем делать?

– Думаю. Что ещё есть из новостей?

– Спортсмена нашли, ну, племянника комендантovского, у подружки он все эти дни отлёживался. Это ты его так, Глебка?

– Не сошлись характерами. Что ещё?

– Лупоглазый орал на Антонну, весь в ярости, обещал, что отомстит всем!

– Раньше завтрашнего дня он в городе не появится. Будет допивать на природе. Так что время подумать над его предложением у нас есть. Ладно, Иван, хорошо, что позвонил. Действуем по плану, ты занимайся садом, а я здесь...

– Марьяну тебе дать, будешь с ней говорить?

– Нет. Извинись за меня, скажи, что дел много...

– Ладно, пока.

Выключив телефон и нахмурившись, теперь уже капитан Глеб Никитин по примеру сына взялся тревожить пятерней свою седую голову.

– Да-а...

– Чего там, па?

– Игорь умер. Только что.

– Ну, ещё и это....

Сашка внезапно побледнел.

– Так страшно, па....

– Очень. Тем более, нам нужно спешить! И первое, что ты сейчас сделаешь, – поедешь в общагу...

– Может мы вместе?!

– Не переживай, совершать там особых подвигов от тебя не потребуется. Не нужно ни допрашивать Триноль, ни задерживать. Даже встречаться тебе с ней не обязательно. Найди возможность, отыщи и привези сюда её ноутбук.

– Как? Она же не отдаст!

– Укради. Устрой пожар в общаге или что-нибудь такое же масштабное. Любой предлог, любые выдумки поощряются. Если возникнут сложности – вали всё на меня. Двигай. Про смерть Игоря никому пока ни слова.

И, не дав сыну опомниться от всего услышанного, капитан Глеб хлопнул Сашку по плечу.

– У тебя всё получится! Давай, вперёд!

На пороге кафе Сашка обернулся.

– А может, тебе лучше, ну, ноутбук-то этот украсть...?

– Нет, сын, нет! Вдруг там, внутри, военная тайна, а я её недостоин?!

Оставшись в одиночестве, капитан Глеб Никитин совсем недолго сосредоточенно и неподвижно сидел за столиком. Внезапно он поднялся, с невнимательной небрежностью отодвинул ногой стул.

– Настя!

Рыженькая официантка сразу же услышала негромкий голос и вопросительно посмотрела в его сторону.

– Я немножко пройдусь, пусть наши вещи здесь останутся, ладно?

– Хорошо! Не беспокойтесь, я посмотрю за ними. Посетители обычно собираются только к часу, к двум...

– Я скоро.

В городе было хорошо.

Красивые люди смеялись, дети бегали по тротуарам и газонам, блестящие машины проносились по чистым улицам. Солнце давало всем возможность радоваться, загорать и отдыхать от привычных забот.

Капитан Глеб просто шёл.

Ритм шагов помогал думать и устраивать мысли в необходимом для предстоящих действий порядке. Он никогда не любил суматоху коллективных обсуждений, споры и митинги.

Его мысли, его поступки, его решения. Его ответственность.

Что нужно делать в ближайшее время, Глеб уже знал. Осталось только продумать декорации, реквизит и реплики персонажей.

На бульваре два пожилых человека играли в шахматы.

Капитан Глеб Никитин остановился возле них, не столько спортивно играющих, сколько увлечённо разговаривающих о жизни. Один из шахматистов, помоложе, в большой мятый кепке, внимательно, наверняка в расчёте найти счастливый шанс спасения от неминуемого маты, уткнулся в расставленные на картонной доске фигуры, а второй, совсем уж древний бородач, судя по всему, решивший, что выигрыш у него в кармане, уже свободно рассуждал о наболевшем.

Дед говорил о наркоманах.

– ...Дурное это дело, если в не ту сторону продукт использовать. Конопель-то, он ведь

и у нас рос. На Пасху масло родители из него делали, да! Здоровые дудки такие, летом топором их рубили, ну, некоторые дёргали ещё, если получалось. Корень-то большой, иногда не выдернешь даже! Шишки у них были, с семенами. Сначала на молотилку мы его отвозили, а там в мешочек семена-то ссыпали, да.... Ведро, полтора, если получалось всего натрясти, везли в соседнее село, два километра от нас, только у них там маслобойка-то была. Бидончик такой небольшой каждый раз получался, литра на четыре. Лучше масло, чем из подсолнечника-то! Своеобразное...

Кричали вороны в высоких деревьях, шумели торопливые городские автобусы, за густой бульварной тенью солнце продолжало разогревать асфальт, а деды на скамейке невозмутимо занимались делом, каждый своим: тот, что в головном уборе, искал спасения в безнадёжной позиции, а бородатый вспоминал ушедшую жизнь.

Капитан Глеб Никитин видел и слышал их, обоих. Но напряжённо думал совсем о другом.

— ...Подсолнечник-то и тогда в магазинах продавался, а вот конопляное-то масло моя мать сама делала. А дудки, которые получались после всей этой процедуры, мы в речку бросали, возле самого берега! Досками придавишь их — и в воду! Месяца три они там пролежат — чешуя-то с них сама и отскакивает. Веревки же из конопля у нас всегда в прежние времена делали!

А вот дудки, если высохнут, ужас какие жаркие получались! Как бензин от спички вспыхивали! Если размолоть их, сухие-то, то порох, наверно получится.... Где порох-то у нас изобрели, в Китае?

Ни окончания длинной шахматной партии, ни точного ответа о месте изобретения пороха Глеб не стал дожидаться.

Всё внезапно сложилось. Декорации встали на места. Герои вот-вот выйдут на подмостки.

По пути, возвращаясь в кафе, капитан Глеб Никитин набрал номер Марьяны.

— ...Да, да, я слушаю тебя! Ты как?! У тебя всё хорошо...?

Взволнованный голосок, чуть ли не слёзы.

— Нормально. Самое главное — успокойся. Не переживай, маленькая, я скоро приеду за тобой. Занимайся делами. Найди лучше Ивана, дай мне с ним поговорить, ладно?

— Хорошо, обязательно.... Но ты же ведь, правда, дрался?! А почему мне ничего про это не сказал? Ничего у тебя не болит, а?

— Ванька рассказал?! Вот кто настоящий трепач! Получит по шее. Ну, что со мной может плохого случиться? Я же, как телефон Хоттабыча, — сплошной мрамор. Ещё раз прошу — не волнуйся по пустякам и ничего лишнего не придумывай. Всё нормально. Ладно, сбегай, пожалуйста, прямо сейчас к Ваньке, хорошо...?

На перекрёстке, напротив большого мебельного магазина, телефон Глеба знакомо зазвонил.

— Всё, па! Всё сделано! Украд! Она спит, соседки из её комнаты курили на кухне, а я незаметно пробрался...

— Не трать словесных усилий, давай приезжай быстрее!

А через минуту, капитан Глеб, услышав в трубке уже глуховатый голос Ивана, коротко и чётко объяснил, зачем и почему тому нужно срочно быть в кафе. И как туда проехать.

Пароль не понадобился.

Включённый, простенький студенческий ноутбук Триноли заработал без всяких предварительных условий.

— А как её почту посмотреть я не знаю...

— И не надо. Изучим, для начала, обычновенную, массовую, информацию. Уверен, что

девушку интересовали рецепты и фрагменты из тех современных сказок, где фигурирует тис. Давай, рули...

Полчаса за компьютером пролетели быстро.

Глеб успел выпить ещё две чашки кофе, Сашка с невнимательным аппетитом съел тарелку мясных бутербродов. То, что так пристально изучала странная девушка Триноль,казалось им бредом. Среди сотен фотографий Игоря, картинок с Гарри Поттером и шляпами волшебников часто мелькали упоминания о тисовом яде.

«...У древних кельтов тис был символом бессмертия, а полые стволы тисов считались воротами в Иной Мир. Эти деревья с тёмно-зелёной хвоёй и причудливо переплетёнными стволами росли в местах, почитавшихся у друидов священными, там хоронили королей и проводили ритуальные сборища. Традиция устраивать кладбища в тисовых рощах не угасла и с приходом христианства. Видимо, уповая на способность пережить собственную смерть, люди с незапамятных времен высаживают тис на кладбищах вместе с другими вечнозелёными деревьями-долгожителями. Говорят, что тисы, растущие на кладбищах, протягивают свои корни ко ртам мертвцев. Эта история получила чудовищное подтверждение в 1990 году в городке Селборн в Гемпшире, когда ураган повалил кладбищенский тис. Из-под земли показались три десятка черепов, нанизанных на корни»

«...Eihwaz (Эйваз) – 13-ый рунический знак, символизирует защиту, собственно „тис“, боевые луки, сделанные из тиса, а также в качестве одного из своих значений имеет смерть. Кроме того, Eihwaz символизирует полное обновление духовного мира человека и смерть здесь – только переход на следующий уровень»

«...Из тиса у древних кельтов изготавливались и Белые палочки друидов, которые использовались при прорицании и других магических ритуалах. На выструганные одинакового размера палочки наносились буквы алфавита деревьев – алфавита Огама, палочки складывались в мешочек, встряхивались и доставались по одной, формируя пророчество или ответ на поставленный вопрос. Четырьмя тисовыми прутьями в обрядовых целях позже пользовались филиды – ирландские преемники бардов, членов друидической жреческой касты»

«...Химический состав и механизм токсического действия. Основное действующее вещество тиса – таксин – представляет сумму различных алкалоидов, в нём также содержатся алкалоиды – милюсин, эфедрин, гликозид таксикантин. Таксин вызывает резкое раздражение слизистых пищеварительного тракта, сопровождаемое рвотой и поносом, значительно влияет на сердечную деятельность, останавливает дыхание...»

«...Симптомы отравления семенами тиса – тошнота, рвота, головокружение, иногда бред, сонливость, снижение мышечного тонуса, одышка, судороги, снижение температуры тела (гипотермия). Нарушается работа почек: в моче и крови обнаруживается повышенное количество белка»

«...В древесине, коре, побегах, хвое и семенах тиса содержится ядовитый для человека и животных алкалоид таксин, который парализующе действует на сердце, вызывает конвульсии и остановку дыхания. Достаточно вытяжки из пятидесяти граммов хвои тиса, для того, чтобы убить человека. Съедобна и приятна на вкус только мякоть ягоды – она служит пищей птицам, которые разносят семена тиса. По легендам, из тиса изготавливали яд, которым пользовались ведьмы»

– Ну, как тебе подобная беллетристика?

– Бутербродов уже не хочется.

Сашка вытер руки бумажной салфеткой.

– Это же полнейшая чепуха! Никаких серьёзных доказательств! И зачем ты меня только заставил воровать этот ноутбук?!

– Чтобы он был. У нас. А не у неё.... Всё идёт по плану, мой законопослушный сын! Теперь переходим к следующим процедурам. Звони Триноли, а если не будет получаться, то созваниваясь с подругами в общежитии, пусть будят её; говори, что у тебя для неё есть очень важная новость.

– Какая?

– В личном разговоре скажешь, что, во-первых, ваша группа нашла в фотографиях одного из посетителей ботанического сада странные сюжеты, а во-вторых, у тебя есть информация о состоянии здоровья Игоря...

– Ну?

– Гну. Взволнованно добавишь, что это не телефонный разговор и тебе нужно с ней срочно посоветоваться. Что ты сидишь здесь, в кафе, что уехать отсюда пока не можешь. Вроде как я, твой отец, обещал расплатиться за всё, что вы здесь за всё время расследования напили, наели, но сам я пока ещё с деньгами не подъехал. Пусть она срочно мчится к тебе в кафе! Ясно?

– Ясно. А, всё-таки, зачем? Ну, для чего она тебе здесь?

– Разговаривать будем. О прошлом и предстоящем.

Иван приехал весь в светлом, в недавно купленной повседневной одежде.

Умытый и строгий.

Высокий, представительный.

Когда Глеб сказал ему, что с минуты на минуту должен появиться человек, который убил его Алию, Ванька промолчал. Только напрягся, медленно опускаясь на стул.

– Коньяком угостишь?

– По итогам. Но не сейчас.

– А кто это...?

– Увидишь.

– Зачем ему это было нужно?

– Глупость. Отсутствие хорошего ума. Пустая злость.

Долгое время они молчали.

Многие посетители кафе удивлялись, успевая радостно, с воскресным наслаждением, справиться со всеми своими напитками, поесть разноцветных пирожных, и наблюдая при этом за двумя странными молчаливыми мужчинами, без стаканов в руках и ничем не закусывавших.

Капитан Глеб был уверен, что в любую минуту сможет остановить страшный гнев Ивана и его мозолистые кулаки.

Всё ещё бледный лицом, но через силу улыбаясь, Сашка, который все последние минуты неловко вышагивал по жаркому уличному крыльцу, встретил и проводил в прохладное помещение кафе Триноль.

Совсем не такая, какой капитан Глеб запомнил её со дня свадьбы.

Без вынужденных праздничных каблуков, без особой косметики, в обычных джинсах. Простая девчонка, круглое лицо, чёрно крашеные короткие волосы, только вот взгляд – мутный, моментами – дикий, со зрачками, уходящими под верхние веки.

Триноль продолжала настороженно хмуриться, наблюдая за смущением Сашки, который вёл её по залу кафе к дальним столикам.

– Вот.... Это здесь.

– Кто это? Ты же говорил мне, что есть какие-то новости, что здесь будут только наши?!

– Садись, садись, милая.... Я – именно та новость, о которой так убедительно сообщил

тебе мой славный сын Сашка. Да садись же ты!

Привстав, капитан Глеб Никитин одним движением тяжёлой руки, опущенной на плечо девушки, усадил её, пошатнувшуюся, на стул.

– Вот, теперь можно и поговорить. Только не дёргайся. Я этого не люблю.

– Что вы от меня хотите?! Я сейчас закричу!

– Кричать нужно было раньше. Орать, материться, ругаться.... Но не убивать.

О том, как застыл за его спиной тихий и наверняка ещё больше побледневший сын, Глеб догадывался; то, как напрягся, скрипя зубами, Иван, Глеб Никитин слышал. Сам он пристально смотрел в глаза девушке, пытаясь заметить в них страх. Страха не было. Любопытство сквозь сплошную усталость. Отчаянная злость. Упрямство. Но не страх...

– Собралась хорошая компания. В преддверии сложного и тяжёлого разговора сочту за честь познакомить собравшихся друг с другом. Некоторые ведь до сих пор не знакомы, правда? Итак...

Убедившись, что Триноль сидит спокойно, никак не готовясь для отчаянного рывка и побега, Глеб и сам расслабился, положил руки на стол.

– ...Сашку вы все знаете – это мой сын. Следовательно, я, Глеб Никитин, – его отец. Следующий участник встречи – наша гостья, девушка, которую для краткости мы будем называть Триноль, и которая совсем ещё недавно убила свою лучшую подругу Алию Германову.

Ни дрожжи в руках, ни слабого движения век.

Взгляд – только на Глеба.

– А вот этого человека звать Иван Германов, он – отец Алии Германовой.

Выдох. Женский, шипящий, звонкий в тишине, поэтому противный.

– Теперь подумаем о меню. Я буду пить кофе, Иван, ты?

– Коньяк.

– Хорошо. Сашка, а ты?

– Коньяк...

– Плохо, но допустимо. А ты, милая...?

– Заткнись. Говори по делу, а то я уйду. И не удержите все вместе!

– Шикарно! Сейчас я ненадолго отлучусь, сделаю заказ, а ты, милая и отважная, во время моего отсутствия будешь слушаться вот его....

Капитан Глеб кивнул в сторону Ивана.

– Ты же понимаешь, что никакого повода ему давать не надо? Поэтому веди себя достойно...

За стойкой Настя протирала стаканы, а её коллега, пухленький полнощёкий официант, что-то записывал в блокнот. Он-то и попытался опередить рыженьку, бросился к Глебу первым.

– Чего желаете?!

– Желаю поговорить с Настей.

– А-а...

Поглядывая через плечо капитана Глеба в зал, Настя сразу же торопливо зашептала, сделав большие глаза.

– А что тут Триноль делает?! Она что, тоже с вами расследует, да? Но ведь же....

– Не тараахти. Сейчас не время для лишних слов, поэтому слушай меня. Во-первых, наш заказ.... Два хороших коньяка, по пятьдесят, для начала. Кофе, мне. И сделай, пожалуйста, ещё простой коктейль, с джином. Добавь туда какого-нибудь зелёного ликёра. Любой дешёвый подойдёт. Но только обязательно зелёный! Как только всё у тебя будет готово, пусть твой коллега-пупсик принесёт напитки, кроме коктейля, к нам за столик. А коктейль потом, через минуту, заберёт у тебя, здесь, тот высокий смуглый мужчина, что сидит с нами. И дай мне на время авторучку.

– А почему так сложно-то?!

— Так надо...

Последние слова капитан Глеб Никитин, перегнувшись через стойку, прошептал с такой же таинственностью, с какой Настя задавала ему свои вопросы.

Заметно было, что за время его отсутствия за их столиком никто не произнёс ни слова, даже не пошевелился.

Глеб с шумом уселся, выдернул из подставки бумажную салфетку и одним росчерком нарисовал на ней знакомый знак.

— Приятная картинка, милая?

Положив сжатые кулаки перед собой на скатерть, Триноль продолжала молча и мелко раскачиваться на стуле.

— Это ведь предупреждение, не правда ли? Именно сейчас — предупреждение для тебя, малышка! Типа: «Тебе что, жить надоело?».

— Есть что по теме? Говори, а то я ухожу.... Орать буду!

— Потерпи. Уверяю — дальше всё будет гораздо интереснее.

Капитан Глеб слегка отодвинулся, давая возможность официанту поставить на стол перед ними коньяки и кофе.

— А коктейль для дамы?

— Немного позже, готовится!

— Я схожу, принесу. Покурю там пока...

Всё так же, не глядя на сидящих рядом, Иван поднялся.

«Тетива натянута...».

С волчьей улыбкой, не предназначеннной ни для кого, почти хищной, капитан Глеб Никитин смотрел в прикрытое лёгкими шторами окно.

«Так надо...».

Вернулся Иван, ровно, без стука, поставил перед девушкой коктейль.

Сел.

— Помянём Алию!

И если Сашка и Иван подняли свои стаканы сразу же и одновременно, а Глеб прикоснулся к чашке с горячим кофе, просто обозначая своё участие в тосте, то Триноль немного помедлила. Но потом резко схватила принесённый бокал с зелёным напитком и залпом, почти одним глотком, выпила его весь, до дна.

— Ну что, вкус мармеладный?

Глеб рассмеялся, закинув руки за голову.

— Вот точно так же, малышка Триноль, поступила тогда, в пятницу, в беседке, и ты. А наша Алия, ни о чём не догадываясь, приняла из твоих рук яд.

— Какой яд?! О чём это ты?

Капитан Глеб кивнул, а Сашка достал из своей сумки и передал ему свёрнутую бумажную салфетку.

— Вот такой яд.... Красивый и вкусный.

Действительно, на раскрытой ладони Глеба красные ягодки тиса выглядели блестящими праздничными карамельками.

— Узнаёшь?

— При чём здесь я?! Ягоды там были всякие; какие Аля ела, я не знаю, её многие тогда угощали.

— Такими — только ты.

— Не я! У вас нет никаких доказательств! Ерунда!

— Не совсем.

Всё так же, жестоко улыбаясь, капитан Глеб Никитин наклонился очень близко, почти вплотную, к лицу девушки.

— Не ерунда. Ребята, твои друзья и однокурсники, проделали большую работу! Они просмотрели тысячи фотографий, сделанных разными людьми в ботаническом саду в тот

самый день, в пятницу, во время, когда там была свадьба! И на одном из этих случайных любительских снимков я увидел, как именно ты, малышка Триноль, рвёшь ядовитые ягоды тиса за полчаса до гибели Алии!

– Это же просто ягоды! Они же безвредные.

– А ты откуда знаешь, что сами ягоды тиса не ядовитые?! Изучала вопрос?

Откинув чёрную прядь со лба, Триноль хрипло засмеялась.

– Об этом все знают! Никакой это не секрет! И не доказательство!

– Ладно. Тогда о главном.

Глеб поднялся, сделал несколько неторопливых шагов из стороны в сторону, встал за спиной Триноли, опустил ладони на спинку её стула.

– Эта фотография сейчас – на моём компьютере. Хранится надёжно. Твои кружевные перчатки, в которых ты была на свадьбе и рвала для невесты ягоды тиса, тоже у меня...

– А-а...

– Правильно! Сегодня я украл из комнаты вашего университетского общежития и твои свадебные перчатки, и твой ноутбук со всеми тщательными рецептами приготовления яда из ягод и семян тиса. Ноутбук спрятан, а вся представляющая для меня интерес информация с него скопирована...

– Урод!

Мгновенные крупные слёзы, гримаса ненависти, длинные ногти, готовые рвать – Триноль вскочила со стула.

– Сид-деть! Сидеть, я сказал!

И снова взбешённая девчонка силой уверенных мужских рук была усажена на стул.

– Не дёргайся. Хотя бы минут десять. Они у тебя есть. Теперь – самое главное. Как ты думаешь, малышка, каким таким напитком угостили тебя сейчас отец Алии? Подсказка – во-первых, он очень внимательно изучил ядовитые свойства ягод тиса, а во-вторых, он служит в ботаническом саду, присматривает за многими растениями. Сюда Иван приехал прямо с работы.

– Все вы уроды! И ты, и он...

– Совершенно правильное возбуждение! Отец Алии, Иван Германов, принёс тебе сейчас смешанный с джином отвар семян тиса, именно семян, тех самых ядовитых косточек, а не мякоти красных и красивых присемянников! Времени у тебя, Триноль, двадцать минут, максимум полчаса! Сначала ты почувствуешь, как трудно тебе станет дышать, потом наступит черёд дикой рвоты! Пока ты будешь здесь, на полу этого кафе, корчиться в судорогах, всё твоё имущество будет возвращено на место, а вечером, при обыске комнаты умершей, то есть тебя, полиция найдет в общежитии эти улики, а на твоих перчатках – следы тисовых ягод! Чтобы остаться жить, от тебя требуется одно – признаться. Тогда будет тебе мгновенно и хлоргидрат, и рвотные препараты, и «скорая», и хорошая больница на первое время, обещаю!

– Какие же вы все здесь гады.... Гады и уроды!

– А ты, малышка, ангел? Это не ты, слушаем, убила свою подругу?

Из-за стойки бара, пристально наблюдая за тем, как Триноль в слезах колотится головой по скатерти стола, на капитана Глеба вопросительно и тревожно посмотрела рыженькая Настя.

– Ну? Решайся. Там, в коктейле, ешё и отвар тисовой хвои был. Но срочное промывание всё равно поможет...

– Да, да! Это я! Я это сделала!

Триноль вскинулась чёрными волосами, тушь потекла по её щекам, смешиваясь со слезами бессильной ярости.

– Да, он говорил мне про неё.... Всегда говорил, смеялся.... Что она такая нежная, сказочная, а я...., что пиво пью..., что пирсинг у меня крестьянский, а я же его так люблю...! Он же знал про это! Знал, а потом смеялся.... Когда свадьба была назначена, я успокоилась, думала, что теперь он мой, а она..., Аля, там, в беседке..., спокойно так, мне сказала, что

будет всегда любить его, Игоря, что он для неё дорог... Я как в тумане вся стала, хотела их прямо там поссорить, чтобы он увидал, какая она..., а он ещё и поцеловал её... Я думала, что когда она...., отравится немного..., не до смерти, конечно, что... не будет такой красивой.... А у неё, оказывается, сердце...

Капитан Глеб не успел отпрянуть, Триноль вскочила и вцепилась в ворот его рубашки.

– Я же не хотела её убивать! Не хотела! Нет...!

И снова упала лицом на скатерть.

На шум оглянулись единственные, кроме них, посетители кафе. Немолодой мужчина что-то зашептал свой спутнице, они быстро поднялись из-за столика и ушли. Пухлый официант, бдительно прислушавшись к крикам Триноль, пробовал было набрать какой-то номер на служебном телефонном аппарате, но Насти решительно остановила его.

– Мне не жить без него.... А если станет известно, что я так..., с Алей..., то вообще Игорь никогда мне этого не простит... Я ему так и сказала, а он.... Не говорите ему ничего, пожалуйста.

Триноль ещё раз попыталась встать из-за стола, но, ослабев в истерике, без сил снова опустилась на стул.

– Я умру?

Из-под черных прядей, сквозь мутные потоки серых слёз на капитана Глеба смотрели усталые девчоночки глаза. С мольбой и ненавистью....

– Нет. Коктейль ты выпила сейчас обычный, слабоалкогольный, но вот три свидетеля твоих слов и диктофон – настоящие.

– Как болит голова, как всё кружится вокруг, шум.... Уберите этот шум!

Триноль с силой зажала ладонями уши, опустила голову меж локтей.

– Молчите все! Тише! Прошу вас... Ты обманщик...

– Совершенно верно!

Капитан Глеб ласково улыбнулся и принялся потирать руки.

– Я – великий и ужасный обманщик!

По взглядам и выражениям лиц и потрясённого Сашки, и продолжающего кипеть молчаливой яростью Ивана было видно, как они оба хотят немедленно прекратить это страшное представление.

Но верёвка занавеса всё ещё оставалась в руках капитана Глеба Никитина.

Каждый из них понимал, что Триноль уже не способна сейчас ни говорить разумно, ни слушать чьих-либо спокойных и рассудительных слов.

Но Глеб лучше других знал, что такое момент истины....

С настойчивостью он тронул Триноль за плечо.

– А вот любимого своего Игоря Поттера ударила лопатой по голове именно ты! Он же умер, понимаешь! Умер, Игорь-то твой ненаглядный! Сегодня, только что...! Это ты, в полном сознании и в злобе нарисовала там его кровью «эйваз»?! Отвечай, малышка! Ну?!

– Умер? Может быть.... Как же так? Один он умер, без меня. Странно... Утром позвала его..., рассказать, что мне не жить теперь без него.... Всё про Алю, что это я с ней..., а если раскроют причины её смерти, то я вообще жить не хочу! Сказала, что мы вместе с ним можем уйти из этого мира..., я знаю как.... Хотела поцеловать его, а он.... Ударил меня по щеке...., закричал, обзвывался..., ужасно! Я говорила ему, что не нужны нам другие люди..., что мы можем и без них, что люблю его..., о том, что он теперь мой....

Никто бы не смог так пристально выдержать этот безумный взгляд.

И шёпот таких слов.

Капитан Глеб схватил Триноль за запястья и держал так крепко, что мгновением пронеслась даже мысль о её нестерпимой боли и о будущих синяках.

– ...Он ведь грубо выругался! ...Послал меня...., сказал, что обязательно всем расскажет, что все должны знать про меня.... Он не хотел умереть вместе со мной...., он не должен был так, я же ведь.... Я ударила его! Кровь, свежая, такая красивая...

– Папа! Прекрати это! Не надо больше так...!

Замахав руками перед застывшим в напряжении Глебом, Сашка взмолился, толкнул его в плечо.

– Всё! Всё же ясно?! Ну, прекращай...

Услыхав голос сына, капитан Глеб Никитин словно бы очнулся, сильно выдохнул, откинулся на спинку стула.

Устало улыбнулся.

– Да, ты прав. Теперь – точно всё. Тогда давайте-ка ещё по кофейку, а?! Иван – после всего этого коньяк ведь можно пить и по-серъёзному! Сашка, ты-то как?

– Не хочу...

– А вы, девушка? Что вы будете из напитков?

Триноль выпрямилась.

Молчала.

– Эй, злодейка! Чего-нибудь выпить безвредного не желаешь? Если нет доверия мне, закажи сама.

Страшное, неподвижное лицо, в чёрных потёках слёз, в прилипших на щёки и лоб спутанных чёрных волосах.

И улыбка.

Ни для кого, только для себя.

Вдруг – спокойный и ясный взгляд.

– Нет. Спасибо. У меня с собой.

Из внутреннего кармана короткой кожаной куртки Триноль достала небольшую блестящую фляжку.

– ....Мужчины нечасто угощают бедных девушек. Не все они так внимательны, как вы, отцы.... Поэтому нам приходится кое-что всегда иметь с собой.

И ещё раз, странно красиво и удивительно мудро улыбнувшись, Триноль открыла фляжку. Несколько глотков – и девушка швырнула её, пустую, в сторону.

Прозвенев тонким металлом по плиткам пола, фляжка гулко стукнулась о дальнюю стену.

– Теперь действительно всё. Я пошла.

Триноль поднялась и сразу же, вслед за ней, в грозном молчании, из-за стола поднялся Иван.

– Не надо, Ванька.... Пусть идёт.

Три коньяка.

И кофе для Глеба.

– Можно к вам?

– Валяй...

Рыженёвская официантка придвинула от соседнего столика стул, не решившись сесть на тот, с которого совсем недавно поднялась Триноль.

– Это она сделала?

– Да.

– Сама вам рассказала?

– Почти...

– Глеб, а что дальше? Так всё и закончится?

Глотнув коньяк наполовину, Иван с тяжёлым вопросом посмотрел на Глеба.

– Так она и уйдёт? Уедет куда-нибудь?

– Нет, не получится.

После коньяка капитан Глеб сразу же взялся за чашку с кофе.

– ...Вещественные улики я сегодня же постараюсь передать следователю. Нас будут вызывать, расскажем, что знаем. Думаю, что у них теперь есть за что зацепиться.

После долгого молчания Сашка нахмурился, вспоминая то, что последнее время его тревожило.

– А про какие перчатки ты говорил ей? Вроде, про кружевные? Я же у неё из общаги ничего такого не забирал?! И не отдавал их тебе?!

– Правильно, не отдавал. На фотографии, там, где её рука, ну, где ёщё котёнок и тис, видна такая перчатка. Я вспомнил, что и у свадебной беседки в ботаническом саду свидетельница Триноль была именно в таких перчатках. Подумал, что они у неё должны были сохраниться, на память.

– Ты уверен, что улик хватит?

Иван, не допивая в рассеянности свой коньяк, продолжал размышлять о возмездии.

– Хватит. Там ёщё же и отпечатки на черенке лопаты сохранились.... А это уже серьёзно.

– Тьфу, алкашня....

Иван сплюнул на пол.

– Такие вот с молодых лет и...

– Ты неправ, Иван.

– Почему это?! Ты же сам видел, как она из фляжки-то лихо! Водяра-то у таких всегда при себе, видите ли, чтобы выжрать, если вдруг захочется...

– Да...

Встрепенулась, вступая в разговор, Настя.

– У неё эта фляжка была с собой и на свадьбе, в сумочке...

Ни пить, ни что-то ёщё говорить никому из них уже не хотелось.

Глеб вертел по скатерти авторучку, Настя шмыгала носом, часто поднося к лицу большую салфетку, Сашка рассматривал свои ладони. Иван по инерции крепко сжимал в кулаке пустой коньячный стакан.

– Ну, вот и всё...

Но договорить капитан Глеб Никитин не успел.

Сквозь стеклянную дверь кафе, с улицы, мелькнул какой-то быстро шагающий человек, рванул дверь за ручку и ввалился, почти упал в зал.

– Эй, вы...!

Тот самый немолодой мужчина, который совсем ёщё недавно, не пожелав слушать их шумный разговор, вместе со своей спутницей ушёл из-за соседнего столика.

– Там, ваша эта...

Мужчина тяжело дышал после бега, потный и растерянный.

– Девчонка ваша, чёрная такая, там, на автобусной остановке умирает!

Действительно, чёрная.

В розмарине чёрных коротких волос, в несмытых с лица и невытертых чёрных потёках слёз.

В самом центре любопытной, глухо бурчащей толпы.

На скамейке автобусной остановки.

Триноль.

Она умерла через несколько мгновений после того, как они, по одному, подбежали к остановке.

Сашка. Глеб. Иван.

Девчонка. В коротких конвульсиях, задыхаясь, с белой пеной вокруг рта.

Некрасивая.

Успела только выдохнуть.

– Хорошо, что его..., здесь нет...

Упал на колени около скамейки Иван, заплакал, зарыдал. По-мужски, не стесняясь, тяжело и громко.

– Дети, дети...

Капитан Глеб Никитин взял за плечо своего Сашку.

– Вернись быстро в кафе, подними аккуратно фляжку, сохрани. Она ведь знала..., готовилась к этому.

Сквозь жаркое марево послеполуденного неба прогрохотал где-то дальний самолёт, или раздался невероятный в таком прозрачном небе раскат грома.

И расстались они тоже не сразу.

Первым, махнув рукой, ушёл Иван.

– Я – домой. Пройдусь...

Встретил взгляд Глеба, помотал головой.

– И не думай. Всё будет в порядке, ничего даже в горло сегодня не полезет....

Не переживай. Мне бы немножко только поспать....

Потом в суете уличной толпы, в тёмном шелесте зевак, встал лицом к лицу с отцом Сашка.

– Ты как, куда сейчас поедешь? В гостиницу?

– А ты?

– Я его провожу!

Из-за спины Сашки выступила тоненькая Настя.

– Я отпросилась – мы погуляем немного, поговорим....

– Спасибо за всё, рыженькая!

– До свидания! И вам – удачи!

Забросив поплотнее на плечо рюкзак с ноутбуком, махнул рукой Сашка. Небрежно поправил светлые свободные волосы, славно улыбнулся.

– Пока! До встречи, па!

– До встречи...

Жара.

Гулкими ударами гудела голова.

Ничего не хотелось, не было никаких объяснимых желаний. Пустота, вокруг только пустота..., до звона, до стука в висках, до неприятно ржавого скрежета далёкого и совсем не такого уж и мерзкого, на самом-то деле, трамвая.

Жизнь и в этот раз подержала его в вынужденных объятиях, стиснула, брызнула внутрь кровью его сердца и отпустила. Стало легко.

«Будет ли такое ещё раз? Случится, обязательно.... А когда, когда?! Кто ж его знает.... Главное, что сейчас всё стало наконец-то простым и мне легко...».

И опять, по ставшим за эти дни вновь знакомыми улицам капитан Глеб Никитин шёл туда, где светло, где не нужно быть напряжённым душой, и где его обязательно ждут...

Он давно уже знал, что быть постоянно суровым – глупо, а долго переживать – нерационально. Любую жизненную страницу, даже самую ужасную содержанием, можно, а в большинстве случаев – просто необходимо, перелистнуть. Так проще, так лучше.... Так появлялся у него шанс свободно вздохнуть, выпрямиться и быть готовым к следующим возможным ударам.

В середине пути Глеб всё-таки порадовал городскую ребятню.

Внезапно решившись, он разулся, аккуратно закатал джинсы и шагнул к ближним струям уличного фонтана.

Давно уже насквозь мокрые, по такой-то жаре, мальчишки и девчонки завизжали, пробовали даже брызгаться на своего взрослого единомышленника, но капитан Глеб погрозил им пальцем, обильно намочил голову, с удовольствием умылся и вышел, почти невредимый одеждой, на траву газона.

Босиком.

Так было надо...

Дальше было проще. Захотелось даже смеяться.

Глеб и захохотал, едва заметив замершую крохотным тревожным столбиком, среди больших цветов, Марьяну.

– Ты как суслик в степи!

– Я тебя так ждала....

Всё было уже давно собрано, сумки упакованы, фотографические штативы сложены.

– Я ждала, а ты всё не звонил и не звонил...

Те из посетителей, кому повезло в этот солнечный день задержаться на просторах ботанического сада, были поражены увиденным. Нечасто ведь людям выпадает возможность наблюдать за тем, как два взрослых человека долгие-долгие минуты стоят посреди георгин, на виду у всех, обнявшись, и целуются. Жадно, рассматривая друг друга, сияя глазами, что-то изредка желая сказать...

– Ты не устала?

– Нет.... А что?

– Если я тебя сейчас отпущу, ты не упадёшь?

– Наверно....

– Тогда я понесу тебя с собой, хорошо?

– А ты куда-то опять уходишь?!

Капитан Глеб продолжил тихо смеяться.

– Не ухожу. Просто нужно поговорить с директором сада. Она приехала ненадолго из дома.

– Что вы будете с ней обсуждать?! Какие-то ещё неприятности?

– Нет, маленькая моя, неприятности закончились. Все. Остались только приятности, надеюсь.... Я ничего от тебя не хочу скрыть, просто с твоими вещами немного неудобно гулять по здешним аллеям. Но, если ты не против....

– Не против! Сама поташу свои сумки, а тебя никуда сегодня больше одного не отпушу! Пошли к твоему директору вместе!

– Не к моему – к нашему....

Тихо смеяться было уже невозможно – Глеб просто хохотал.

Рассерженная и долгим, напряжённым, ожиданием, и непонятными до конца обстоятельствами, и тревогой за дорогого ей человека, Марьяна стояла рядом с ним, подбоченившись, решительно готовая на многие лишения. Даже на тяжесть собственных сумок.

– Это ты надо мной так смеёшься?!

Марьяна строго нахмурилась и наставила на капитана Глеба тоненький указательный пальчик.

– Н-нет, нет, что ты...!

Глеб еле остановился, силой воли прекращая свой так не вовремя прорвавшийся, долгое время бывший неуместным, смех.

– Пошли.... Давай твои сумки. Только ты не кусайся, ладно?!

Решением Марьяны кофе для Глеба был в этот раз отменён. Добрая женщина-директор захотела угостить его привычным напитком, но была остановлена.

– Хватит ему...! Знаю я его! Для сердца вредно столько кофе за один день! Будем пить чай!

Пока женщины согласно готовили какой-то очень полезный его организму травяной чай, капитан Глеб прогулялся вокруг административного здания и заглянул в подсобку. Ивана ещё не было.

– ...Да, такое совпадение редко случается! Я даже подобного случая в своей практике и не припомню! Та маленькая сакура, окаме, попала в этот год в сильную тень, а тис, наоборот, внезапно, из-за этой рухнувшей сосны, оказался на солнцепёке. И каждый из них

созрел не вовремя! Сакура – позже, тис – значительно раньше. Как же всё это совпало?!

– Так бывает и у людей...

Глебу было хорошо.

Мягкий диван, вкусный ароматный чай, неторопливые, необязательные слова, приятные голоса вокруг.

– Девочка Алия созрела для настоящей жизни рано, думала о ней по-настоящему, как совсем взрослая женщина, а её мальчик Игорь – всё ещё оставался в тени собственных приятных сказок.... Да и рыжий внезапно, не ко времени, появился между ними на свет.

– Из-за этого они и погибли.

Дрожа губами, Марьяна держала свою чашку у самого лица.

Глеб обнял её за тоненькие плечи.

– ...Сегодняшним детям приятно задерживаться в мягких обстоятельствах своих игрушек. Сказочный мальчик Потттер и его атмосфера – это же так мило и карамельно, но ведь реальная жизнь-то куда как страшнее! Большинство из них всё понимают, они умненькие, но именно поэтому их и тянет ещё, как можно подольше, пожить в привычных с детства сказках.... Многие остаются там, в игрушках, до тридцати, а то и навсегда...

– Да уж...

Капитан Глеб подробно, насколько посчитал возможным, объяснил директору сада события дня.

– Комендант ваш будет завтра обязательно кричать. Не обращайте на него никакого внимания – это пустое.... Всем всё теперь ясно, угрозы той стороны не будут иметь никакого практического смысла. Иван готов публично объяснить свои взаимоотношения с этими банно-прачечными ребятами, думаю, что в университете к его словам должным образом прислушаются. Тем более что и следователи смогут, при необходимости, сообщить дополнительную информацию...

Ещё один глоток томительно-густого, коричнево-красного чая, ещё приятный горячий выдох... Капитан Глеб наслаждался.

– ...Иван всё знает. И у него нет теперь никаких причин волноваться и впустую злиться. Он начал понемногу задумываться над прошлым. Позабочьтесь о нём, сейчас главное для Ваньки – чтобы кто-то был рядом с ним, отвечал на его вопросы, прочно держал его на откосе...

– Да уж...

Директорша, непривычная для них воскресной, домашней одеждой, принялась протирать свои затуманенные паром горячего чая толстые очки.

– Плохо, конечно, что всё так у нас получилось, но хорошо, что быстро закончилось.... И Иван наш изменился, считай, за эти два дня, и девочка, бедняжка, вам всё так подробно рассказала.... Не нужно будет напрасно догадываться.

– Ну, ладно! Думаю, что нам пора!

Капитан Глеб Никитин встал с дивана, прогоняя из глаз дрёму.

– Да, нам действительно пора!

Рядом с ним так же решительно встал, строго выпрямившись, маленький фотограф Марьяна.

– Хорошо, хорошо, милые мои! Конечно же, сегодня же выходной, как-никак! Это я тут примчалась, как только меня вызвали, а вам-то чего уже здесь делать?!

– До свиданья! Рад был познакомиться! Мы хорошо вместе поработали!

Капитан Глеб церемонно поклонился директору ботанического сада.

– Ой, что вы, что вы...! И я рада! Вы такой строгий! Так всё правильно здесь делали...

Удачи вам, и в жизни, и в ваших делах! Всего, всего хорошего!

– Оправдаю!

Глеб ещё раз, не менее красиво, поклонился добродушной женщине.

– Удачи!

К концу такого продолжительного дня и тени стали заметно длиннее.

Они шли сначала по главной аллее, затем свернули на аллею с жимолостями и виноградом, а после, не сговариваясь, направились к беседке. Глеб поставил на скамейку сумки с фотоаппаратурой, садиться они не стали, просто он взял прохладные ладони Марьяны в свои, сильные, горячие.

– ...Помнишь, как ты заподозрил меня?

– Помню – это было приятно.

– Трепач.

– И это помню. Раз сто пятьдесят, наверно, ты успела меня так назвать....

– Смотри, это каталы! Я тебе не показывала её цветение на фотографиях?!

– Нет.

– У каталы такие очаровательные цветки!

– Верю...

Было заметно, что Марьяна о чём-то хочет его спросить, но говорит почему-то только о растениях и деревьях, видимых сквозь ажурную деревянную решётку беседки.

– ...Она, девочка эта, здесь и умерла?

– Да, у самой этой скамьи.

Марьяна вытерла глаза.

– Ну что, отдохнула? Пошли дальше?

– Пошли.

Потом Марьяна спрашивала его и об убитом парне, Игоре, и о драке, и смеялась над тем, как Глеб купался в фонтане.

– ...Сам знаю, что жестоко! Сашка чуть не плеснул моим же кофе мне в лицо! Но ведь так было надо.... Я сознательно устроил девочке прокачку, момент истины, как у классика. Иначе всё было бы зря.

Сквозь тёмные листья старых дубов светились на их жёстких ветвях изобилием молочных желуди, длинный солнечный блик разделил утиный пруд на две неравные части. В той, что поменьше, вовсю ещё плескались вечерние рыбы, а в просторной – слабый ветерок начинал гнать вдоль берега робкую рябь.

– На сегодня всё? Вы уходите?

Бодрая кассирша наконец-то появилась на своём рабочем месте и решилась, под конец дня, поговорить с последними посетителями.

– ...А вы приходите к нам ещё, приходите! У нас в сентябре тематические праздники будут проводиться и выставки народного творчества! Будет очень интересно! Обязательно приходите! А дирекция наша абонементы будет распространять скоро! Со скидками за вход, а те мамаши, что с колясками приходят к нам гулять, будут льготы по билетам иметь! Говорят, что вроде как пятьдесят процентов скидка.... Поэтому, если что, приходите, со скидками-то вам ведь ещё выгодней будет!

Марьяна грустно улынулась, не глядя на Глеба.

– Ну, малышка, не печалься! Не может же быть, что всё так окончательно плохо! Уверен, есть варианты...

– Дурак ты, капитан...

– Иногда бывает.

И Глеб, внезапно похолодев, покорно кивнул, соглашаясь.

– Удачи вам!

Кассирша всё никак не могла остановиться в прощании, почти наполовину высунувшись из своего окошка.

– И вам, хорошие мои, удачи!

Вновь, в конце всё ещё жаркого города, – тихая квартира.

Ночник.

Жёлтый пушистый халат.

– Утром я улетаю. Извини, что не сказал об этом раньше...

– Я знала. Догадалась.

– Как?

– По твоим глазам. Ты очень здорово умеешь путать людей словами, но глазами....

Только не меня.

– Прокол. Будем работать в этом направлении...

Глеб улыбнулся, поцеловал Марьяну. После её слов о лжи стало почему-то легче.

– Когда мне вдруг придётся остановиться, то хочется, чтобы это случилось примерно так.... Горы, солнечный снег, огромные ели, озеро – замерзшее только по берегам. Большая собака рядом, огонь, одинокий дом, лодка, старый друг. Свитер, простая посуда, простая пища – мясо, зелень, хорошее вино. Шахматы. И ещё та, чей голос и смех мне бы нравились...

– А зачем ты всегда улетаешь?

Капитан Глеб вытер пальцем слёзы Марьяны, взял её лицо в ладони.

– Поехали со мной? Ну?! Вместе, везде, а?

Маленькая женщина села на кровати, отвернулась, закутавшись в большой халат. Дрожала губами, стискивала сильно пальцами пальцы.

– Нет, я боюсь.... Я думала вчера об этом.... А как я буду без моего сада?! Пойми, я боюсь потерять то, что у меня уже есть: сад, работу.... У меня есть такая жизнь, а если..., если мы с тобой..., если с тобой что-то случится.... А если ты с кем-то...., то, как же я?! Я не смогу тогда.... Не могу. Я не поеду. Извини....

По дрожи плеч капитана Глеба можно было подумать, что он рыдает.

Марьяна знала, что сейчас он беззвучно хохочет.

Поднял большую, умную голову. Действительно, улыбка.

Честная, грустная, усталая.

– Ты умница! Очень. Ты права. Неправ я. Столько лет я готовился жить в одиночестве.... Ладно. Тогда не об этом. Ты скверно плаваешь! И я должен принять меры. Через некоторое время я приеду....

– Я буду учиться хорошо плавать! Обязательно! Не сомневайся, Глеб!

Глаза Марьяны, все в ещё невысохших слезах, – сияли.

– Я обязательно....

– Только не заплывай без меня за буйки! Обещаешь?!

– Да, да, обещаю....

– А если вдруг вернусь зимой?

– Я всё равно буду ждать...

Рассвет.

Тихо захлопнулась за ним дверь.

На тёмном городском перекрёстке кто-то рассыпал два ящика жёлтых яблок, и первые редкие машины осторожно объезжали их.

Совсем не чувствовалась сила будущего дневного солнца. Скорее, было прохладно.

Внезапно потемнел первыми влажными каплями-кляксами прокалённый дорожный асфальт. Зашелестели от сильных порывов ветра уличные тополя. На тротуарах подпрыгивали от ударов крупных капель дождя сухие, покореженные долгой жарой, тополиные листья...

Прошла неделя, и Марьяна с огорчением вспомнила о невыполнном обещании. Она вовремя не отменила продажу снимка дерева гинкго с бабочкой, а заглянув как-то на сайт, увидела, что фотографию кто-то купил. Со всеми её авторскими правами.

Прошло целую ночь плакать...

А однажды поздней осенью в аэропорту Копенгагена человек с усталыми глазами поднял воротник плаща, устроившись стоять за столиком в переполненном вечернем баре.

Уже не первая чашка кофе, раскрытый ноутбук, электронная почта.

«...Некогда было заниматься этим самому, да и не умею я ничего до сих пор толком. Пошла треска, работы было много, а недавно вот заштормило, два дня как на берегу, непривычно. Меня вот тут компьютерному делу учат, а я стараюсь.... До тебя было не дозвониться – наверно, ты всё летаешь, путешествуешь? Рядом – Мария, это она занимается со мной всем новым.... На похоронах я был, как профессор, в твоём костюме. В том, который ты мне купил. Вчера я был у той старушки, на железке, заглянул к ней на пять минут, проведать, как ты просил. Она передаёт тебе привет, говорит, что ты напомнил ей отца её Катюшки, а она его только раз и видела, а когда тебя тогда увидела, аж вся похолодела. Так ты на него похож. Всё. Пока ничего нового. Пиши. Твой Иван».

Среди множества других очередных объявлений иностранный авиационный голос проговорил, объявил посадку на нужный рейс. Нужно было идти.

Проходивший мимо уборщик-пакистанец с робкой улыбкой посмотрел на рабочий стол пока ёщё раскрытого ноутбука.

Простая фотография – серая кора какого-то старого дерева, а на ней – красно-чёрная бабочка.

2013